

С.М. Алейникова

«РУССКИЙ МИР»:
БЕЛОРУССКИЙ ВЗГЛЯД

Монография

Минск 2017

УДК: 339.924(47+57)

ББК:66.4,01

A46

Рецензенты:

Гурко А.В. – ученый секретарь Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
доктор исторических наук, доцент

Кизима С.А. – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
доктор политических наук, профессор

Римаренко С.Ю. – главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины,
доктор политических наук, профессор

Ярулин И.Ф. – декан социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета,
доктор политических наук, профессор

Алейникова, С.М.

A46 «Русский мир»: белорусский взгляд: монография /
С.М. Алейникова. – Минск: РИВШ, 2017. – 240 с.

ISBN

Монография является первой белорусской политологией попыткой комплексного анализа «Русского мира» – глобального российского интеграционного проекта, предполагающего «собрание» земель и народов на основе общих цивилизационных традиций и ценностей: русского языка и культуры, исторического прошлого, православной веры. Активное участие Республики Беларусь в международных интеграционных процессах обуславливает актуальность изучения «Русского мира» с учетом особенностей исторического пути развития белорусского общества.

Работа адресована политологам, социологам, аспирантам, магистрантам, а также всем, кто интересуется политическими изменениями в современном мире.

УДК: 339.924(47+57)

ББК:66.4,01

ISBN

© © Алейникова С.М., 2017

© Оформление РИВШ, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Проблематике реинтеграции постсоветского пространства, выработке новых моделей международного сотрудничества, поиска национальной идеипосвящено множество работ во всех отраслях научного знания.

Актуальность данной проблематики связана со стремительным ростом динамики всех общественных процессов: политических, социально-экономических, информационных, растущим числом вызовов и угроз, с которыми все чаще приходится сталкиваться уже не только постсоветскому, но и всему мировому сообществу. Набирают силу противоречивые тенденции, свойственные глобализирующемуся миру. С одной стороны, имеет место стремление к интеграции, с другой – отстаивание суверенитета и национальных интересов; сочетание секуляризации общества с усилением влияния религиозного фактора; стандартизации и унификации – с сохранением и возрождением национального колорита и самобытности; развития межкультурных коммуникаций транснациональных сообществ – с проявлениями нетерпимости, экстремизма, радикализма и др.

Подобная «маятниковость» процессов обусловлена многими причинами, из которых одной из основных является «точечное» решение возникающих локальных, на первый взгляд, проблем без учета их системного характера: генезиса, взаимосвязей между элементами, воздействий внешней среды, движения глобальных информационных потоков и т.п. Системный

характер существующих проблем требует системного подхода в их решении: поиске и выработке новых принципов управления политическими процессами. Многочисленные войны и конфликты привели демократическое сообщество к принятию того факта, что управление взаимодействием многочисленных субъектов отношений, характеризующихся разнонаправленностью и рассогласованием интересов, всегда лежит в плоскости их мотивации. Поэтому главенствующими в современных интеграционных процессах становятся не принудительные, а побудительные инструменты и механизмы, сводя к минимуму силовые способы реализации политических целей и задач.

На постсоветском пространстве функционирование подобных механизмов, ориентированных на поиск общих глубинных оснований, связывают в том числе с разработкой и продвижением идей «Русского мира» (далее – РМ) – глобального интеграционного проекта, призванного объединить на основе общих цивилизационных традиций и ценностей Беларусь, Россию и Украину, а также другие страны ближнего и дальнего зарубежья в единое геополитическое образование. Однако существующие политические реалии, ориентация многих стран бывшего СССР и соцлагеря на интеграцию с ЕС и НАТО, военный конфликт в Украине неизбежно внесли свои коррективы в восприятие и оценку перспектив РМ, надолго поляризовав и без того неоднозначные представления славянских народов об общности их цивилизационных оснований, традиций и ценностей. К числу наиболее острых вопросов, вызывающих дискуссии в научной литературе, конфессиональной и политической риторике, относятся критерии идентификации и принадлежности к РМ, его транснациональный характер, условность территориальных границ.

Особенность белорусского взгляда на РМ заключается в том, что это в равной степени взгляд как «изнутри», так и «извне» РМ. Исторически Беларусь всегда служила «мостом» между двумя полюсами: Востоком и Западом, православия и католицизма, либерализма и традиционализма, гармонично сочетая в себе черты различных культур, традиций и верований, не противопоставляя себя кому бы то ни было и в то же время реализуя своё право на самостоятельное развитие, свой путь и

своё место в мире. Беларусь – часть восточнославянского мира, связывающая возникновение своей государственности с фактом Крещения Руси, одна из стран, составляющих «ядро» РМ. В то же время Республика Беларусь – независимое суверенное государство, страна-учредитель ООН, равноправный субъект международных политических процессов. Это дает возможность объективно рассмотреть все аспекты РМ, не замыкаясь лишь на одном или нескольких, представляющих интерес исключительно для той или иной стороны.

Представленное исследование – первая в белорусской политологии попытка комплексного изучения РМ. В настоящее время в обществе нет единых представлений о РМ: в зависимости от оснований, закладываемых в данное понятие, он предстает и в качестве интеграционного проекта, и диаспоральной стратегии, и цивилизационного центра, и «русской идеи», и политической технологии, и идеологии. Системный анализ, осуществленный автором, позволил обобщить многочисленные подходы к РМ, выявить его потенциальное место и функции в международных интеграционных процессах, а также перспективы участия в данном проекте Республики Беларусь как суверенного независимого государства.

1 «РУССКИЙ МИР» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В современной научной литературе сложилось мнение, что понятие РМ введено в научный оборот П.Г. Щедровицким в 1990-х гг. как реакция на распад СССР и необходимость поиска новых стратегических идей и решений в деле «собирания» разобщенных русскоязычных соотечественников [47, с. 6; 431, с. 6; 436, с. 91; 531, с. 176 и др.]. Соответственно сфера влияния рассматриваемого концепта распространяется на постсоветское пространство, в первую очередь, в части русскоязычных стран «славянского треугольника» – Беларуси, России и Украины.

В самом генезисе понятия РМ выделяют три этапа: конституционного оформления, когда в качестве основы российской политики в СНГ была предложена идея консолидации русскоязычного сообщества (1998); придания идее РМ статуса государственной политики (2001); его институционализации и практического воплощения [531, с. 177; 532, с. 14]. Идеи необходимости поиска и конструирования новой идентичности прорусского мира, выходящего за территориальные границы России, начиная с 1990-х гг., выдвигались и обосновывались М. Гефтером [143], С. Градиловским и Б. Межуевым [158; 159; 334; 335; 336], А. Дугиным [187], Г. Павловским [421], П. Савицким [501; 502], В. Цымбурским [613; 614; 615; 616] и др.

В одной из первых программных работ, посвященных данной проблематике, – «Русский мир и транснациональное русское» – П.Щедровицкий открывает перечень многочисленных определений РМ: «Русский мир – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения Русского Мира» [662]. Вводя понятие «русского капитала», под которым понимается совокупность «культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка», П. Щедровицкий рассматривает РМ не столько как цивилизационное или культурное образование, сколько стратегию поддержки русского человеческого капитала за границами России [662].

«По умолчанию» определив ядром РМ Россию, П. Щедровицкий сразу ставит вопрос о его сетевом, транснациональном статусе: «Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах русского мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей» [661]. По сути, заявленная концепция РМ сразу была оформлена как несколько модернизированная, но мало изменившаяся по содержанию «русская идея», смыслом которой является максима «великой Россия»: «Россия может быть великой или никакой» [318], «Россия будет либо великой, либо ее совсем не будет» [476, с. 601].

Данные определения сразу очертили круг проблем, до настоящего времени вызывающих дискуссии в научном дискурсе, политической и конфессиональной риторике, а именно:

- а) критериев идентификации и отнесения к РМ,
- б) его транснационального, надгосударственного характера, и соответственно –
- в) реальных и потенциальных территориальных границ, а также возможной политической формы его воплощения, т.е. по сути оценки развития внешнеполитического вектора России.

Собственно, позиционирование авторов относительно указанных проблем и обусловили структуру и содержание основных теоретико-методологических подходов к РМ, сложившихся к настоящему времени в научной литературе. Различия заключаются, главным образом, в расстановке приоритетов в поиске и структурировании оснований и признаков принадлежности к РМ.

Несмотря на всю разноплановость и многочисленность определений и трактовок РМ – от «энергии жизни» до «воображаемого сообщества»¹, – представляется обоснованным говорить о сформированности в научной литературе трех основных теоретических подходов, которые условно можно обозначить как культурно-цивилизационный, религиозный, геополитический. Каждый из указанных подходов характеризуется как наличием используемого категориального аппарата, устоявшимися признаками внутренней структуры, так и целым рядом противоречий, часть из которых уже решена исследователями, часть лишь выявлена и обозначена, а часть еще требует анализа, постановки и решения. Следует отметить, что в большинстве работ сочетается сразу несколько подходов и типологических оснований. В методологическом плане это дает основание рассматривать РМ как междисциплинарный концепт, оперирующий широким многообразием смыслов и коннотаций, вкладываемых в его содержание. Сравнительный анализ структуры и смыслового содержания указанных подходов позволил выявить и систематизировать основные критерии, противоречия и перспективы дальнейшей разработки данного концепта.

¹ Вот часть определений-характеристик РМ, представленных в научной литературе: доктрина [47; 619; 273; 205; 362], концепция [14; 70; 403; 523], концепт [82], идеология [70; 521; 523], идеологема [598], стратегия [31; 79; 80; 281; 518], цивилизация [79], теория [47]; архетипическая матрица [70], идеологема [286], транснациональное образование, бренд [219], геополитическая конструкция [79; 518], комплекс норм и представлений [245], культурно-цивилизационный феномен [46; 47; 518], культурно-цивилизационный центр [518], славянская цивилизация [487], особая российская цивилизация [420], духовная общность [70], цивилизационная общность [281; 282], социокультурная общность [431], локальная цивилизация [60], цивилизация человечности [60], цивилизационная матрица [81], модель консолидации [47; 48]; платформа [79], образ мира [81], форма общности [217], воображаемое сообщество [668], связь во времени и пространстве [371], мифологическая парадигма [500], историче-

1.1. «Русский мир» как культурно-цивилизационный концепт

Наиболее популярным в научной литературе и в то же время наименее разработанным в теоретико-методологическом плане выступает культурно-цивилизационный подход, различным аспектам которого посвящены многочисленные работы главным образом российских ученых: О.Н. Батановой [46; 47; 48], Р.Э. Бараш [41; 436], Е.В. Бильченко [70], Л.В. Бочковой [77; 78; 79; 80], И.А. Бубновой [81], В.Н. Иванова [217], С.Н. Кочерова [281; 282], В.Н. Ксенофонтова [295], В.М. Межуева [334], В.А. Никонова [383], С.П. Парамоновой [426], Е.А. Пеньковой [431], В.Г. Федотовой [596], В.И. Фатющенко [591], А.Ф. Яковлевой [668], Н.А. Ярковой [673; 674; 675] и др.

Концепт РМ в рамках культурно-цивилизационного подхода носит междисциплинарный характер и рассматривается на стыке сразу нескольких отраслей гуманитарного знания: социальной философии, социологии, культурологии, религиоведения, истории. Междисциплинарный характер исследований, с одной стороны, обеспечивает возможность системного анализа и комплексной характеристики рассматриваемого явления. С другой стороны, формируя некоторую стереотипность понятия, обусловил недостаточную разработанность категориальной сетки, наличие ряда внутренних противоречий методологического характера, которые сводятся, как правило, к природе РМ и критериям его идентификации.

ский и социокультурный феномен [295], геополитическая образование [286], государственный организм [487], политико-идеологический проект [585], культурно-историческая общность [26; 486; 487], система социокультурного развития [295], управленческий проект [284], сообщество исторически связанных с Россией государств [21], русскоязычное сообщество [33], русскоязычное пространство [619], русская цивилизация [481], культурно-доктринальная платформа [376], энергия русской культуры [33], сетевая структура [46; 47; 532; 661; 662; 636], механизм наследования русской культуры [596], культурный прецедент [596], русская национальная модель мира [25], человеческий мир [420; 421], живое пространство [128], идеология взаимодействия исторической родины и диаспоры [619], социокультурная реальность [400], пространство русского присутствия [294], ареал распространения русского языка и культуры [311], целостность духовного пространства [273] и др.

Согласно данному подходу, РМ – это особая цивилизация (общность людей и народов), основным признаками принадлежности к которой являются:

- а) общие ценности, традиции и обычаи;
- б) русский язык и культура;
- в) единые представления об общей исторической памяти [47; 217; 245, с. 124; 252, с. 18; 295; 254, с. 774–775; 311; 371; 564; 673, с. 128; 674, с. 77; 676, с. 118; и др.].

В качестве отдельного признака в некоторых случаях выделяется самобытность хозяйственной модели, сложившейся в России [403, с. 16; 486, с. 135–136; 487, с. 42–43; 532, с. 217; 564, с. 6–8]. Общинный тип хозяйства и способ производства являются главным отличием экономических систем славянского Востока от западных: «как одно из определений русского мира выступает «коллективизм». Коллективный способ производства... явно показывают нам отличия русского мира от других миров, которым присущ индивидуалистический способ производства общественной жизни» [673, с. 129]. По сути, в рамках культурно-цивилизационного подхода РМ представляет собой идеальный образ России.

Указанные признаки обусловлены историческим развитием русской цивилизации и имманентно присущи, по мнению большинства российских авторов, не только восточным славянам, но и всему русскоязычному сообществу – независимо от национальной, этнической и гражданской принадлежности его представителей [591, с. 36, 158–163]. В совокупности перечисленный набор признаков отсылает к сталинскому определению нации как «исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [555, с. 296].

Основная же сложность концептуализации РМ заключается в том, что, несмотря на то, что подавляющее большинство трактовок и определений РМ оперируют категорией «цивилизации», ее содержательные рамки, при всём множестве существующих теорий и концепций цивилизации, как правило, не раскрываются [10, с. 94, 25; 656, с. 57]. Это затрудняет обоснование как теоретико-методологических оснований изучения рассматриваемого концепта, так и определение возможных

критериев отнесения к РМ, поскольку каждый из используемых авторами терминов несет свою, строго определенную смысловую нагрузку.

Так, например, в диссертационной работе О.Н. Батановой «Русский мир и проблемы его формирования» присутствует весь спектр характеристик РМ: «особая цивилизационная модель», «социокультурное пространство», «концепт», «доктрина развития», «концепция», «транснациональное образование», «теория», «перспективная модель консолидации», «идея» [47; 48; 46]. В работах других авторов терминологический ряд подобного рода дополняют такие определения РМ, как «культурно-цивилизационный феномен» [532], «цивилизационная платформа» [79], «культурно-цивилизационный центр» [518], «культурно-цивилизационная платформа» [376], «цивилизационное понятие» [47; 306], «самостоятельная цивилизация» [383], «цивилизационная матрица» [81], «пространство цивилизационного развития» [431], «цивилизация всечеловечности» [676, с. 94; 60, с. 24], «своеобразная цивилизация» [377], «живая цивилизация» [372], «православная цивилизация» [3, с. 20], «православно-славянская цивилизация» [299], просто «цивилизация» [78; 254; 172] и т.п.

Те определения, в которых терминологические уточнения присутствуют, также не дают полного представления обоснования и содержания рассматриваемого концепта: РМ определяется и как «российская» цивилизация [420; 205], и «русская» [531; 481], и «славянская» [487]. Очевидно, что в приведенных определениях заложены различные признаки РМ и соответственно основания коллективной идентификации: политический, этнический, социокультурный. Природой подобных разночтений может являться, помимо гносеологической неопределенности и иерархичности самого цивилизационного подхода, тенденция достаточно спорного отождествления культурных и социально-политических систем, на которую указывал в свое время еще П. Сорокин [552, с. 51]. Поэтому в рассматриваемом контексте в качестве главного обобщающего признака как самой цивилизации, так и принадлежности к ней, на первый план выходит понятие общности, также отличающееся разнообразием характеристик.

В частности, Е.А. Пенькова и В.К. Сергеев рассматривают РМ как «социокультурную общность» [216, с. 18; 431, с. 12], В.Н. Ксенофонов выделяет «общность традиций и обычаев народа» [295, с. 121]. Как «форму общности людей на основе общности языка, культуры, исторической памяти» понимает РМ В.Н. Иванов [217, с. 6]. «Феномен лингвистической, культурной и исторической общности» РМ определяется В.Д. Агеевой [3, с. 15]. В трактовке Е.В. Бильченко РМ предстает и как «социокультурная общность людей» и как «духовная общность русской цивилизации» [70, с. 5; 431, с. 4]. Более обтекаемую формулировку РМ предлагает С.Н. Кочеров: это «цивилизационная общность людей и народов, объединяющихся вокруг России» [281, с. 543]. В.И. Фатюшенко основой РМ считает общность восточнославянскую: «Основой Восточно-христианской цивилизации, а именно цивилизации Древней Руси и России, явилась восточнославянская общность. Русский мир – важнейшая часть этой цивилизации» [591, с. 36].

Как историческую общность этносов, находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры, РМ рассматривают В.Ю. Даренский и В.Н. Иванов [171; 218]. Духовно-географическая общность выходит на первый план у П.Н. Савицкого: «Россия-Евразия – другой мир географически, исторически и духовно. Это – русский мир, центральный мир старого материка, ибо Россия занимает на этом материке основное его пространство, его торс» [617, с. 112]. На духовной, культурно-исторической общности как основы РМ акцентируют внимание В.Д. Ковалев и Н.А. Яркова, считая, что РМ представляет собой «обладающую специфическими особенностями, объективно сложившуюся культурно-историческую общность народов и населенных территорий, которая развертывает свой потенциал, руководствуясь необходимостью установления адекватных отношений между природой и обществом, совершенствуя данные отношения с целью укрепления своей жизнеспособности» [245, с. 123; 675, с. 9].

Еще одно определение РМ как общности предлагает В.А. Кравченко: РМ – это «цивилизационное, социокультурное, транснациональное пространство, охватывающее N-ную общность людей, которые соотносят себя с русской культурой, рус-

ским языком, с духовными и ментальными ценностями, присущими русской традиции» [284, с. 98]. В данном определении ключевыми становятся два разноплановых признака общности: «пространство» и «русская традиция». Причем к характеристикам пространства, помимо достаточно условных «цивилизационного» и «социокультурного», добавлено «транснациональное», что в сочетании с многократным «русским» требует уточнения смысловых рамок последнего. Само же пространство, охватывающее указанную общность, априори не может быть определено территориальными границами.

Различие и многообразие оснований, закладываемых авторами в понятие «общности», с одной стороны, позволяет говорить о расширительной концептуализации РМ, включающей в себя самые различные его аспекты. С другой стороны, зачастую обуславливает многозначность трактовок и определений РМ даже в рамках тематических диссертационных исследований. Так, согласно определению О.Н. Батановой, РМ – «это глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [47, с. 14–15]. Кроме этого, РМ – «это транснациональное, глобальное образование, идентифицирующее себя с русской культурой и русским языком, с духовными и ментальными признаками русскости» [47, с. 10]. Дифференциация приоритетов категориальных признаков РМ (культурно-цивилизационный феномен или транснациональное образование) разрешается тезисом о переходе РМ из разряда сетевых политических организаций в цивилизационную модель, т.е. заключается не в ранжировании признаков, а в последовательности этапов формирования и воплощения РМ.

Исходя из данной логики, важнейшими условиями принадлежности к РМ является не столько осознание цивилизационной общности, сколько гражданство бывшего СССР, владение русским языком и лояльность к современной России: «зарубежный российский соотечественник – индивид, имеющий происхождение из ранее единого государства, владеющий русским язы-

ком, идентифицирующий себя с Россией и лояльно относящийся к ней, ощущающий духовно-культурные связи с прародиной, поддерживающий контакты с Российской Федерацией» [47, с. 16]. Обращает на себя внимание, что в приведённой конструкции «духовно-культурные связи» становятся второстепенными, выдвигая на первое по значимости место именно политические критерии отнесения к РМ. В то же время ключевое значение РМ автор видит в том, что РМ как социокультурная общность статусно выше этнического измерения современного общества.

В ещё одной крупной тематической работе В.Н. Иванова и В.К. Сергеева «“Русский мир” и социальные реалии» РМ – это и «проект», и «комплексная программа задействования культурного кода русской культурной “матрицы”», и «концепция», и «инструмент» [216, с. 48–54]. Понятия «проект» и «программа» носят описательно-декларативный характер, «концепция» подразумевает систему взглядов, идей, способ понимания того или иного феномена. «Инструмент» предполагает непосредственные способы реализации. Однако все приведенные в работе характеристики РМ представляются адекватными предмету изучения, поскольку раскрывают различные его аспекты.

Несмотря на приведенную множественность характеристик и некоторые различия в расстановке акцентов, представляется обоснованным говорить об их типологической схожести, поскольку в большинстве случаев основой РМ выступают общие цивилизационные признаки, центром, источником и хранителем которых является Россия: «Русский мир – это концепция объединения всех людей, ощущающих сопричастность к русской культуре и России» [271]. Перечень признаков весьма обширен: язык, культура, традиции, обычаи, ценности, территория, духовно-культурные связи и т.п. В то же время большинство из них не столько анализируются, сколько декларируются, выступая в качестве символа, идеального образа или мечты [10, с. 67–68; 431, с. 9, 487; 575, с. 2–4].

В частности, в определении одного из главных идеологов РМ Н.А. Нарочницкой, РМ «это не только Россия и русские в мировой истории. Русский мир – это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами

и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями. Русский мир – это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него» [371, с. 5]. П.Н. Савицкий определяет РМ как «мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом и во многих других смыслах. Это «третий Рим» Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный» [502, с. 480].

В эмоциональном, символическо-образном стиле РМ представлен Е.М. Астаховым: «Русский мир – это энергия русской культуры, которая распространяется в мире автономно, подчас независимо от воли правительств» [33, с. 316]. К символическим категориям можно также отнести «целостность духовного пространства русской культуры» [273, с. 55] «духовные и ментальные признаки русскости» [28, с. 3019], «энергию русской культуры» [33], «сумму базовых идей, транслируемых традиционной духовной культурой и определяющих национальную специфику мировосприятия» [81]. Ряд подобного рода определений, отсылающих к метафизическим и трансцендентным основаниям, дополняют «живое пространство» [128], «метафизический уклад» [667, с. 56], «географическое пространство русского присутствия» [294], «генетический код» [426], «уникальный человеческий мир» [420, с. 301], «ноосфера Русского мира» [531, с. 180], «духовно и материально самодовлеющий мир» [99, с. 489] и т.п.

Приведенные позиции свидетельствуют об исключительном месте РМ и России в ценностно-мировоззренческой системе авторов, однако значительно затрудняют выявление и определение каких-либо критериев его теоретического анализа. Все это дает основание некоторым авторам рассматривать РМ в качестве «воображаемого сообщества» (*imaginedcommunity*) [30, с. 272], Лада («русской национальной модели мира») [25] или *PaxRossica* («мира») – понятия, аналогичного *PaxRomana*, *PaxAmericana*, *PaxIslamica* [675, с. 7; 676, с. 110], «государства-мира (*imperium*)» [254, с. 121]. Сама категория «мир» рассматривается в различных аспектах: аксиологическом, территориально-временном, культурном, онтологическом [163, с. 20]. Приведенная позиция согласуется с мнением В.А. Тишкова, определяющим понятие «мир» как объединенное причастностью к определенному государству и его культуре трансго-

сударственное и трансконтинентальное сообщество. Наряду с Россией, к категории «мира», по мнению В.А. Тишкова, могут быть отнесены только Испания, Франция, Китай и Великобритания [576, с. 530; 577].

В аналогичном ключе – с позиций «мира» – к рассмотрению РМ подходят А.В. Кольев, Н.М. Чуринов, А.Ф. Яковлева, Р.М. Ямилов и ряд других ученых, выделяющих германский, англосаксонский и китайский мир, каждый из которых формирует свою цивилизационную специфику, сферу политических интересов и влияния [629; 254, с. 121; 670, с. 77]. За основу РМ, однако, берутся не русский язык, культура, российское государство, а человек с его самоидентификацией и самоощущением русского как единственного основания отнесения к РМ. По мнению С.П. Парамоновой, «Русским миром можно назвать носителей русского, традиций, культуры. Русским миром можно назвать территорию и проживающих на ней людей, причем необязательно тех, кто здесь родился или является русским по национальности, а всех, кто интересуется Россией, много о ней знает, т.е. вовлечен в русский мир» [426, с. 201]. Человекоцентризм такого подхода дает основание заявлять авторам о том, что «говорить о Русском мире нужно, не привязывая его ни к Российскому государству, ни к русской нации» [668, с. 270]. Еще одной отличительной чертой РМ, в первую очередь, от исламского мира, является более низкий уровень консолидации, организованности и чувства принадлежности его участников [218, с. 44].

Перемещаясь в сферу абстрактного идеального, РМ с большим основанием можно рассматривать в качестве модернизированного варианта «русской идеи», поскольку «не может быть русского мира без русской идеи» [282, с. 163], а «Россия сможет выполнить роль лидера русского мира только решив задачу нравственного оздоровления» [217, с. 12; 354, с. 71]. Кроме этого, идеологическое измерение любого концепта, в том числе РМ, ориентирует, во-первых, на оценочное восприятие, и, во-вторых, на формирование мотивации субъектов взаимодействия [20, с. 12; 476, с. 22].

В то же время именно с идеей, формирующей «определенное мировоззрение, которое способствует самоутверждению русского народа» [673, с. 128], в РМ были и есть значительные

проблемы. Многочисленные попытки увязать концепт РМ с выработкой национальной идеи в большинстве случаев уводят не к поиску ценностно-мировоззренческой тем более деятельностного начала как основной консолидирующей функции любой идеологии, а к абстракции и традиционной для русского менталитета саморефлексии [67, с. 51; 334, с. 10; 403; 591, с. 163 и др.]. «Русская идея» представляет собой идеал, т.е. утопию, но не цель или интеграционный проект. Острой проблемой является также то, что в российской интеллектуальной среде до сих пор нет единого мнения как о будущем, так и прошлом России, поскольку «национальная история всегда писалась с точки зрения будущего» [387, с. 87].

Дискуссии по поводу непредсказуемости исторического прошлого России связаны с двумя аспектами. Первый аспект обусловлен общей тенденцией переоценки исторического прошлого постсоветских стран, обусловленной, по определению Ж.Т. Тощенко, «травмированным историческим сознанием» и связанной с этим необходимостью поиска новых путей и стратегий национального развития [579, с. 17–21]. Второй связан с процессом постепенного замещения коллективной памяти новыми идеологическими конструктами [214, с. 237; 154, с. 143–144; 331, с. 3–4]. Историческое прошлое становится политической технологией, инструментом управления коллективным сознанием: «не воспоминанием, но общей экономией и управлением прошлым в настоящем» [387, с. 84]. Основной целью репрезентации образа прошлого и «перекодирования» архетипов является формирование дискретного (неустойчивого, несистемного) типа междубъектных связей и взаимодействий, облегчающего управление политической системой в условиях глобализации.

Активное внедрение и функционирование данных технологий на постсоветском пространстве имеет своим следствием множественность и конкуренцию моделей прошлого. Автор не ставит своей целью сравнительный анализ исторических подходов к этногенезу и генезису государственности стран бывшего СССР, отметим лишь, что эти подходы кардинально разнятся. Поэтому более обоснованным представляется говорить не об общей исторической памяти, а об общих (конвенциональных, договорных) представлениях о ней.

Одним из следствий указанных процессов становится противоречивое восприятие «русской идеи», причиной которого видится фундаментальное расхождение между архетипическим и бытовым массовым сознанием. Данное расхождение заключается, во-первых, в утрате российским обществом «срединной культуры» и культурного прецедента [40, с. 36–375; 98, с. 231–233]. Во-вторых, в одновременном сосуществовании социума в различных, как правило, противопоставляемых друг другу, субкультурах и моделях исторического прошлого [121, с. 23; 499, с. 27]. Некоторые исследователи ставят проблему предельно жестко, заявляя по сути о нивелировании, или, в лучшем случае, декларативном характере такого основания РМ, как русская культура: «Русский мир держится на простых остаточных базисах русской культуры, подкрепляемых ностальгией и чувством патриотизма» [93, с. 40; 285, с. 112; 574, с. 19–20].

Данная проблема рассматривается с позиций динамики и функционирования культурных моделей, в условиях глобализации все чаще ориентированных на интеграционную функцию [611, с. 3]. Так, Е.В. Хлыщева выделяет четыре типа интеграционных моделей, сложившихся в Европе для решения проблем многонациональных сообществ и взаимоотношений «центр–периферия»: имперскую, народную, республиканскую и многокультурную [606, с. 34]. Особенностью российской модели становится представление о РМ не только как цивилизационном образовании, но и культурной модели – идеального образа российской цивилизации. Наличие в модели только идеала, заменяющего цель и функции, дает основание говорить о новом осмыслении российской идентичности, которая все чаще формулируется как «ложная самоидентификация», «идентичность–ожидание» [247, с. 69] и т.п.

Отдельный интерес представляет конструкция РМ в трактовке А.Л. Андреева. В целом ряде работ, посвященных изучению общественного мнения [21–24], РМ предстает уже не как теоретическая рефлексия конкретного исследователя, а как реальное отражение соответствующих идей в российском общественном сознании: мечтах, страхах, стереотипах. Что касается мечтаний, то материальный достаток и потребительский рай являются безусловными лидерами. В контексте рассматри-

ваемой темы гораздо больший интерес представляют данные о том, что, например, общая культура не является для россиян сколь-либо значимым объединяющим фактором. Так, около половины россиян считают, что современной России нужны чувство общности и коллективизм, однако чувство общности с представителями русской культуры ощущают лишь крайне незначительный процент респондентов [22, с. 123; 23, с. 104]. Поэтому, говоря о культуре как одном из главных интегрирующих оснований и признаков принадлежности к РМ, более обоснованно обращаться не к самой культуре, а к тем или иным ее образам. Именно образы, т.е. идеальные представления о «национальном характере», «национальной культуре и традициях», «национальном языке» и т.п. явлениях, лежат в основе конструирования большинства современных политических процессов.

В большинстве работ нероссийских авторов ценностные, религиозные и т.п. критерии принадлежности к РМ вообще практически не затрагиваются. Основанием РМ с существенными оговорками называется русская культура, обсуждение которой сводится, главным образом, к языковой проблеме: официальному статусу русского языка, возможности получения образования на русском языке, перспективам развития русскоязычных школ и т.п. [361; 564]. Критике подвергается тезис о самом наличии неких незыблемых общеславянских традиционных ценностей, что дает авторам основание ставить вопрос о том, «можно ли считать русскую культуру фантомом утраченной православной (христианской) культуры», а разговоры о роли в указанных процессах «святого православия» уподобить «фантомным болям по ампутированной части тела» [35, с. 62]. Остаточный и эклектичный характер современной русской культуры предопределяет чужеродность идеологической составляющей и РМ: «всегда свою идеологию Русский Мир основывал на заимствованном образце – нет у нас самобытной идеологии. Это нужно осознать и принять» [670, с. 82]. Одним из подобных заимствований становится вариант совмещения идей РМ с либеральной идеологией [239, с. 19].

Значительная «размытость» одного из ключевых признаков и интеграционных оснований РМ – русской культуры – ставит еще одну проблему, общую не только для постсоветского про-

странства, но и всего европейского региона: проблему идентичности. Под идентичностью в научной литературе все чаще понимают как сами традиционные понятия «самоопределения» и «самосознания», так непосредственно механизмы их формирования, т.е. ее функционального назначения [90, с. 19; 91, с. 50; 115, с. 13]. Основной проблемой современной российской идентичности называется «несовпадение между собой ее базисных элементов: этнического расового, культурного и политического» [247, с. 133].

Детальная многолетняя разработка данной проблематики осуществляется, в первую очередь, РАН и представлена крупными исследованиями ведущих российских ученых А.Л. Андреева [21; 22; 23], Р.Э. Бараш, Ю.А. Гаврилова, Л.М. Дробиневой [183; 184], М.М. Мчедловой [362], В.А. Тишкова [578; 576], В.А. Шнирельмана [650; 651; 656] и др. Обобщая огромный массив как эмпирических, так и теоретических данных, к основным системным противоречиям, существенно осложняющим процессы конструирования новой идентичности как интеграционного основания в контексте рассматриваемой темы можно отнести следующие.

Во-первых, с одной стороны, жёсткий русскоцентризм РМ [669, с. 7], с другой – наднациональный характер «русскости», которые потребуют дополнительных уточнений смыслов и трактовок понятий русской и российской идентичности. В теоретических дискуссиях наднациональный характер «русского» аргументируется тем, что «русские – не национальность, а призвание служить России» [475, с. 19], а «в самой по себе Русской идее есть не только русскость, но и цивилизационная идея, которая принадлежит и другим народам, сплотившимся вокруг русского народа в построении цивилизации “Россия”» [591, с. 158]. Поэтому «каждый патриот, любящий и ценящий Россию, является русским» [194, с. 104]. Соответственно «русский – это даже не столько название национальности, сколько обозначение общих черт характера, мировоззрения разных народов, проживающих в России. Русский – это тот, для кого русский язык является родным, кто думает по-русски, кто отождествляет себя с русской культурой, кто любит Россию» [524, с. 9–10].

Подобная позиция согласуется с идеей культурного наполнения русской идентичности, которая «не ограничивается этническими либо географическим рамками, а является ценностно-нормативной» [532, с. 14]. Кроме этого, отмечается, что этнические идеологемы не обладают мобилизующей силой [119, с. 8–9; 436, с. 89]. Однако, если русская идентичность не связана ни с этнической, ни с гражданской принадлежностью, а культурные основания носят остаточный характер, это ставит вопрос о самом существовании как «русскости», так и РМ, а сами понятия перемещаются в разряд политических мифологем и становятся «грандиозным культурным мифом российской цивилизации» [286, с. 117].

Во-вторых, ориентирование на «русскую идею», поиск которой традиционно остро актуален главным образом для интеллектуальной элиты России, однако не представляет предметного интереса для большинства суверенных стран бывшего СССР, ориентированных на решение собственных целей и задач государственного развития. В случае участия в проекте РМ независимым государствам – бывшим республикам СССР – придётся находить баланс между необходимостью формирования национального самосознания, отстаиванием интересов государственного суверенитета, с одной стороны, и определением условий и степени вписываемости в новое политическое образование РМ – с другой.

В-третьих, объективно существующая множественность и конкуренция в рамках одного общества различных форм идентичностей (политической, этнической, религиозной, региональной и др.) [183, с. 10; 184, с. 83–84; 300, с. 99; 307, с. 139 и др.]. В частности, традиционная религиозная или политическая идентичность, как правило, исключает идентичность национальную или этническую, поскольку, например, религиозное сознание исходит из вселенского характера христианства, идеи коммунизма подразумевают интернационализм, бесклассовость и т.п. К тому же сочетание различных видов идентичностей у одного субъекта, т.е. его ролевой набор может привести к внутреннему ролевому конфликту («православный атеист», «верующий коммунист», «русский буддист» и т.п.).

Наиболее распространенным видом конфликтов, требующего политических инструментов урегулирования, на постсоветском пространстве принято считать этнический. Однако глубинные противоречия, обуславливающие тот или иной конфликт, оказывались, как правило, связаны именно с рассогласованием в рамках одной политической системы интересов различных групп общностей (этнической, религиозной и др.) [507, с. 10; 631, с. 140–141; 650, с. 5; 655, с. 76]. Потенциальная ролевая конфликтность различных видов идентичностей требует дальнейшей разработки концепта РМ, который как раз и способен выступить одним из интегрирующих оснований [1, с. 20; 576, с. 544; 651, с. 110]. Интерес в этой связи представляет подход, согласно которому разрешение указанных рассогласований и противоречий может быть осуществлено через выстраивание иерархии идентичностей.

К основным уровням данной иерархии по восходящей относятся:

- региональный (восточнославянская, евразийская идентичность);
- общенациональный (русская);
- цивилизационный (славянская, православная, византийская), под которым понимают «самоотождествление индивидов, групп, этносов, конфессий на основе определенной социокультурной общности» [148, с. 319; 198, с. 53; 366, с. 21].

Основанием цивилизационной идентичности является «межэтническая мегаобщность людей, длительно проживающих в одном регионе, основанная на единстве исторической коллективной судьбы разных народов, взаимосвязанных социокультурными ценностями, нормами и идеалами» [196, с. 16]. Некоторыми авторами отдельно выделяется идеологическая идентичность как отождествление субъектов с определенной идеологией (в частности, с идеологией РМ), сплочение которых в сообщество обеспечивает система общих целей смыслов и ценностей [147, с. 12]. РМ в приведенной иерархии идентичностей относится к высшему, цивилизационному уровню [298, с. 119; 299, с. 267]. Предложенный подход представляется наиболее адекватным динамике и характеру современных политических процессов, смещая акценты из социокультурного понимания идентичности к политологическому. РМ соответственно может быть представ-

лен в качестве инструмента конструирования идентичности и соответственно одного из факторов обеспечения национальной безопасности [196, с. 37–39; 197, с. 60; 199, с. 60].

Как видно, в большинстве случаев попытка концептуализации РМ в рамках культурно-цивилизационного подхода сводится к полемике о наличии или отсутствии так называемой русской цивилизации как отдельного сообщества с определенным типом культуры и иерархией ценностей, принципиально отличной от иных ценностных систем [70, с. 7; 678]. Акцентирование внимания на собственной цивилизационной исключительности дает основание и для критики данного подхода. В частности, А.М. Верховским российская идеология «особого пути» обозначена как «цивилизационный национализм» [110, с. 23], в котором отмечаются как позитивные, так и негативные стороны. Следствием данной идеологии, по мнению А.М. Верховского, становятся радикальные проявления уже не столько идеологического, сколько институционального характера (православный фундаментализм, национализм, монархические движения и т.п.). С другой стороны, отмечается, что именно цивилизационный национализм способен объединить такие трудносочетаемые идеи, как имперскую, националистическую, цивилизационную, православную, и выступить тем самым «едва ли не единственным средством консолидации общества, приемлемым для нынешнего российского политического режима» [110, с. 40].

В указанном контексте РМ может рассматриваться в двух качествах: идеологии (концепции, стратегии развития) и самостоятельного политического субъекта. В первом случае РМ становится инструментом реализации стратегических внешнеполитических целей Российской Федерации, во втором – непосредственным актором (участником) политических процессов. Однако в обоих качествах предназначение РМ в рамках культурно-цивилизационного подхода сводится не столько к само-refлексии, поиску идентичности и собственных путей развития, сколько к перспективам глобального цивилизационного противостояния.

Помимо перечисленного, следует принимать во внимание, что при включении в границы РМ всего русскоязычного сообщества как ближнего, так и дальнего зарубежья, идеология РМ

не ограничивается ролью узкой национальной идеи. Выступая в качестве значительно более широкой идеологии неоевразийства, она основывается на принципе многополярности мира и предполагает цивилизационное противостояние не только Западу, но также Китаю и активизирующемуся исламскому миру². Возможность институционализации идеологии евразийства, результатом которой стала бы объединенная Евразия во главе с Россией, ставится под сомнение разнородным отношением со стороны различных этнических групп и региональных политических сил, ориентирующихся не столько на идеальные образы, сколько свои сугубо финансово-экономические интересы [653, с. 43–44]. Поэтому в качестве основы аргументации на первый план выходит отсылка именно к цивилизационному (в первую очередь, языковому и культурному) признаку. Это связано с тем, что в современном глобализирующемся мире уже именно цивилизации начинают воспроизводить новые транснациональные образования.

На практике это выражается в формулировании перечня угроз РМ, поиск которых осуществляется исключительно со стороны внешних негативных воздействий и соответствует стереотипным ожиданиям постсоветского общества. В качестве главной угрозы предсказуемо выступает глобализация в части таких ее проявлений, как вестернизация культуры и релятивизация («размывание») ценностей, утрата восточными славянами устоявшейся модели исторического прошлого. Поэтому сама возможность диалога цивилизаций ставится под сомнение [336, с. 46–47].

В целом можно сделать вывод, что в рамках рассматриваемого подхода РМ представляет собой модернизированный вариант «русской идеи», поскольку отвечает её основным характеристикам и требованиям, предусматривая: над- либо транснациональный характер, условность территориальных границ, мессианство, противопоставление «своих» «чужим», необходимость обязательной защиты провозглашенных идей и ценностей от негативных внешних посягательств.

²Меньше распространена точка зрения о консолидирующем предназначении РМ: объединяющей функции России, снимающей конфликтные противоречия между Западом и Востоком: «русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света» [7, с. 8; 502, с. 493].

1.2. Специфика и основные проблемы религиозного измерения «Русского мира»

Разновидностью культурно-цивилизационного подхода к РМ является религиозный, различным аспектам которого своё внимание уделяли Е.В. Астахов [32; 33], Е.В. Бильченко [70], О.А. Жукова [201], А.А. Калмыков, В.Д. Коваленко [245], А.П. Козырев [251], А.В. Митрофанова [350; 351; 352], Н.А. Нарочницкая [370; 371], А.И. Родионов [481], Я.С. Свечинская [509; 510], Г.П. Семенова [518], А. Чепурин [619], Н.Я. Яркова [673; 675] и др.

Основное отличие религиозного подхода от культурно-цивилизационного состоит в том, что исходной предпосылкой выступает провозглашение определяющей роли в интеграционных процессах не русского языка и культуры, а православия и Русской православной церкви Московского патриархата (далее – РПЦ). Православие и РПЦ рассматриваются в качестве ключевых признаков, базовых ценностей, культурно- и государствообразующих факторов становления и развития российской цивилизации, истоки которой отсылают к понятию «Святой Руси» [254, с. 759; 295, с. 124; 201, с. 91; 591, с. 36; 564, с. 26; 29 и др.]. Православие консолидирующим основанием двух центров православного мира: греческого и славянского, выполняя тем самым как внутри-, так и внешнеполитическую функции [182, с. 32; 350, с. 96; 519, с. 21].

РМ, согласно данному подходу, – это православная цивилизация, «мир веры, это мир, где светит свеча русского Православия, мир, который организуется вокруг приходов РПЦ» [500] – мир самодостаточный и не нуждающийся в особых контактах с другими мирами, религиями и культурами [3, с. 20; 334, с. 14]. Сама же РПЦ является «духовным ядром РМ» [431, с. 18], выполняя в современном обществе в том числе легитимирующую политическую власть функцию. Это дает основание говорить о явлении так называемого «политического православия», когда формирование политической позиции осуществляется на основании религиозных социальных доктрин, традиций, стереоти-

пов. Целью «политического православия», в отличие от религиозной политики, становится верховенство духовной власти над политической [395, с. 100; 527, с. 18]. Соответственно одним из основных условий реализации РМ становится признание особого статуса православия как идеологии РМ и РПЦ как его институциональной основы. В проблемном плане это позволяет выделить два аспекта: религиозный и политический.

Первый обусловлен тем, что идея РМ, ограничиваясь национальными рамками, ставит под сомнение вселенский характер христианства, вступая тем самым в фундаментальное противоречие с религиозной догматикой, исходящей из презумпции единства человеческого рода, наличия универсального начала [591, с. 163]. В качестве аргументации приводятся выдержки из посланий апостола Павла: «по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»; «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Кол. 3, 10-11; Гал. 3, 27).

Исходя из этой же презумпции РМ, во-первых, является в таком случае не русским, а православным. Во-вторых, РМ не может быть связан с Россией либо любым другим государством, поскольку «православное пространственное измерение мира не материально, а провиденциально и эсхатологично» [276, с. 144]. Следовательно, у РМ не может быть ни территориальных, ни политических границ, так как «границы православного мира идентичны границам Церкви», хотя именно со странами, в которых преобладает православное население – Беларусью, Россией и Украиной, – чаще всего связывается развитие христианской цивилизации [398, с. 27]. Границы Церкви охватывают не территории и страны, а верующих людей, поэтому «границы мира начинаются там, где заканчиваются границы присутствия православного народа» [276, с. 144–145]. Это дает основание некоторым авторам отнести РМ к националистически ориентированным, и потому – к псевдоправославным понятиям [276, с. 149].

Существует, однако, и иной подход к интерпретации «православного мира», согласно которому он рассматривается имен-

но как политическое образование–транснациональная религиозная система – сеть государств, движений, групп и индивидов, строящих свою политику на основе православной идеологии [351, с. 5, 352, с. 111; 526]. В данном контексте следует также учитывать, что в силу как цивилизационных, так и догматических различий религиозные акторы ориентированы, как правило, в лучшем случае на диалог, но не на интеграцию с иными конфессиями и аксиологическими системами [657, с. 90].

Включенность в границы РМ и Церкви исключительно православного народа становится еще одним дискуссионным аспектом РМ. Дискуссионность заключается в том, что религиозное измерение РМ также предполагает наднациональный характер «русскости» и «русского», при котором данные понятия отождествляются с «православным» [473, с. 156]. Принадлежность к русскому народу определяется «не по принципу биологической идентичности, а отношением к главному идеологически-направляющему фактору – т.е. Русской православной церкви» [245, с. 123]. В этом проявляется интегрирующий потенциал РМ, призванный объединить под единым началом различные этносы и народы по аналогии с утверждением сакральных и вненациональных основ российской монархии [635, с. 32]. Однако интегрирующая роль «православного» РМ возможна при условии равенства всех этносов и народов, исповедующих православие. В случае же, когда РМ рассматривается как «устойчивый комплекс норм и представлений о русском народе как народа-богоносце» [245, с. 123], неизбежно встает вопрос о ранжировании остальных религий и народов по степени их святости, богоизбранности и т.п. [10, с. 97; 109; 656, с. 58]. Как отмечал В.М. Межуев, подобное ранжирование возводит отношение к России до уровня религиозного культа, а естественное чувство любви к ней становится едва ли не мистическим [334, с. 29; 335].

В качестве примера можно привести утверждение, что одной из серьезных угроз развитию РМ является тенденция возрождения языческих верований древних славян, а потеря религиозных традиций оценивается как угроза государству [518, с. 220; 572, с. 78]. Так, в одном из своих выступлений В. Чаплин, будучи председателем синодального отдела по взаимодействию

РПЦ и общества, фактически уравнивал «агрессивное неоязычество» с нацизмом и ваххабизмом [696]. В свою очередь, замглавы синодального Отдела по взаимоотношениям РПЦ с обществом и СМИ В. Кипшидзе, отмечая угрозу распространения неоязычества, назвал его «квазирелигией», отказав, по сути, РМ в какой-либо альтернативе развития: «Крещение – это для нас выбор, который исторически и фактически является бесповоротным. И попытки этот выбор пересмотреть, в том числе приводя аргументы, которые, как кажется апологетам, поддерживают интерес к язычеству, основываются на изобретении языческих представлений об окружающей действительности». Попытки пересмотреть цивилизационный выбор, по мнению В. Кишпидзе, «являются шагом к личностному и цивилизационному самоуничтожению» [98].

При этом особый интерес вызывает тот факт, что неприятие язычества и неоязычества РПЦ, порой приобретающее агрессивные и противоправные формы, сочетается с тем, что «позиции неоязычества и православия в отношении современной цивилизации совпадают: все они настроены против масскультуры, плюрализма, толерантности, консюмеризма, психотронных технологий, феминизма, глобализации. Они предрекают скорую гибель Западной цивилизации, или “американо-европейскому миру”. Этому они противопоставляют консервативные ценности патриархального общества и “разумное потребление”» [654, с. 144]. Источник противоречий в оценке «православного» основания РМ, заключается, как видно, не столько в расхождении мировоззренческого или богословского, сколько конкурентного характера.

Подобное проявление избирательности в выборе исторических корней может свидетельствовать скорее об инструменталистской, нежели интегрирующей функции православия и РПЦ [556, с. 92]. На практике такая постановка вопроса чревата проявлением националистических и радикалистских тенденций, уже отмечаемых в последние годы, в частности, в России и Украине [88, с. 141; 89, с. 26; 107, с. 17 и др.]. Кроме этого, любая религия претендует на исключительность, приоритет собственных интересов и потому может стать потенциальным конфликтогенным фактором как в межконфессио-

нальных и межэтнических отношениях, так и в конкуренции с политическими институтами в части распределения полномочий и сфер влияния [52, с. 111; 54, с. 29; 111, с. 18; 208, с. 76]. Большинство ученых избегают категоричности оценки религиозной составляющей РМ и, отмечая её существенную роль в исторических и социокультурных процессах, подчёркивают, тем не менее, необходимость интеграции всех этнических и религиозных групп на равных основаниях [33, с. 318; 32, с. 138; 619, с. 58].

Еще одна проблема религиозного подхода заключается в том, что за оградой Церкви и соответственно РМ остается значительная часть населения, идентифицирующая себя с другими конфессиями либо являющаяся нерелигиозной. Необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время большинство населения стран бывшего СССР соотносит себя не столько с религиозной традицией, сколько с социокультурной. Это объясняется тем, что, как показывают социологические исследования последних десятилетий³, для Беларуси (как и для всего постсоветского пространства) характерна противоречивая ситуация. С одной стороны, фиксировался рост религиозности населения, с другой – набирал силу процесс секуляризации. В совокупности в современном обществе указанные процессы сформировали так называемого «секулярного верующего»: человека, соотносящего себя с определенной конфессией, но не имеющего религиозного типа мировоззрения и практически не участвующего в церковной жизни. Данный тип мировоззрения называют квазирелигиозным, т.е. характеризующимся верой не в бога, а в какие-либо другие высшие силы [357, с. 245; 386, с. 96–97], а также «социально-ориентированной», «ситуативной», «идеологической» религиозностью [225, с. 53–54; 353 с. 100–101; 526, с. 3; 562, с. 14].

³ • Институт социологии НАН Беларуси;
• Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета;
• Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь.

В этой связи спорным представляется тезис о том, что в настоящее время РМ «является единственным регионом мира, в котором происходит религиозное возрождение» [172, с. 145]. К тому же, если обратиться к последним социологическим исследованиям, в самой России лишь 8% россиян отождествляют РМ с православной верой [362, с. 223–224], а религиозность практически не влияет на политическую активность и политическую консолидацию общества [314, с. 87–88]. Поэтому более обоснованно говорить о роли православия и РПЦ в становлении и формировании русской культуры, нежели об их качестве главного основания и признака принадлежности к РМ [201, с. 55].

В политико-правовом плане религиозный подход к РМ затрагивает целый пласт проблем иного рода, связанных с позиционированием потенциальных субъектов РМ с нормами и принципами международного права. В первую очередь, это касается проблемы прав человека, универсальный характер которых ставится под сомнение РПЦ в части несоответствия их отдельных норм христианским представлениям о грехе, достоинстве, свободе и т.п. категорий. РПЦ был опубликован целый ряд программных документов и заявлений, последовательно подвергающих критике негативные, с точки зрения церкви, проявления концепции прав человека.

К таковым, в частности, относятся «реклама псевдорелигиозных движений» и вообще всех нехристианских конфессий, пропаганда «свободы греха», нравственного релятивизма, игнорирование нравственных основ человеческого существования и др. [130; 174; 243, с. 41]. Недопустимым называется как само распространение, так и подчинение «безрелигиозному пониманию прав человека» [452], а «утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей» [410]. Подобный подход в какой-то мере всегда является изоляционистским, поскольку исходит не из конвенционального (договорного), а императивного, приказного характера понимания ценностей и вряд ли может выступить значимым, консолидирующим различные социальные группы и общности, основанием.

Второй блок проблем связан непосредственно с политическим управлением: выбором конкретной модели государствен-

но-конфессиональных отношений, закреплением принципа светскости государства, обеспечением реализации права на свободу совести.

Вопрос государственно-конфессиональных отношений получил детальную и всестороннюю разработку в научной литературе (Д.К. Безнюк [53; 54], С.Н. Бурьянов [89; 88], С.С. Давыденко [167], Л.Е. Земляков [207; 209; 210; 211; 212], К.Г. Каневский [236], Н.Н. Коликова [208], И.В. Котляров [210; 278], С.А. Мозговой, И.А. Тарасевич [572], А.В. Шерис [638; 637], Г.С. Широкалова [642] и др.). Главное направление анализа связано с обоснованием авторами выбора и закрепления в политической и правовой системе государства одной из двух основных моделей государственно-конфессиональных отношений, принятых в настоящее время в демократических странах: кооперационной и сепарационной. Кооперационная модель закрепляет особый правовой статус («официальная церковь», «государственная церковь», «господствующая религия») одной из конфессий (Великобритания, Греция, Дания, Италия и др.). Сепарационная модель предполагает отделение церкви от государства, равный правовой статус всех конфессий (Беларусь, Россия, США, Украина, Франция и др.). Закрепление той или иной модели в национальном законодательстве обуславливает тип и характер взаимодействия субъектов и является одной из характеристик политической системы общества.

Специфической чертой белорусского варианта сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений выступает законодательное признание особого социального статуса отдельных конфессий в истории белорусского народа, а именно «определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви и неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [390]. Декларация особого социального статуса той или иной конфессии не противоречит принципу светскости государства и не нарушает права на свободу совести, поскольку не затрагивает правового статуса конфессий. Само право на свободу совести как свободу мировоззренческого выбо-

ра относительно религиозного или нерелигиозного восприятия действительности последовательно закрепляет юридическое равенство как коллективных (религиозных организаций и объединений), так и индивидуальных субъектов отношений. Право на свободу совести включено в перечень основных конституционных прав и свобод большинства демократических государств, в том числе стран, образующих «ядро» РМ: Беларуси, России и Украины.

В частности, ст. 28 Конституции РФ провозглашает равный статус всех взаимодействующих субъектов, независимо от исповедуемой религии: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [262]. Ч. 1 ст. 35 Конституции Украины закрепляет право на свободу мировоззрения и вероисповедания: «Это право включает свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, проводить религиозную деятельность» [265]. Ст. 31 Конституции Республики Беларусь определяет право на свободу совести как «право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [259].

Право на свободу совести закреплено в конституциях и других постсоветских стран: Азербайджана (ст. 48), Армении (ст. 26), Казахстана (ст. 22), Кыргызстана (ст. 32), Молдовы (ст. 31), Таджикистана (ст. 26), Туркменистана (ст. 12), Узбекистана (ст. 31), Украины (ст. 35). Свое отражение в основном законе данное право получило и в иных славянских государствах «православного влияния», претендующих на включение их в границы РМ: Болгарии (ст. 13, 37), Боснии и Герцеговине (ст. II ч. 3), Македонии (ст. 16, 19), Польше (ст. 53), Словакии (ст. 24), Словении (ст. 41), Хорватии (ст. 40), Чехии (ст. 15) и др. [13, ст. 35–36].

Наряду с правом на свободу совести, в некоторых странах законодательно закреплён принцип светскости. Отсутствие нормы о светскости государства в белорусском законодательстве даёт основание обратиться к российским правовым источникам. Так, ст. 14 Конституции РФ закрепляет принцип светскости государства: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Кроме этого, п. 6 ст. 3 Закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает «светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность». Приведённые нормы согласуются с провозглашённой ст. 28 Конституции РФ свободой совести и вероисповедания и закреплённой ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантией равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии.

Анализ научно-практических комментариев Конституции РФ, а также научной литературы позволяет уточнить содержание и рамки светскости, сложившиеся на сегодняшний день в России и Беларуси. Обобщая, их можно обозначить как нейтралитет государства по отношению к любой религии, а также взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в дела друг друга [260, с. 164; 263, с. 96]. Т.Ф. Акчурина кратко сформулировала светскость как принцип «взаимной свободы»: государства от религии и религии от государства [9, с. 57].

В политическом измерении принцип «взаимной свободы» может быть охарактеризован следующими основными положениями. Светскость государства предполагает отсутствие прямого государственного финансирования религиозных организаций; недопустимость обязательного вероисповедания; отсутствие религиозных судов общей юрисдикции; непризнание религиозных норм и актов в качестве источника права. Деятельность органов государственной власти не должны сопровождаться публичными религиозными обрядами и церемониями, а должностные лица не вправе использовать своё служебное положение для формирования того или иного отношения к религии и др. [43; 75, с. 31; 156, с. 56; 255, с. 89].

Л.Е. Земляков предлагает дифференцированный подход, рассматривая многоаспектность понятия светскости государства как: 1) основы конституционного строя; 2) политико-правового принципа; 3) политико-правовой характеристики государства; 4) политико-правового института; 5) политико-правового требования; 6) системы политико-правовых отношений; 7) политико-правового процесса. Системообразующими же элементами политико-правового института светскости государства являются отделение религиозных организаций от государства, а также недопустимость установления обязательной для граждан идеологии религиозных или иных общественных объединений и социальных групп [373, с. 32–33].

Таким образом, принцип светскости и отделения церкви (религиозных организаций) от государства можно обозначить как взаимное невмешательство в деятельность друг друга, обеспечиваемое юридически закрепленным разграничением сфер полномочий, прав и обязанностей сторон, т.е. четким разделением их компетенции. Подобная позиция согласуется с формулировкой, содержащейся в «Основах социальной концепции РПЦ» – программном документе РПЦ, предлагающем достаточно четкое определение позиции Церкви относительно принципа светскости, который «предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга» [410]. Однако в контексте разработки идей РМ данное положение вступает в доктринальное противоречие с текущими целями и задачами РПЦ по институционализации РМ. Существующее противоречие обусловило необходимость переосмысления сущности и содержания принципа светскости государства, а также ввода в научный оборот системы аргументации по актуализации и правовому закреплению клерикально-ориентированной модели религиозной политики [571, с. 8]. В частности, в последних комментариях к Конституции РФ уже появляется утверждение, что «светское государство нельзя понимать как безоценочное, мировоззренчески нейтральное, не отдающее предпочтение вообще никакому мировоззрению» [261, с. 57].

В целом это дает основание говорить об инструменталистской функции религиозного подхода к концепту РМ. Она за-

ключается в теоретическом обосновании и информационной поддержке идей, ориентированных на последующее законодательное закрепление их в политической системе, но не всегда встречающих поддержку в обществе. Заявленная общая цивилизационная основа РМ («общий цивилизационный фундамент», «духовная общность», «цивилизационная матрица» и т.п.) выступает основанием легитимации и правового закрепления уже возможной политической формы воплощения, потенциальные территориальные границы, структура и перспективы которой рассматриваются преимущественно в рамках геополитического подхода.

1.3. Геополитический подход:

проблемы диаспорального измерения «Русского мира»

В официальной риторике политических лидеров идея РМ как идея «собирания народов» впервые была озвучена Президентом РФ на I Всемирном конгрессе соотечественников. В ходе выступления В. Путиным сразу были определены ключевые признаки политического измерения РМ: языковая принадлежность и условность территориальных границ. Обозначив РМ как «русскоязычное сообщество», – русскоязычную диаспору ближнего и дальнего зарубежья, – В. Путин дал следующее определение соотечественников: «Соотечественники – категория далеко не юридическая. И уж тем более – не вопрос статуса или каких бы там ни было льгот. Это, в первую очередь, вопрос личного выбора. Вопрос самоопределения. Я бы сказал даже точнее – духовного самоопределения». Кроме этого, было отмечено, что понятие РМ «испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса» [125].

В 2003 г. идеи РМ были развиты на Международном форуме «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России». Ю. Лужков, будучи тогда мэром Москвы, говоря о необходимости придания идеям РМ статус государственной политики, в качестве основных составляющих РМ выделил русский язык

и культуру, отметив, что «русский мир построен на основе русского языка и русской культуры, которые на протяжении многих веков впитывали в себя лучшие традиции других культур и одновременно обобщали культуры других народов» [317].

Спустя год, на VIII Всемирном российском народном собрании министром иностранных дел России И. Ивановым был определен уже не только перечень оснований и составляющих, но и инструмент «собрания» РМ, роль которого была отведена РПЦ. По определению уже другого российского министра иностранных дел, С.В. Лаврова, РМ представляет собой «огромный ресурс укрепления авторитета России в мире». Основное внимание, однако, также акцентируется на интегрирующей роли языка, социокультурного измерения РМ: «Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке» [183].

В 2006 году, выступая на встрече с творческой интеллигенцией, В. Путин в качестве составляющих РМ выделил «русское слово» и «русскую культуру». По мнению российского лидера, РМ выступает не только формой исторической общности, но и духовной основой: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого русского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. В этом году, объявленном годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства и язык действительно международного общения» [465]. Здесь же вторично был подтвержден тезис о выходе РМ за границы России: «Он [*русский язык – А.С.*] является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но и целевым пространством многомиллионного «русского мира», который, конечно, значительно шире, чем сама Россия» [465].

Постепенно был обозначен и перечень составляющих РМ. К ним в разное время В. Путиным были отнесены:

- «миллионы наших соотечественников за рубежом» [125];
- «русское слово и русская (*выделено А.С.*) культура» [465];
- «российская (*выделено А.С.*) культура и многонациональные традиции» [557].

Следует отметить упоминание как о «российской», так и о «русской» культуре, различия между которыми не раскрываются. Представленный перечень обусловлен, по мнению Президента РФ, общим тысячелетним историческим прошлым славянских народов, неразрывно связанных с российским государством-цивилизацией: «Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире. Для планеты мы, независимо от нашей этнической принадлежности, были и остаемся единым народом» [465].

Роль главного объединяющего начала многомиллионного РМ отводится русскому языку и в выступлениях премьер-министра РФ Д. Медведева. В качестве второго значимого критерия определения принадлежности к РМ выступает осознание своей причастности к России. Основной задачей РМ является его максимальное распространение, а сам РМ «призван стать единым информационным пространством» [418]. В итоге конструкция РМ в официальной политической риторике включает в себя «ядро» РМ – Россию как «государство-цивилизацию» [467], и сам РМ как часть мировой цивилизации, границы которого, однако, не обозначены. Основным признаком принадлежности к РМ выступают русский язык и культура, чувство общности с судьбой России.

На протяжении 2014–2016 гг. обращение к идеям и образам РМ практически исчезло из публичной риторики представителей высшей политической власти России. Последнее упоминание относится к июню 2014 г. Несмотря на заявленный цивилизационный статус, РМ предполагает жесткий протекторат России, при котором Президент России становится не только его представителем, но и гарантом безопасности: «Конечно, мы всегда будем защищать и этнических русских на Украине, и ту часть украинского населения, украинского народа, которая чувствует свою неразрывную не только этническую, но и культурную, языковую связь с Россией, чувствует себя частью широкого русского мира. И мы, конечно, не только внимательно будем следить, но и соответствующим образом реагировать.

Надеюсь, что Вооружённые Силы для этого не потребуются» [434; 464].

Программные выступления политических лидеров, во многом предопределившие социальный заказ соответствующей тематики научных исследований, способствовали формированию еще одного теоретико-методологического подхода, который можно обозначить как геополитический или диаспоральный.

Геополитический (диаспоральный) подход исходит из идеи необходимости баланса сил и многополярности мира. Славянский мир традиционно противопоставляется западному, а РМ предстает в качестве модели интеграции разрозненного русскоязычного сообщества в транснациональную сетевую структуру с целью создания альтернативного Западу глобального политического игрока. В соответствии с геополитическим подходом РМ включает в себя всё постсоветское пространство и всё дальнейшее русскоязычное зарубежье (диаспору) – вне зависимости от времени и оснований проживания за рубежом, рода занятий, этнической, религиозной или гражданской принадлежности (А.Л. Андреев [21; 22; 23; 24], Е.М. Астахов [31; 32], О.Н. Батанова [47], Л.В. Бочкова [77; 78; 79; 80], З.А. Жаде [196; 197–199], В.М. Скринник [531; 532], Ю.А. Тихомиров [574], В.А. Тишков [577; 578], В.И. Фатющенко [591, с. 38], А.В. Чепурин [619], П. Щедровицкий [661; 662], Н.И. Щербакова [663] и др.).

К разновидностям геополитического подхода можно отнести более узкий «постсоветский» подход, включающий в границы РМ лишь постсоветские страны, и предполагающий восстановление былого единства прежде всего в границах бывшего СССР (А. Дугин [187], С.Г. Кара-Мурза [240], С.Н. Кочеров [282; 281], А.Н. Кольев [253; 254], В.В. Павловский [420; 421], О.А. Романов [484] и др.). Присутствует, однако, и принципиальное иное измерение «советскости» РМ, которое можно обозначить в большей степени как ментальное, нежели территориальное (геополитическое).

В частности, Л.Г. Фишман подвергает идеологию РМ резкой критике, характеризуя ее как идеологию «недонационализма», сочетающую в себе элементы национализма и имперства. Проводя параллели с понятием «советского патриотизма», стремящегося к сверхзадаче спасения многочисленных отста-

лых народов, Л.Г. Фишман определяет РМ как «своеобразный “советский мир”» [601, с. 262]. «Реанимацией проекта СССР» называет концепт РМ П.Д. Симашенков, также апеллируя к ментально-мировоззренческой преемственности, а не геополитическим основаниям [525, с. 206]. Принципиальным же негативным отличием проекта РМ от идеологии СССР П.Д. Симашенков называет утрату русским народом, во-первых, статуса государствообразующей нации, и, во-вторых, – «веры в богоносительство», что делает, на его взгляд, проект РМ ущербным и нежизнеспособным [525, с. 204].

Отдельно следует выделить проект «Славянского мира», относительно которого присутствует две трактовки. В узком смысле к «славянскому миру» относят «славянский треугольник» – Беларусь, Россию и Украину [241, с. 65]. В широком смысле под «славянским миром» понимается собрание вокруг России разобщенных и зачастую поляризованных в политических интересах и предпочтениях всех славянских народов [75, с. 19–20; 142, с. 26–27; 584, с. 19]. РМ в данном случае выступает лишь как часть большого «славянского мира». Однако именно крайняя разобщенность славянских стран, некоторые из которых являются на сегодняшний день полноценными членами НАТО, а также игнорирование Польши как потенциального участника «славянского мира» дает основание заявлять некоторым авторам о славянском мире как виртуальной политической реальности, нежели о полноценном интеграционном проекте [665, с. 49].

Несмотря на относительную последовательность и непротиворечивость, геополитический подход наиболее остро выявляет ряд проблем интерпретации и возможной реализации идей РМ. В первую очередь, это вопрос критериев принадлежности к РМ. В данном контексте на первый план выходит понятие диаспоры («концепция разделенной нации» [570, с. 16]), и в научном дискурсе, и в официальной политической риторике все чаще вытесняемое такими категориями, как «соотечественники за рубежом» и «русскоязычное зарубежье» [619, с. 55, 59]. Принадлежность к упомянутым категориям, по мнению большинства российских авторов, определяется: во-первых, по языковому принципу, во-вторых, по признаку принадлежности к общей

исторической родине, и, в-третьих, по степени лояльности к России как «материнскому государству» [662], ее внешней и внутренней политике.

По сути, диаспоральный подход можно рассматривать как предложение эмиграции к сотрудничеству, в котором РМ предстаёт перспективной моделью консолидации соотечественников [47, с. 3; 323, с. 62; 111, с. 23–24; 419, с. 19]. Функционирование данной модели предполагается уже на новых институциональных основаниях: в качестве ресурса укрепления международного влияния России за счет поддержки соотечественников за ее пределами как с позиций «мягкой силы», так и силовыми методами [77; 82; 205, с. 45].

В то же время дискуссионным и пока не решённым является вопрос об источнике – стране-происхождении «соотечественников за рубежом». Так, В.А. Тишков под диаспорой понимает исключительно выходцев из России и к РМ относит «наших соотечественников за рубежом, сохраняющих связь с Россией и с русским языком...», а сам момент рождения РМ связывает с миграционной волной после 1917 г. В данном контексте именно языковое измерение выступает главным фактором, превращающим диаспору из разрозненной массы мигрантов в консолидированное сообщество: «диаспора из России становится именно русской диаспорой, а не тривиальной миграцией или совокупностью всех выходцев из страны потому, что она осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной культурной отличительной черты – а именно на основе русского языка. Утратившие эту черту, как правило, теряют свою принадлежность к Русскому миру» [578, с. 51; 577; 483].

Следует заметить, что языковое измерение РМ является в настоящее время преобладающим над более распространенным этнонациональным, однако связано не столько с официальным статусом русского языка и условиями встроенности русскоязычного населения в политические системы постсоветских стран, сколько с уровнем владения и широтой распространения среди населения [36, с. 1363]. В частности, Е.А. Пенькова и В.М. Скринник в структуру русскоязычного пространства включают несколько кругов русского языка: первый (Беларусь, Казахстан, Украина), второй (Азербайджан, Эстония) и тре-

тий – периферию (Армения, Грузия, Литва, Таджикистан и Узбекистан) [431, с. 18; 532, с. 17]. В работах, однако, не указано, относятся ли данные круги к РМ, что оставляет вопрос о вписываемости указанных стран в пространство РМ открытым.

Языковое измерение РМ дает основание некоторым авторам выделить отдельный подход к данному концепту. Отмечая коммуникационную роль русского языка в выстраивании связей и взаимодействии русскоязычных диаспор, В.В. Кривоусков предлагает лингво-семиотический подход, в рамках которого РМ «рассматривается как единая сетевая структура больших, средних и малых социальных групп, говорящих на русском языке» [286, с. 113]. В то же время лингво-семиотический подход оценивается В.В. Кривоусковым негативно, так как, по его мнению, русский язык понимается прагматично – как средство, а не цивилизационная ценность, т.е. несет исключительно прикладную, функциональную нагрузку, что роднит данный подход с недружественной РМ либеральной идеологией.

Присутствуют в научной литературе также определения, сочетающие в себе ключевые признаки двух основных (геополитического и цивилизационного) подходов – такие, в частности, как «цивилизационная общность» и «границы распространения русского языка». Однако, если «цивилизационную общность» в научном дискурсе можно назвать уже относительно устоявшимся понятием, то «границы распространения русского языка» весьма условны, если вообще могут быть формализованы: «Русский мир (Русь) – цивилизационная надгосударственная общность, связанная русской в широком смысле слова культурой, подразумевающей взгляд на Человечество как на большую семью, но с пониманием того, что реально осознает себя этой семьей только Россия и Русский мир. Распространение русского мира примерно совпадает с границами распространения русского языка [*курсив А.С.*], который является ключевой частью русской культуры» [496].

В качестве «русскоязычного сообщества» обозначает РМ Е.М. Астахов [33, с. 317], относя к данному сообществу две составляющие: русскоязычную диаспору за рубежом, в том числе потомков «белой эмиграции», и все постсоветское пространство. Подобным определением оперирует В.Н. Иванов, до-

статочно спорно отождествляя «русских» и «русскоязычных» граждан: «это русские (русскоязычные) в ближнем и дальнем зарубежье, сохраняющие историческую память и не прерывающие связей с исторической Родиной» [217, с. 6].

Сообществом «соотечественников на постсоветском пространстве» определяет РМ З. Омарова [262, с. 25]. Более широкого понимания диаспоры придерживаются А. Чепурин и А.Л. Андреев, относя к соотечественникам не только около 20 млн. русскоязычных граждан стран бывшего СССР, но и всю русскоязычную эмиграцию [24, с. 94–97]. Согласно данной позиции, РМ как русскоязычное пространство «несколько не противоречит понятиям “российский” или “россиянин”», поскольку в основе РМ лежат «непреходящие ценности – русский язык и российская [*не русская* – А.С.] культура» [619, с. 53–54]. Это дает авторам основание говорить о том, что в России «сформулирована новая идеология взаимодействия исторической Родины и диаспоры» [619, с. 55, 421].

Обращает на себя новый в рассматриваемом контексте термин «исторической Родины», политические и территориальные границы которого, как правило, не обозначены, что не всегда позволяет сделать вывод о том, включена ли в них только Россия или все страны бывшего СССР. Размытые рамки понятия «исторической Родины» были уточнены О.Н. Батановой, предложившей следующую формулировку: «Зарубежный российский соотечественник – индивид, имеющий происхождение из ранее единого государства (Российского государства, Российской Республики, РСФСР, СССР, Российской Федерации), владеющий русским языком, идентифицирующий себя с Россией и лояльно относящийся к ней, ощущающий духовно-культурные связи с прародиной, поддерживающий контакты с Российской Федерацией» [45, с. 76–77].

На законодательном уровне закрепление получило понятие «соотечественника за рубежом», под которым, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», понимаются «лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, тради-

ций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Кроме этого, данный нормативный документ предлагает достаточно сложную структуру категории «соотечественников за рубежом», к которым также относятся:

- «граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации;
- лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;
- выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства» [388].

Как видно, в основе рассматриваемой категории заложено сочетание территориального и исторического (социокультурного) подходов, когда статус соотечественника за рубежом определяется, главным образом, по месту пребывания и степени самоидентификации – чувству исторической и гражданской принадлежности к России. Основной же целью российской политики в отношении соотечественников за рубежом провозглашается обеспечение и повсеместная защита их прав и свобод. Такие цели и задачи, как консолидация соотечественников, развитие отношений между диаспорами, управление взаимодействием коллективных субъектов и т.п. остались за рамками официальных нормативных правовых документов.

В широком смысле под «зарубежным российским соотечественником» понимается русскоязычное население других государств – «русские» не по этнонациональному, а по гражданскому признаку, как «кодовое название для обозначения всей совокупности этнических групп, являвшихся в разные периоды

проводниками имперской политики» [275, с. 476]. Классификация «русских» включает в себя несколько групп, в значительной степени дифференцированных по целям, социальной и гражданской активности, самосознанию, идентификации и т.п. основаниям [40, с. 162–163]. В этой связи следует отметить, что категория «близкого зарубежья» носит скорее политический, нежели географический характер, и является неофициальным, однако в политологическом ракурсе трактуется однозначно и подразумевает под собой постсоветское пространство – страны бывшего СССР. Содержание категории «дальнего зарубежья» до настоящего времени не определено ни на научном, ни на политическом уровне, вызывая дискуссии и порождая множественность трактовок и соответственно – вариантов решения данной проблемы.

При всем оптимизме сторонников диаспорального подхода следует учитывать, что практически вся русская диаспора является, по определению С.А. Арутюнова, «диаспорой катаклизма», возникшей вследствие войн, дезинтеграции, распада империй и других негативных процессов. Объективно русскоязычное население в странах пребывания представляет собой социально неоднородную массу «чужих» с устоявшимся статусом меньшинства (национального, языкового, культурного), поставленным перед необходимостью отказа от самоощущения части имперской нации [27].

На эту же фундаментальную проблему, которую можно обозначить как проблему качества «собираемой» разобщенной диаспоры, обращают внимание П.П. Спорышев и В.Л. Иноземцев. Поднимается вопрос отношения к России со стороны успешных и благополучно социализировавшейся части трудовых мигрантов-выходцев из стран бывшего СССР, большинство из которых коренным образом отличаются от носителей РМ ценностями, стереотипами, мотивацией выбора и объединенные уже скорее не национальной, а профессиональной идентичностью [554, с. 16]. Это дает В.Л. Иноземцеву основание для дифференциации понятий «Русского мира», центром которого Россия уже не является, и «Русского мира» «профессиональных русских» – бывших соотечественников с националистическими и иждивенческими в отношении России настроениями

[224, с. 152–154; 455]. Россия сможет стать интегрирующим и распространяющим РМ центром лишь при том условии, если «окажется способной демонстрировать преимущества причастности к Русскому миру» [234, с. 97]. РМ при этом приобретает неожиданный ракурс, выступая в качестве «некоторого обменного товара», обладающего «уникальным набором полезных для экспансии свойств» [306, с. 36]. В данном случае речь, по сути, идёт о политическом маркетинге, когда властный политический субъект формирует предложение в соответствии с ожиданиями общества, социального слоя или группы.

Некоторые авторы вообще ставят под сомнение общность зарубежной диаспоры, заявляя, что особенностью стран РМ «является то, что в них проживает огромная масса людей, настроенных враждебно по отношению к своей большой Родине», и перспектива возрождения РМ «зависит от успешной борьбы с русофобией» [96, с. 139]. Соответственно РМ рассматривается не только как сфера распространения интересов России, но и как инструмент давления мира на Россию, поскольку «русские вне России – проводники нероссийских (и очень часто антироссийских) интересов в России и в мире в целом» [294]. На проблему соотношения понятий ближнего и дальнего зарубежья обращает внимание В.В. Павловский, вводя в научный оборот более широкое понятие «Российского мира», в котором РМ становится лишь его частью. Основанием для подобного разграничения выступает этнический компонент: Россия – полиэтничное государство, поэтому не всех русскоязычных граждан можно отнести к РМ, хотя именно русский народ является его ядром. Ключевая роль в становлении Российского мира отводится советскому прошлому, а сам Российский мир рассматривается как правопреемник СССР [420, с. 297–299].

Обобщая, В.В. Павловский развёртывает логическую цепочку восхождения от конкретного к абстрактному (территория – ресурсы – сообщество – народ – цивилизация – человеческий мир), давая следующее определение Российского мира: «это огромная евроазиатская территория со всеми ее природными ресурсами, на которой размещена Российская Федерация, населенная многомиллионным сообществом людей многих национальностей, объединяющим социальным ядром которых

является русский народ с его историей, культурой, русским языком и литературой, это особая российская цивилизация, которая развивается на протяжении более тысячи лет, это уникальный человеческий мир, сменивший за это время несколько способов производства общественной жизни и форм государственного устройства и существующий ныне в условиях капиталистических общественных отношений» [420]. Указанную дифференциацию интересов в отношении России со стороны государств ближнего и дальнего зарубежья, по мнению некоторых авторов, необходимо учитывать и при разработке диаспоральных стратегий [602, с. 24].

Еще одной фундаментальной проблемой диаспорального подхода, в отношении которой до настоящего времени отсутствует даже попытка постановки и рефлексии, является проблема трудовых мигрантов. Это касается многомиллионной части русскоязычного населения крупных российских городов из стран бывшего СССР – в первую очередь, выходцев из кавказских и среднеазиатских республик. Являясь той самой неотъемлемой частью РМ, которую призвана «собирать» Россия, она встречает неприятие и остро негативную оценку как на бытовом уровне, так и со стороны теоретиков и идеологов РМ. В одной и той же работе теоретический энтузиазм относительно собирательной функции Москвы нивелируется обращением к таким последствиям ее реализации, как «размывание сложившегося городского социума мигрантами», «недобросовестной конкуренцией» со стороны трудовых мигрантов, поддержка москвичами «антимигрантского» направления и т.п. [216, с. 100]. Приток в Россию нелегальных мигрантов оценивается как угроза ее национальной безопасности, требующая ужесточения миграционной политики [326, с. 181]. Соответственно не может не вызывать вопроса готовность теоретиков РМ к его практической реализации.

Приведенный контекст, структура и основные признаки РМ в рамках геополитического подхода отсылают к первичному смыслу понятия «диаспоры», изначально обозначавшей вынужденное «рассеяние» и проживание многочисленных еврейских групп вне их исторической родины [27]. При напрашивающейся аналогии с диаспоральной политикой Государства Израиль,

РМ характеризует ряд существенных отличий. Принятый Кнессетом в 1950 г. Закон о возвращении, согласно которому каждый еврей имеет право репатрироваться в Государство Израиль, юридически закрепляет идеологическую доктрину, во-первых, национального государства, и, во-вторых, – возвращения еврейской диаспоры из стран рассеяния в Израиль⁴.

Идеология РМ в рамках геополитического подхода ориентирована, во-первых, на многонациональное государство или иное политическое образование, основным критерием которого декларируется самоидентификация его субъектов. Во-вторых, идеология РМ в равной степени ориентирована как на собиранье народов, так и на собиранье земель. В-третьих, исторически рассеяние еврейской диаспоры являлось, как правило, вынужденным, особенно в период Второй мировой войны. Российская (постсоветская) эмиграция в основной своей массе была трудовой, мотивацию которой следует искать преимущественно в материальной, экономической плоскости. Помимо перечисленного, принципиально различный статус и функции у «ядра» обеих диаспор: если Израиль – центр собиранья национальной культуры и ее носителей, то Россия – центр распространения.

Попытки институционализации понятия «соотечественников за рубежом» ставят проблему определения уже не смысловых и категориальных, а территориальных границ РМ, поскольку любая его интерпретация в рамках любого из рассматриваемых подходов предполагает обязательный выход за пределы России: «Россия не укладывается в Российскую Федерацию» [254, с. 123].

При любых возможных сценариях территориальные границы РМ не являются заданной константой, характеризуясь высокой внешней динамикой: «Русской нации генетически присуще расширение в пространстве» [32, с. 138–139], в результате чего и «сформировался Русский мир, который далеко выходит

⁴ Следует отметить и то, что, включая в границы РМ такие страны с крупными русскоязычными диаспорами, как Германия, США, Болгария, Кипр и даже Китай, большинство исследователей оставляет за рамками РМ Государство Израиль, где русскоязычное население по разным оценкам составляет около четверти всего населения.

за границы России, а подчас – и за пределы русского этноса» [31, с. 53]. Поэтому «не секрет, что на территории, очерченной административными границами Российской Федерации, проживает едва ли половина населения Русского Мира» [662]. Это свойство РМ А.В. Кольевым кратко обозначено как «Русская вселенскость» [254, с. 792]. Удержание же России в ее территориальных границах возможно только в случае социокультурного, цивилизационного подхода к РМ [201, с. 91].

В некоторых случаях проблема территориальных границ решается авторами достаточно просто, если, например, под РМ понимать исключительно физическое пространство: «Русский мир можно определить в качестве пространства (прежде всего – географического пространства) русского присутствия (прежде всего – физического присутствия, то есть как совокупность ПМЖ русских по происхождению людей)» [294]. Правда, данное пространство надделено особыми свойствами: «Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир» [502, с. 493]. Присутствуют и заявления о том, что все постсоветское пространство является территорией «исторической России», разделение которой «носит во многом искусственный характер» [320, с. 38].

Предлагается и другой подход к данной проблеме, в соответствии с которым РМ – категория духовная, неполитическая, а потому в принципе не нуждается в территориальной интерпретации [285, с. 110; 377, с. 48; 532, с. 14]. Логику подобных рассуждений дополняет обоснование актуальности уже не фиксации, а расширения и фактического нивелирования как территориальных, так и содержательных границ через вовлечение в РМ «всех тех, кто считает их близкими для себя, кто готов содействовать России в ее прогрессивных начинаниях» [436, с. 91]. Следует заметить, что если российские исследователи подчеркивают свойства вселенскости и расширения территориальных границ РМ, то, белорусские ученые, также исходя из его культурно-цивилизационной заданности, отмечают, что для восточнославянской цивилизации характерно «не стремление к пространственному расширению и материальному могуществу, а внутренняя потребность в объединяющем и регулирующем начале» [484, с. 20].

В политическом ракурсе разрешение проблемы территориальных границ может быть осуществлено через образование нового политического образования в виде сетевой структуры, которую составляют диаспора как «ядро» РМ, и Россия как национальная корпорация [531, с. 178]. Существуют, однако, принципиальные расхождения относительно структуры РМ: в версии П. Щедровицкого «ядром» РМ выступает не диаспора, а Россия как страна-система [662]. Кроме этого, политическое воплощение РМ возможно в форме над- или пост- национального государства [660; 668, с. 270], транснациональной сети или образования [47, с. 3; 400, с. 36; 532, с. 8], трансгосударственного и трансконтинентального сообщества [87], федерации постсоветских стран [420, с. 299] и т.п. Различия относятся, главным образом, к структуре политического взаимодействия «центр – периферия».

В первом случае транснациональное образование функционирует на основе широко развитой и поддерживаемой сети горизонтальных межсубъектных связей. Во втором случае оно характеризуется преобладанием вертикальных (иерархических) связей. При наличии системной диаспоральной политики, поддерживающей активные субъект-субъектные связи между диаспоральными центрами и «ядром», сетевое сообщество отличается балансом интересов, разграничением сфер влияния, а также сочетанием вертикальных и горизонтальных связей с преобладанием последних. Существующие наднациональные органы управления не предусматривают функционирования единой власти вертикали, предполагая многоуровневость и децентрализацию политической системы. Соответственно тип осуществляемого взаимодействия и характер интеграционных процессов во многом зависит неиерархичности методов управления [560, с. 29].

Основным принципом сетевой структуры заявляется главенств оинтересов политической нации над интересами национальными или диаспоральными. Под политической нацией понимается единение людей независимо от отрасли, религии или национальности на основе «общего политического принципа» [636]. Относительно преимуществ интересов среди российских авторов также можно отметить плюрализм мнений. С од-

ной стороны, присутствует точка зрения, согласно которой все участники подобных структур в равной степени заинтересованы в обеспечении реального суверенитета путем реинтеграции «региональных центров развития и силы», созданных на собственной цивилизационной и культурно-исторической основе [484, с. 6].

С другой стороны, некоторые авторы жёстко расставляют приоритеты, выделяя именно российскую диаспору и российское государство в качестве основы, «ядра» данной сетевой структуры [531, с. 180; 532, с. 8, 81; 662]. Так, «стратегическая цель России – стать системообразующим, стержневым государством Русского мира. В рамках этой предельно большой цели автоматически решаются более мелкие задачи, такие как создание общеэкономического и общеполитического пространства» [401, с. 29]. Соответственно потребует своего разрешения как проблема нормативного правового оформления политической субъектности РМ, так и вопрос особой регламентации отношений властей стран с русским меньшинством, причем не только этнических русских, но и всего русскоязычного населения, что противоречит принятой в настоящее время системе международных отношений [80, с. 19].

Проблема потенциального гражданства РМ пока не затрагивалась в научной литературе, но получила отражение в полемике, связанной с перспективами развития РМ. Гражданство, в частности, определяется по признаку принадлежности к культуре, а не государству: «гражданство на основе культуры – базис Русского мира... Не должно быть более разницы между «внешним» и «внутренним» российским государственным состоянием, между эмигрантом и коренным гражданином России. К какой бы национальности они оба ни принадлежали, где бы ни жили и какого бы рода профессиональной деятельностью ни занимались, если оба они идентифицируют себя с русской культурой, значит оба они – граждане Русского мира» [559]. Приведенное утверждение носит дискуссионный характер, учитывая существующие международные стандарты и правовые нормы в области регулирования институтов гражданства, однако заслуживает своего внимания в плане потенциальных направлений нормотворчества в данной сфере.

В этой связи представляется целесообразным дифференцировать понятия наднационального и транснационального, которые в некоторых случаях приводятся в качестве синонимичных [229, с. 7]. Под наднациональным понимается форма взаимодействия, при которой государствами-участниками интеграционных процессов осуществляется делегирование части полномочий, в том числе распорядительных и нормотворческих, наднациональным органам и структурам без ограничения или потери государственного суверенитета [356, с. 91]. Примером наднационального характера правовых норм и политических структур может служить деятельность Европейского Союза. Транснациональное предполагает сетевой характер взаимосвязей и неформализованную, в отличие от наднациональных объединений, систему взаимодействия на паритетной основе.

При всем существующем среди российских ученых разнообразии мнений относительно предпочтительной политической формы реализации РМ, большинство исследователей отдают приоритет интересам России с выстраиванием соответствующей иерархии взаимосвязей и отношений. Иерархичность отношений и делегирование властных полномочий специальным надгосударственным органам предполагает наднациональный уровень управления и, следовательно, в большей степени наднациональный характер РМ.

Соотношение сетевого (транснационального) характера РМ и иерархичности структуры (наднационального уровня управления) позволяет говорить уже о геополитическом образовании – сообществе исторически и экономически связанных с Россией государств, характеризующимся системой управления «Центр-периферия» (или «центр-полупериферия-периферия» [437, с. 10]), функционирующим только на наднациональном уровне [21, с. 133; 219, с. 162–165; 419, с. 9]. Наиболее точно подобное образование было обозначено А.Н. Кольевым как «имперский регионализм» [254, с. 319], что дает основание перейти к рассмотрению еще одной возможной формы воплощения РМ, в наибольшей степени соответствующей политическому традиционализму российской и пророссийской части населения постсоветского пространства – империи.

Само понятие империи, которым оперирует большинство исследователей, приближено к теллуократическому евразийскому типу в классификации К.Шмитта и Х. Маккиндера. В то же время, учитывая неоднозначные и зачастую негативные коннотации, присутствующие в обществе относительно соответствующего терминологического ряда («империи», «имперскости» и т.п.), российскими авторами предпринимается попытка очистить данную категорию от сложившегося неоднозначного восприятия. Указывается, что «Империя не бранное слово и не род похвалы. Это специфическое общественно-политическое устройство, имеющее определенные параметры, отличающие ее и от деспотий, и от мелких национальных и псевдонациональных государств» [237, с. 505]. Часть авторов предпочли уйти от подобного терминологического ряда, предложив другие обозначения содержания имперскости: «корпорации-государства» [399], «транснациональные корпорации» [603, с. 93; 425]; «страна-система» [662] и т.п. Собирательная задача государства в данном контексте рассматривается не только через цивилизационную, но и инструментальную функцию [183, с. 13; 553, с. 23].

Так, в философском плане империя представляется в качестве универсума – «государства-мира», в политическом – государства-корпорации: интеграционной модели, объединяющей общей политической задачей разрозненные социальные группы, общности и народы [17, с. 412; 137, с. 91; 488, с. 13; 510, с. 129; 511, с. 3; 520, с. 6]. Отличительной чертой корпорации-государства⁵ выступает главенство общего интереса над субъективными интересами отдельных социальных групп, т.е. преобладание геополитического начала над национальным [553, с. 39; 603, с. 92]. Соответственно право на власть «исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых» [565, с. 40]. В качестве основного признака империи в международной политике все чаще становится критерий не территориальных притязаний, а степени централизации власти и субординации, т.е. иерархии отношений внутри границ империи. Следует учитывать и такую специфическую черту РМ, как зависимость цен-

⁵ «соборной империи», по определению Н.А. Нарочницкой [371, с. 298].

тра от периферии, поскольку РМ будет отвечать заявленному статусу корпорации-государства (соборной империи, цивилизационного центра и т.п.) лишь при условии самого наличия и лояльности периферии (стран РМ). Поэтому главной идеей новой империи предлагается идея воссоединения: «Воссоединение России – это возвращение исторически обусловленных рубежей русского мира, возрождение русской цивилизации как явления, определяющего судьбы человечества» [254, с. 794–795]. При условии институциональной поддержки со стороны высшей политической власти концепт РМ может выступить в качестве нового проекта надгосударственного единовластия [320, с. 41; 474, с. 45].

При обосновании необходимости актуализации в российской политологии идеи имперства, в качестве наиболее адекватной предлагается идеология евразийства [509, с. 95–96]. Я.С. Свечинская выделяет четыре основных периода русской имперской государственности, последний из которых, начавшийся в 1991 г. и обозначенный как либерально-демократический, находится, однако, в фундаментальном противоречии как с идеологией евразийства, так и стратегией РМ [509, с. 29]. Указанное противоречие состоит в заимствовании из западно-европейской традиции институциональных элементов (форма государственного устройства, механизмы реализации политической власти и т.п.) и категориальных признаков политической системы большинства бывших советских государств (принципы демократического устройства, права человека и т.п.).

В частности, В.К. Кантор, давая определение империи, обращается, по сути, к двум ключевым признакам принадлежности к РМ – языку и культуре: «Имперская великодержавность русского народа означает лишь то, что определяющей в культуре империи может быть культура имперского народа и имперского языка, который с необходимостью используется как государственный язык» [237, с. 511]. Как империостроительство рассматривает стратегию сакрализации языка В. Булгаков, отмечая, что именно «единый язык» и «общий национальный характер» были «провозглашены обязательной предпосылкой единства Германии, а сама нация определена по лингвистическому признаку как совокупность людей, которые, несмотря на

внешние влияния на свой язык, сохраняют его, сосуществуют, совершенствуют в непрерывном общении» [85, с. 79].

При существовании цивилизационных предпосылок империя выступает, по мнению авторов, лишь «государственно-территориальной формой локальной цивилизации, представляющей собой исторический организм или исторически-культурный тип» [154; 160, с. 150, 161, с. 15]. РМ в данном контексте рассматривается в качестве имперской мифологии, являющейся, по выражению А.Н. Кольева, «мощным государственностроительным ресурсом России» [253, с. 249]. В аналогичном ключе, который наиболее точно можно было бы обозначить как «безапелляционно-имперский», РМ рассматривает А.А. Калмыков, в чьей трактовке границы РМ восходят к «Святой Руси», концепция которой «подразумевает все территории и все народы, которым было проповедано Евангелие». Соответственно «миссия России остается всемирной», а имперскость понимается максимально широко: как «стремление к установлению естественной космичности бытия». Дальнейшее же развитие России связывается с разработкой стратегии развития РМ – «стратегии Империи-Россия» [234, с. 81–82, 92]. Данная позиция может быть обозначена как «имперский национализм», сочетающий в себе территориальную экспансию, иерархичность взаимодействия и жесткий авторитаризм властной вертикали [423, с. 54].

Еще одной атрибутивным признаком РМ является перечень угроз РМ, характеризующийся определенной спецификой в сравнении с аналогичным перечнем в рамках культурно-цивилизационного подхода. Основной угрозой также выступает глобализация, однако доминирующим фактором становится не конфликт ценностей и столкновение цивилизаций, а конфликт интересов и столкновение геополитических доктрин, представлений о новом мировом порядке [320, с. 34; 683, с. 35–37; 684, с. 121]. В качестве отдельной угрозы выделяется русофобия, но не как стихийно-мировоззренческое явление, а функциональная и институционализированная доктрина. Соответственно, если риски культурно-цивилизационного подхода обращены к прошлому РМ, то риски подхода геополитического – к его будущему.

На практике перечисленные угрозы проявляются в попытках военно-политической, торговой и финансово-экономической экспансии Запада, ставящего своей целью тотальный контроль над ресурсами и понижение статуса России и потенциальных стран РМ до статуса сырьевого ресурса и региональной державы. В этой связи актуализация именно культурно-цивилизационных проектов позволяет говорить о формировании принципиально новой формы «культурологического империализма», проявляющегося в тенденции к контролю над ресурсами через контроль над культурными моделями [553, с. 44].

Необходимость вписывания культурно-цивилизационного измерения РМ в геополитический контекст аргументируется, главным образом, отсылками к основным положениям геополитических теорий З. Бжезинского, С. Коллинза, Г. Моргентау, Ф. Ратцеля, Н. Спикмена, К. Хаусхофера, Р. Челлена и др. Особое внимание уделяется трудам З. Бжезинского, в которых евразийское пространство, традиционно рассматриваемое российскими авторами в качестве зоны исконных российских интересов и влияния, представлено в виде главной цели США в борьбе за мировое господство [68, с. 5; 204, с. 157; 287, с. 194]. Второй аспект, вызывающий предсказуемую болезненную реакцию на территории бывшего СССР, – утверждение З. Бжезинского об утрате Россией после развала Советского Союза статуса ключевого игрока на геополитической арене и конце многополярного мира [69, с. 16]. В целом кратко и ёмко генезис и содержание РМ в рамках геополитического подхода обозначил И.А. Зевелев, определив его как объединенный итог логик и риторик трех дискурсов последних лет: о национальной идентичности, международной безопасности и обеспечении внутренней стабильности [205, с. 44–45].

Таким образом, в рамках геополитического подхода структуру РМ образует ряд элементов и факторов. Ядром и одновременно источником РМ выступает «историческая Родина» – единое ранее государство во главе с Россией («объединение народов, некогда входящих в СССР и Российскую Империю») [245, с. 125]. В границы РМ включены ближнее (страны бывшего Советского Союза) и дальнее зарубежье. Отличительной чертой структуры РМ также является то, что в территориаль-

ном измерении при наличии «ядра» (России) в ней не всегда присутствует понятие периферии, поскольку субъектами РМ выступают русскоязычное население независимо от его национальной принадлежности (диаспора) и «соотечественники за рубежом».

Главным различием между двумя приведенными понятиями становится степень их институционализации, определяющая структуру и тип межсубъектного взаимодействия. В зависимости от целей и механизмов реализации, а также внешнеполитического контекста, концепт РМ в равной степени может выполнять две противоположные функции: как интегрирующую, способствующую единению стран и народов на основе общих языка и культуры, так и дестабилизирующую – инструмента реализации геополитических интересов и цивилизационного противостояния. Наиболее ожидаемыми формами политического воплощения РМ выступают сетевая политическая структура и империя, разница между которыми заключается в иерархичности выстраивания связей и характере политического взаимодействия «центр–периферия».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1:

1. РМ – междисциплинарный концепт, сформировавшийся на постсоветском пространстве как ответ на глобальные вызовы современности. Целью РМ является «собрание земель и народов»: объединение на основе общих культурно-цивилизационных ценностей Беларуси, России, Украины, а также ряда других стран ближнего и дальнего зарубежья и создание альтернативного Западу мирового «полюса силы». Отличительной чертой РМ является его антиномичный характер, сочетающий:

а) понятие «русскости» с принципом полиэтничности и наднациональности;

б) культурно-цивилизационное содержание с политической формой воплощения и реализации;

в) русскоцентризм (интегрирующая роль русского языка и русской культуры) с мультикультурализмом;

г) идеи антиглобализма с вселенским, надтерриториальным характером «русскости», нивелирующим понятие территориальных границ;

д) самодостаточность РМ, представляющего собой замкнутую систему, и необходимость его расширения за счет «собирающих земель и народов» и др.

2. Актуализация в начале 1990-х гг. идей РМ и их последующая концептуализация связаны, во-первых, с изменением после распада СССР многополярной политической модели мира и переориентацией вектора внешнего развития большинства стран бывшего соцлагеря на военно-политическое сотрудничество с ЕС и НАТО. Во-вторых, с угрозой вестернизации традиционных ценностных и социокультурных систем славянских народов, т.е. утраты ими оснований коллективной идентичности (гражданской, социокультурной, этнической и др.). В-третьих, с обусловленной этими вызовами необходимостью поиска новых оснований политической, экономической и социокультурной реинтеграции бывших советских республик, зачастую характеризующихся рассогласованием и противоречием как внешне-, так и внутривнутриполитических интересов.

Смысление и артикуляция указанных проблем осуществляется преимущественно в русле двух наиболее популярных трендов-теорий: культурно-исторических типов Н. Данилевского и столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Соответственно в цивилизационном измерении РМ призван выступить инструментом нивелирования конфликта аксиологических и социокультурных систем, в геополитическом – конфликта геополитических и экономических интересов глобальных игроков мировой политики.

3. В научном и общественно-политическом дискурсе к настоящему времени сложилось три теоретико-методологических подхода в трактовке РМ: культурно-цивилизационный, религиозный и геополитический (диаспоральный). Общим во всех трех подходах является расширительная трактовка пространства РМ, включающего в свои границы «ядро» РМ – Беларусь, Россию, Украину, – и периферию, охватывающую государства бывшего СССР и соцлагеря, а также любую страну дальнего зарубежья, в которой развивается русский язык и культура. В тоже время территориальные границы РМ носят условный характер и не могут быть ограничены в пространстве, поскольку распространяются на всех лиц, идентифицирующих себя

с РМ, испытывающих чувство общности и связи с Россией, независимо от места их пребывания, этнической или гражданской принадлежности. Поэтому, учитывая вселенский характер РМ и нивелирование понятий национальности и этничности, более корректно говорить не столько о территориальных границах или пространстве РМ, сколько о его «носителях».

4. В культурно-цивилизационном подходе ключевым признаком принадлежности к РМ является понятие «общности» – единства народов и этносов на основе общих цивилизационных традиций и духовных ценностей, русского языка и культуры, общих (конвенциональных) представлений об историческом прошлом. Спецификой религиозного подхода выступает заявление в качестве ключевого признака принадлежности к РМ не русского языка и культуры, а православия и РПЦ, которые рассматриваются в качестве базовых ценностей, культурно- и государствообразующих факторов становления и развития российской цивилизации, что в контексте религиозного подхода дает основание говорить не столько о «русском», сколько «православном» мире. В рамках геополитического подхода причастность к РМ определяется по языковому принципу, факту принадлежности к общей исторической Родине (Российская Империя, СССР, Россия), а также степени лояльности к России, ее внешней и внутренней политике. В совокупности перечисленные критерии идентификации характеризуют понятие «соотечественников за рубежом» как носителей РМ.

5. Выделенные ключевые признаки принадлежности к РМ в различных подходах дают основание рассматривать его в качестве:

- а) модернизированного варианта «русской идеи»;
- б) религиозно-политического проекта РПЦ;
- в) инструмента российской «мягкой силы» в интеграционных политических процессах.

2 «РУССКИЙ МИР» КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Анализ основных теоретико-методологических подходов к концепту РМ позволил выделить как его общие, так и специфические признаки. Общим во всех подходах является ключевое понятие «общности» – единства народов и этносов на основе русского языка и культуры, общих представлений об историческом прошлом, традициях и ценностях. К специфическим признакам и дискуссионным вопросам относятся:

- а) критерии идентификации и принадлежности к РМ;
- б) его транснациональный, внетерриториальный и надгосударственный характер;
- в) условность территориальных границ;
- г) тип и характер взаимосвязей субъектов внутри РМ, т.е. возможная политическая форма его воплощения.

Выявление ключевых признаков РМ обуславливает логику дальнейшего исследования в части, во-первых, прослеживания генезиса РМ в контексте формирования и развития «Русской идеи». Во-вторых, определения особенностей РМ как проекта РПЦ; в-третьих, раскрытия функции РМ как инструмента «мягкой силы» России международных интеграционных процессов.

2.1. Генезис «Русского мира» в контексте формирования и развития «русской идеи»

Конвенциональный (договорной) характер представлений об историческом прошлом дает основание рассматривать РМ в качестве модернизированного варианта «русской идеи» как «интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России» [119, с. 27], характеризующейся набором идеологических констант. К ним можно отнести вселенскость, мессианство, «инаковость» – декларацию особого духовного социокультурного «кода» восточных славян, отличающего РМ от иных «миров» (*Pax Romana*, *Pax Americana*, *Pax Islamica* и т.п.) и обусловливающего традиционное противопоставление «своих» «чужим», поиск особого пути.

В контексте рассматриваемой темы основной исследовательской предпосылкой стал анализ «русской идеи» как модели политического развития. В ходе анализа основное внимание было ориентировано на выявление генезиса восприятия государства как политического института, его задач и функций, оказывавших влияние на формирование структуры и типа управления, характера взаимодействия в рамках глобальной политической системы («российской цивилизации»).

Возникновение и формирование устойчивых представлений об особой вселенской миссии российского государства и основанной на них идеологии связывают с памятниками русской религиозной и общественно-политической мысли, восходящими к XI–XII вв., первыми из которых являются «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха и др. В них, как правило, нет четко отрефлексированных представлений о каких-либо основаниях «русской идеи», но они позволяют проследить генезис ее содержания и функций. Большинство подобных произведений характеризует многогранность затрагиваемых аспектов: онтологических, эсхатологических, мифологических, эстетических, нравственно-этических. В этой связи предметную область изучения составляет прослеживание

восприятия древнерусскими авторами политической власти, управления и взаимоотношений с другими странами и народами [141, с. 132; 450, с. 4].

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона можно назвать первым обоснованием особой исторической миссии и вселенского характера российской государственности, истоки которых связаны с крещением и христианизацией – властным объединением разрозненных языческими верованиями племён в единое государство. К отличительным чертам данного памятника древнерусской литературы можно отнесли следующие.

Во-первых, исходную предпосылку равенства всех народов, объединенных единой идеей христианства, её наднациональный характер. Во-вторых, отсутствие иерархичности – закрепления особого статуса или провозглашения особой роли отдельного народа или государства. Это коренным образом отличает позицию митрополита Илариона и Владимира Мономаха от позиции автора «Повести временных лет» с её высоким уровнем славянского этноцентризма и жёсткой иерархией племен: «мудрых и смыслёных полян», противопоставляемых древлянам, радимичам, вятичам и «прочим поганым» [451, с. 148; 462, с. 25]. В-третьих, отсутствие, за исключением «отринутых иудеев», противопоставления другим народам и неприятия иных верований, выполнявших в то время функцию политической идеологии [322, с. 488]. В дальнейшем, однако, перечисленные отличительные черты «русской идеи» претерпели существенные изменения. Сохраняя главные доминанты российской державности, – вселенскость и собирательную задачу государства, – её институциональные и структурно-функциональные характеристики отличались значительной динамикой.

Программное оформление вселенского характера российской государственности получило в XV–XVI вв. Обострившиеся противоречия в отношениях между католицизмом и российским православием, главным образом, в области пересечения политических интересов соседних государств относительно пограничных земель, привели к необходимости поиска и сакрализации имперских оснований российской державности [12]. Идеи тесного взаимодействия и жёсткого обеспечения государственной властью вселенской миссии церкви обосновывались

Иосифом Волоцким [118]. Кратко и ёмко эти основания были сформулированы представителем иосифлянского идейного течения иноком Филофеем в обращении к царю Ивану III: «Нынешняя церковь третья, Новый Рим... и да будет тебе известно, о милостивый царь, что все империи православной христианской веры слились в твою империю. Ты есть единственный император всех христиан во всей вселенной... Потому что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть!» [440].

Концепция «Москва – Третий Рим» изменила приоритеты в управлении и формировании структуры политической системы того времени. Россия (Московское царство) стала рассматриваться в качестве прямой наследницы крупнейших христианских центров – Рима и Византии, причем не только в религиозном, но и в территориальном плане [200, с. 116]. Условность территориальных границ связана с двумя аспектами: религиозным и политическим. Религиозные основания обусловлены вселенской природой христианства, заложенными в нем идеями мессианства и всеобщего спасения. Политические основания отсылают к понятию правопреемственности, когда новое государственное образование наследует как долги и обязательства, так и территорию, собственность, властные полномочия. Кроме этого, впервые, хотя и опосредованно, в концепции Филофея была озвучена идея «центра» – с одной стороны, как религиозной истины и источника спасения, с другой – государствообразующей силы, центра политической власти [316, с. 388].

Трактат «Политика» Юрия Крижанича заслуживает внимания в плане расстановки сил внутри одного славянского народа, к которому Крижанич относил шесть племен: русских, поляков, чехов, болгар, сербов и хорватов. Не отдавая приоритета какому-либо из перечисленных племен, Крижанич в то же время обосновывал тезис объединения всех славянских народов вокруг Московского государства [19, с. 12]. Это свидетельствует о разделении хорватским мыслителем национального и политического факторов в собирательной функции Москвы. Следует также отметить его критическое отношение к видению Филофеем Москвы как третьего Рима, хотя именно православию Крижанич отводил главную роль в формировании российской государственности [288, с. 356]. В трактате неоднократно упо-

минается про «высокомерное презрение» со стороны других народов, в первую очередь, европейцев. Подобное позиционирование можно назвать прообразом доминирующего признака РМ и «русской идеи» – противопоставления «Восток–Запад», культивирования оппозиции «свой–чужой» при преобладании резко негативного образа «чужого» («врага»).

Необходимо, однако, учитывать, что стереотипность негативных представлений о «чужом» является неотъемлемым элементом любой коллективной и, прежде всего, этнической идентификации, когда образ «чужого» «предстает как воплощенная антинорма, как собрание всех аномалий, которые может спроецировать на него традиций соседей» [59, с. 14]. Проблема заключается в том, насколько общество способно преодолеть в процессе своего развития «детскую болезнь» негативных стереотипов в отношении других, отличных от своей, культур и цивилизаций. Иными словами, степень демонизации «чужого» во многом свидетельствует о степени зрелости того или иного общества.

Секуляризация и дифференциация религиозного и политического в общественно-политической мысли того времени закрепила двойственный характер «русской идеи», на всех этапах своего исторического развития включающей в себя две основные составляющие: духовную и державническую. Духовная (религиозная, культурная, цивилизационная и т.п.) составляющая выступала в нескольких качествах:

а) обоснования необходимости как «собирания» земель и народов, так и распространения православной веры;

б) инструмента сакрализации, легитимации политической власти и государственных институтов;

в) непосредственно программой (моделью) политического развития, по сути представляющей собой императивное требование к власти, поскольку достижение цели всеобщего спасения предполагало опору на принудительную силу государства ислияние («симфонию») церковной и государственной властей.

Державническая составляющая, в свою очередь, основывалась на религиозных императивах, выступая, с одной стороны, инструментом реализации заявленных духовной составляющей задач (собирания, распространения и всеобщего спасения).

С другой стороны, продуктом социальных ожиданий общества, возглававшего решение данных задач именно на политическую власть и государство. Сочетание указанных составляющих и сформировало сверхсоциальное, геополитическое и собирательное начала российской государственности [439, с. 36; 553, с. 24; 563, с. 186–187].

Дальнейшее развитие «русской идеи» связывают с утверждением Российской Империи, петровскими реформами, не всегда совместимыми с национальным иерхетипами и потому впервые противопоставившими в общественном сознании отечественную традицию привнесенной западноевропейской. Новая форма политического устройства, нестабильная общественно-политическая ситуация, сложившаяся внутри Российской Империи к XIX в., потребовали корректировки политических идеологем в части привнесения, наравне с духовной и державнической, социальной (институциональной) составляющей. В черновике доклада Императору Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» министром просвещения С. Уваровым были сформулированы новые основания российской государственности, известные как «уваровская триада»: «...таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных: 1) православная вера; 2) самодержавие; 3) народность» [583].

Обращение к тексту приведенного документа позволяет зафиксировать существенное смещение акцентов в приоритетах идеологических констант. Православие как «вера предков» рассматривается уже скорее как незыблемая традиция, а не фундаментальное основание и источник державности. Сакральным же основанием становится политическая власть: «Россия живет и охраняется спасительным духом Самодержавия» [583]. Именно самодержавие «составляет главное политическое условие существования России в настоящем ее виде» [493, с. 305]. Связующими Трон и Церковь элементами выступают «народность» и просвещение, которому отводится инструменталистская функция развития российской государственности: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и

народности» [612, с. XLIX]. Следует также обратить внимание, что впервые в подобных документах появляется упоминание именно «Русского» монарха и народа, т.е. подчеркивается роль национального фактора, «превращающего русский народ в коллективного мессию» [186, с. 159].

В целом общим у обоих российских религиозно-идеологических конструктов «Москва – Третий Рим» и «Православие. Самодержавие. Народность» являлось то, что оба они главным образом решали задачи международной легитимации российской политической власти [99, с. 70]. Различие состояло в том, что первый конструкт носил идеальный, мессианско-утопический характер и представлял собой комплекс религиозно-эсхатологических представлений о смысле русской государственности [381, с. 78; 325, с. 263]. Уваровская триада в большей степени была ориентирована на формирование религиозно-политического единомыслия и противодействие распространению среди российской элиты либеральных идей, т.е. выступала условием политического существования России [122, с. 235–236; 468, с. 48; 525, с. 120]. Соответственно в рамках первого конструкта Россия призвана решать мессианскую задачу нравственного оздоровления и спасения душ, в рамках второго – религиозно-геополитическую: воссоздания православной империи по аналогии с Византийской, укрепления России как суверенного централизованного государства [119, с. 30].

Значимым этапом в развитии «русской идеи» стало распространение течений панславизма и славянофильства, ставших впоследствии одной из составляющих идеологии евразийства [108, с. 1504–1505]. Славянофильство представляло собой течение русской общественной мысли, основным направлением которого стало обоснование особой исторической роли России в спасении и собирании славянского мира, ее уникальности в сравнении с другими цивилизациями, заключающейся в особом общинном строе общественного бытия и религиозных идеалах православия (соборности) [312, с. 151]. Второй отличительной чертой славянофильства является критика других цивилизаций, в первую очередь, западноевропейской, а также резко негативное отношение к заимствованию в результате петровских реформ системы политических институтов западного образца.

В контексте рассматриваемой темы концентрированную суть взглядов основоположников славянофильства (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков) можно отразить цитатой А.С. Хомякова: «Было трое сильных владык в первых веках христианского мира: Греция, Рим и Север (мир тевтонический). От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные царства. Греция и Рим отжили. Русь – одна наследница Греции; у Рима много было наследников. (...) Мы – центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия. Когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей. Вот, кажется мне, то таинственное предназначение России...» [608].

Приведенная цитата последовательно раскрывает три основных характеристики «русской идеи», заложенные еще в концепции Филофея: право на преемственность (греческо-византийской цивилизации); обладание истиной; обусловленную и оправданную этой истиной особую миссию России, распространяющуюся на другие страны и народы. Однако реализация вселенской миссии возможна посредством не религиозных, а государственных (властных, политических) институтов. Русскоцентризм и державничество славянофилов нашли свое ёмкое отражение в формулировке Ю.В. Самарина: «Задача нашей внутренней истории определяется как просвещение народного общинного начала общинным церковным. ...Внешняя история наша имела целью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для России, но и для всего Славянского племени созданием крепкой государственной формы, которая не исчерпывает общинного начала, но и не противоречит ему» [506, с. 64].

Следует отметить, что К.С. Аксаков, хотя и затрагивал вопрос критического отношения России к Европе, но не противопоставлял их друг другу: «Русский народ имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не чрез посредство и не с позволения Западной Европы. К Европе относится он критически и свободно, принимая от нее лишь то, что может быть общим достоянием, а национальность европейскую откидывая. Он относится точно также к Европе, как ко всем другим,

древним и современным, народам и странам: так думают люди, называемые славянофилами» [6]. В работах же И.В. Киреевского и А.С. Хомякова получает четкое оформление новый аспект «русской идеи», ставший впоследствии ключевым признаком всей российской идеологии: аспект соотношения «Россия – Запад» («Запад – Восток»).

Исток непримиримого противоречия виделся российскими мыслителями в разделении церквей, повлиявшем на культивирование двух антагонистичных, по их мнению, начал – европейского и славянского: разума и веры, материального и духовного, индивидуалистического и соборного [242, с. 149]. А.А. Кара-Мурза в этой связи замечает, что спор западников и славянофилов по сути представляет собой спор не столько о будущем России, сколько о том, на какую Европу ориентироваться: христианскую или секулярную [240, с. 186]. Утрата Европой «истинной веры» в результате «отпадения» католицизма предопределила дальнейшее развитие двух цивилизаций, но не на условиях равноправия и состязательности, а изначальной духовно-нравственной исключительности России как носительницы единственной истины и «правильного» начала: «в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам» [242, с. 152]. Интерес в этой связи представляет позиция И.С. Аксакова, идущая вразрез с ключевыми положениями ранних славянофилов об особой роли православия и России как центра славянского мира.

Констатируя поверхностно-обрядовый характер «народного» русского православия, И.С. Аксаков ориентировался на инструменталистскую функцию религии, отмечая, что «церкви могут быть полезны в политическом отношении» [433, с. 89]. Подразумевалось создание нового, православно-славянского мира, противопоставляемого Европе: «вся задача Европы состояла и состоит в том, чтобы положить предел материальному и нравственному усилению России, чтобы не дать возникнуть новому миру – православно-славянскому, ... который ненавистен латино-германскому миру» [5, с. 108]. Осознание славянского

единства образованным слоем русского общества сочетается с утверждением, что «вопрос славянский не переходит в среду народа, он ему чужд» [432, с. 4]. Собирательная роль русского народа не является самодовлеющей, предполагая право остальных славянских народов на самоопределение: «Мы русские, желая блага славянам, должны им желать того, что они сами себе желают» [432, с. 5].

Особое внимание следует обратить на то, что И.С. Аксаковым впервые обозначается возможная форма славянского мира – не империя, а конфедеративный союз: «Сохрани меня Бог от мысли присоединять славян к России: мы их только испортим. Нет, пусть все славянские племена, сколько бы их ни было, составят союз конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность» [432, с. 14]. Идея конфедерации принципиально изменяет характер взаимосвязей, нивелируя иерархичность ролей и статусов народов как политических акторов и делая условным деление «центр–периферия».

Идеи конфедерации не распространялись, однако, на Белоруссию и Украину, являющихся «основой Русского государства». Белорусы, являющиеся «братьями по крови и по духу», не воспринимались как самостоятельный этнос и отождествлялись с понятием «русский», а «русские всех наименований должны составлять одну общую сплошную семью» [4, с. 294]. Соответственно «Северо-Западный край» понимался как исконная и неотъемлемая часть России, зона ее исключительного политического влияния. В то же время необходимо отметить последовательность и настойчивость И.С. Аксакова в продвижении идеи изучения белорусской народности, поддержки местных школ и белорусского «наречия» в противодействие польскому влиянию [639, с. 82–83].

В целом, учитывая весь обширный пласт порой фрагментированных и противоречивых идей, поднятых в работах славянофилов, следует заметить, что их взгляды в большей степени представляли собой философскую рефлексию и нравственный императив узкого социального среза российского общества относительно сложного внешнеполитического контура, в котором оказалась Российская Империя, нежели концепцию политиче-

ского развития. Подход славянофилов к государству являлся, по определению Н.А. Бердяева, с одной стороны, гипертрофированным, с другой – «внешним», чуждым европейскому позитивистскому и рационалистическому пониманию государства [63, с. 10; 64, с. 5; 382, с. 205]. Государство и политическая власть в трудах славянофилов представлены, как правило, сакральными и метафорично-образными категориями, рассматриваемыми вне их институционального и функционального значения.

Применительно к РМ как модернизированному варианту «русской идеи» в идеологии славянофильства ключевыми выступают такие ее положения, как религиозно обусловленный особый статус российской цивилизации, духовным и политическим центром которой является Россия. Главной детерминантой развития российской цивилизации декларирован приоритет нематериального над материальным, соборного над индивидуальным, иррационального над рациональным. Относительно статуса русского народа в славянском мире в среде славянофилов не было единства: часть из них предполагали равный политический статус всех славянских народов (И.С. Аксаков), некоторые отдавали безусловный приоритет России и русским (И.В. Киреевский, Ю.В. Самарин). В целом идеи славянофилов не оказали существенного влияния на внешнюю политику Российской Империи. В то же время отдельные положения славянофильства нашли свою реализацию во внутренней политике, в частности, в сфере просвещения, крестьянской и земской реформ 1861 и 1864 гг.

Особое значение в формировании «русской идеи» и концепции РМ имеет труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», посвященный главным образом не столько классической теории культурно-исторических типов, сколько раскрытию негативного образа Европы. Констатируя тот факт, что «Европа признает Россию и Славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным», причем враждебна «не случайно, а существенно» [170, с. 60, 532], Данилевский обосновывает необходимость объединения славянства, возводя данную идею до культа: «идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага...» [170, с. 154]. Центром Всеславянского союза

должен быть Константинополь, а не Москва, целью – «великая борьба» против враждебных внешних сил Европы – борьбы, «без которой он не может установиться» [170, с. 467]. В качестве оптимальной формы воплощения Всеславянского союза Данилевский видел федерацию, под которой понимал политическую систему государств с равным и справедливым разделом власти и влияния между входящими в нее народами. Фактически Н.Я. Данилевский предложил базовую структуру концепта РМ, включающего в себя:

а) сакрализирующее начало (Крещение Руси), обуславливающее «инаковость» и уникальность той или иной общности (цивилизации) и выступающее в качестве легитимирующего основания;

б) мобилизующее основание в виде образа «врага» («существенно враждебная» Европа), консолидирующее общество, а также выстраивание жесткой оппозиции «свой–чужой» («друг–враг»);

в) перспективу светлого будущего (Всеславянского союза), обязательным условием достижения и существования которого является борьба, также возведенная в ранг священной, поскольку предполагает «построение всеобщего блага на принципах Добра и противоборства Злу» [194, с. 11].

Если обратиться к основаниям РМ в структуре трех существующих на сегодняшний день основных подходов (культурно-цивилизационного, религиозного, геополитического), то представляется обоснованным вывод о включенности перечисленных элементов в содержание концепта РМ. В этой связи труд Данилевского можно отнести к первым попыткам теоретического обоснования как самой идеи РМ, так и системы инструментов, методов и политических форм его реализации [238, с. 441–442]. В этой связи представляет интерес позиция В.А. Сендерова. Обращая внимание на многочисленные противоречия в конструкции Данилевского, он отмечает не научный, а именно идеологический характер трактата, поскольку «вывод задан. В вывод верят, веруют и подстраивают под него посылку, эрудицию, логику» [523, с. 144].

Славянофильское течение и теория Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах получили свое развитие в рус-

ской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века преимущественно в части поиска религиозной истины и социального идеала российского государства. Проблемы государственного и внешнеполитического развития если и рассматривались, то опосредованно, с точки зрения института, выполняющего сакральную и стабилизирующую функцию, а не реализации стратегии внешнеполитических и государственных интересов [449, с. 194–195; 248, с.167]. Соответственно русскоцентризм и критика либеральных идей С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, Вл. Соловьева, П.И. Новгородцева, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и др. не предполагали какую-либо модель развития и сводились к идее народа-богоносца, призванного осуществить возложенную на него миссию спасения – «правду и смысл общественной жизни», прежде всего, славянских государств и Европы [385, с. 55; 310]. Государство было призвано способствовать реализации данной миссии, «ибо государство есть некая духовная община... политика есть солидарная деятельность ради единой и общей цели...» [223]. Россия же понималась как «семья народов, собранная вокруг православного русского народа, разделившегося в своем понимании православия и безвыходно пребывающего в этом разделении» [550].

Традиционное противопоставление «Запад–Восток» сводилось к сфере духовных исканий и разработке теологических оснований. Понятие социальной деятельности или политического управления подразумевали идею служения в деле реализации вселенской миссии. В частности, В.С. Соловьев отмечал, что «для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть» [551]. Следует, однако, учитывать, что понятие «вселенскости», несмотря на эсхатологическое наполнение философского дискурса, предполагает международный характер его реализации. Смыслообразующими категориями идеи «народа-богоносца» являются «единство» и «общность», понимаемые как тождественные «соборности» [482, с. 509]. Идея единства Русской земли, являющаяся основным смыслом еще

древнерусских литературных памятников, трансформировалась в идею противостояния негативному воздействию враждебной внешней среды, которая стала одним из ключевых признаков современного концепта РМ [203, с. 24].

Многочисленные работы Н.А. Бердяева представляют собой рефлексию над идеями и концепциями, главным образом, двух течений: славянофилов и русской религиозной философии. В качестве атрибутивных признаков «русской идеи» у Н.А. Бердяева можно выделить: социальный иерархизм [202, с. 194; 15, с. 173–174], признание особенности русского народа [64, с. 36], обусловленную этой особенностью особую миссию России («Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе» [63, с. 9]). В то же время, вслед за Вл. Соловьевым и большинством представителей русской религиозной философии, Н.А. Бердяев не рассматривал «русскую идею» как идею внешнего противопоставления (Западу, Европе), ориентируясь на интегративную функцию и объединяющее начало русской духовной миссии: «Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [64, с. 22]. В качестве антагоничных России новых полюсов силы Н.А. Бердяев предлагал Китай и США, предвосхитив основное направление вектора советской и современной российской идеологии.

Основное внимание Н.А. Бердяевым уделялось не столько структурированию самой «русской идеи», сколько осмыслению ее противоречивой природы, которая, по его мнению, заключалась в антиномичности русского национального характера. По определению И.В. Следзевского, – в образе взаимоотталкивания в русской культуре противоположных смыслов и ценностей [534, с. 95]. Одна из главных антиномий состоит в сочетании русского мессианизма и национализма [64, с. 102], получивших свое выражение в политическом строе и неоднозначных процессах политического развития. Мессианская идея не может быть ограничена национальными и территориальными рамками, поскольку мессианское сознание универсально и противоположно индивидуалистичному национализму [64, с. 19; 574].

В то же время мессианские интенции «русской идеи» обуславливают возникновение конкретного политического образо-

вания – государства-империи, сама идея которого представлялась «искажением русской идеи» [64, с. 138]. Связано подобное противоречие с тем, что, во-первых, любое государство, по мнению Н.А. Бердяева, порождается насилием. Во-вторых, «изначально полнота власти принадлежит народу, но народ этой власти не любит» [64, с. 140; 66, с. 55]. Поэтому подход к государству как возможному средству и форме реализации «русской идеи» у Н.А. Бердяева больше онтологический и трансцендентный, чем институциональный или структурно-функциональный [18, с. 73]. На более низкой ступени по сравнению с государством стоит цивилизация, природа которой, в отличие от государства, сугубо материальна, «вне храмов и культа» [66, с. 218].

Доктрина евразийства, зародившаяся в эмигрантской среде первой половины XX века, в отличие от онтологической доминанты славянофилов, представляла собой синтез нескольких концепций различных отраслей гуманитарного знания. Основатели течения впервые заявили о программном подходе к проблемам внешней политики России, целью которой является объединенный «мир Евразии» («Россия–Евразия», «Евразийский мир») [16, с. 166; 597, с. 47; 582].

Единое понимание евразийцами Евразийского мира касалось, в первую очередь, его географического, территориального измерения. В разное время различными представителями евразийства последовательно обосновывалась мысль о «России–Евразии» как самодостаточном пространстве, представляющем собой особый географический и культурный мир, не ограничивающийся только славянством, а охватывающий в том числе народы Востока и Азии [39, с. 440; 597, с. 46]. Евразийский мир, по определению Н.С. Трубецкого, представляет собой «замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [581].

В остальных положениях, несмотря на заявленные доктринальность и программность, евразийство, как и течение славя-

нофилов, представляло собой пеструю и порой противоречивую мозаику идей и концепций прошлого и будущего России, что обусловило в итоге раскол движения. Учитывая расхождения в интерпретации евразийцами ключевых положений относительно миссии России в мире, можно выделить несколько основных устойчивых идеологем данного течения.

Принципиальным отличием от всех предыдущих моделей «русской идеи» является то, что в качестве источника цивилизационного и политического развития российского «государства-мира» евразийцы рассматривали не факт Крещения Руси, а объединительную миссию Чингисхана и государствообразительную для России роль Золотой Орды. РМ евразийцев – «Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия–Евразия, преемница великого наследия Чингисхана» [581]. Соответственно в качестве исторического для России определялся мир не греко-славянский, славянский или византийский, а мир «последнего и первозданного Востока» [582].

Определение «точкой отсчета» российской цивилизации не византийского наследия и Крещения Руси, а более позднего периода обусловило, во-первых, утрату сакрального основания РМ (Москвы как Третьего Рима). Во-вторых, переориентацию вектора внешнеполитического развития России с европейского на восточноазиатский регион. Утрата сакрального смысла нивелировала идею мессианства РМ, выдвинув на первый план «русской идеи» ее культуро- и государствоцентризм [39, с. 441; 454, с. 211]. В качестве системообразующей идеи обосновывалось понимание государства не как «симфонии» церковной и политической властей, а централизации властных функций, выражавшейся в том числе в тенденции персонификации политических институтов. Жесткая система государственного управления, выстроенная в интересах общего блага политической системы и предопределила, по мнению евразийцев, «золотой век» Московского государства вплоть до восхождения на престол Петра I, став одним из основных факторов обеспечения единства евразийской державы.

Изменение в подходе обусловило «внеевропейское» понимание роли и функций государства и права, и как следствие, –

разработку новых доктринальных оснований политического объединения «России–Евразия» в форме «государства-мира» [367, с. 18, 23] – «великой империи, как скифская, монгольская» [582]. Евразийский мир должен был представлять собой империю в классической форме теллуократии, характеризующейся политическим централизмом и строящейся по континентальному (географическому, территориальному) принципу. В основу понимания государственности была заложена идея «месторазвития» – синтетической категории, предложенной П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским. Под «месторазвитием» подразумевалась взаимозависимость природно-географических, социальных и исторических условий развития той или иной цивилизации [301, с. 200; 503]. Европа по-прежнему рассматривалась в качестве «чужого», а необходимость противопоставления культур была заявлена уже в форме манифеста: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [189]. В дальнейшем, однако, оппозиция «Запад–Восток» претерпела некоторые изменения.

Природа противоречия между славянским и западноевропейским миром носила у славянофилов сакральный характер, поскольку виделась в расколе христианства и отпадении Европы от «истинной веры», предопределившем ее нравственное падение, индивидуализм, рационализм и прочие негативные, с точки зрения славянофилов, последствия. Евразийцы противопоставляли уже не столько духовные, сколько политические основания [580, с. 611; 610, с. 11, 14–15; 646, с.188–189]. Это, в первую очередь, касалось критики либеральной идеологии, концепций естественного права, гражданского общества, представительской демократии и других базисных идей европейской цивилизации, чуждых соборному началу восточных славян. Н.С. Трубецкой заявлял, что «будущая Россия–Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях» [581].

Основной отличительной чертой евразийцев от представителей славянофильства и русской религиозной философии вы-

ступает их государствоцентризм. Понимание России как особой цивилизации предполагало обязательную политическую форму ее закрепления – империю. По определению Н.А. Бердяева, «евразийцы – государственники, имеют волю и вкус к власти, они сторонники организации, конструктивисты, в них очень силен элемент рационалистический, они очень отталкиваются от мистики, и им совершенно чужда эсхатологическая настроенность» [65, с. 305].

«Точками несоприкосновения» евразийства с концепцией РМ можно назвать, во-первых, евразийскую географическую направленность, предполагающую включение в соответствующее политическое образование не только славянских народов, но и некоторых стран Ближнего Востока, а также Индии и Китая. РМ выступает в таком случае одной из частей евразийского проекта, ориентированного лишь на европейский регион. Во-вторых, при преобладании географического и геополитического содержания идеологии евразийства нивелируется социокультурная (цивилизационная) составляющая, представляющая собой основу РМ. В частности, такие его ключевые признаки, как русский язык и культура, общие представления об исторической памяти и т.п. В-третьих, лишь частичную преемственность с предыдущими идеологическими конструктами и концепциями, в разное время являвшимися основой «русской идеи» («Москва – Третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность»).

В последующем разногласия в среде евразийцев и раскол, связанный с противоречивым отношением к революции 1917 г., привели к развалу течения. Однако некоторые идеи евразийства нашли свое дальнейшее развитие в работах Л.Н. Гумилёва и оказались актуализированы в научном и общественно-политическом дискурсе.

Евразийство Л.Н. Гумилева, его теория пассионарности и концепция суперэтносов вызывают в научной литературе неоднозначные оценки [62, с. 14–15; 652]. Не касаясь дискуссий о научности и степени обоснованности основных положений его теории, отметим несколько аспектов в контексте рассматриваемой темы, оказавших влияние на формирование идеологии РМ. Как и большинство евразийцев, Л.Н. Гумилев считал Россию наследницей не Византийской империи, а Тюркского каганата

и Монгольского улуса, интегрировавших огромное евразийское пространство в единое политическое образование с жесткой системой управления: «Москва не продолжала традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов, – системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности» [164, с. 377].

Одно из ключевых понятий славянофильства – «соборность» – рассматривалось Л.Н. Гумилевым не в узком религиозном, а в широком плане, подразумевая в том числе принципы политической организации: «евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности» [164, с. 383].

Концепция суперэтносов Л.Н. Гумилева во многом перекликалась с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в части идеи объединения родственных этносов, автономного характера их развития и противопоставления Европе. Под Евразией Л.Н. Гумилевым понималось не только географическое пространство, но и «сформировавшийся в его центре суперэтнос с тем же названием». Поэтому образование «Россия–Евразия» представляет собой не объединение Востока и Запада, а лишь один из многих суперэтносов [164, с. 375–385]. Традиционное противопоставление Европе Л.Н. Гумилев раскрывал как неотъемлемое свойство любого суперэтноса, наряду с такими его характеристиками, как общая идеология, устоявшиеся нормы и стереотипы поведения, чувство комплиментарности и др. Неприятие Европы рассматривалось не в разрезе глубинных религиозных противоречий или конфликта геополитических интересов, а в качестве угрозы физическому существованию российского суперэтноса: «Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [164, с. 384].

Отдельные элементы национализма и ксенофобии, общие как для славянофилов, так и евразийцев, трансформировались в идею противостояния. Именно обоснование необходимости

противостояния глобальной внешней угрозе стало одним из основных ключевых признаков концепта РМ, что обусловлено несколькими причинами. В первую очередь, это касается конструирования образа «врага» – как внешнего, так и внутреннего. Вторая причина – необходимость формирования новой гражданской идентичности, с острым кризисом которой столкнулись все страны постсоветского пространства. К третьей причине можно отнести продвижение в общественное сознание ряда идеологем, основная из которых – уникальность и избранность, т.е. чувство превосходства своего суперэтноса над другими (суперэтнотами, цивилизациями, культурно-историческими типами, «мирами» и т.п.). Апеллируя к эмоционально-образной памяти и глубинным архетипическим основаниям коллективного бессознательного, данная идеологема является мощным фактором политической консолидации общества с травмированным историческим сознанием.

Обобщая, можно сделать вывод, что генезис концепта РМ в контексте формирования и развития «русской идеи» отличается, с одной стороны, неоднородностью и противоречивостью, с другой – наличием ряда устойчивых идеологем, представляющих своеобразный национальный эгрегор [480, с. 11; 194, с. 29]. К положениям, на разных этапах развития «русской идеи» характеризующимися внутренней неоднородностью и противоречивостью, относятся:

а) источник российской государственности: религиозный (Византийская империя и наследие Константинополя, Крещение Руси) и политический (Монгольская империя и наследие Чингисхана);

б) характер взаимосвязей между субъектами РМ («русской цивилизации»): иерархичность – наличие/отсутствие особого статуса отдельного народа (русский народ как «народ-богоносец») или государства «Москва – Третий Рим»), что может быть выражено структурой взаимоотношений «центр-периферия»;

в) вектор внешнеполитического развития России: европейский (собираение славянского мира вокруг Москвы или Константинополя) или евразийский (в границах Монгольской империи, включая тюркские народы).

Внутренняя неоднородность «русской идеи» может быть обусловлена ее иерархической структурой, в которой Е.И. Рачин выделяет три уровня: этнический (суперэтнический), социальный (страновой) и государственный [477, с. 26]. При подобном структурировании проблема внутренней неоднородности «русской идеи» приобретает не столько теоретический, сколько инструменталистский, функциональный характер, перемещаясь из сферы концептуальных противоречий в область выработки целевых функций: согласования задач, мотивации, интересов и т.д. Наиболее эффективным инструментом согласования противоречивых положений в данном случае становится набор идеологем – стереотипных представлений, укоренных в массовом сознании общества и отвечающих основным его социальным ожиданиям.

К таким устойчивым идеологемам, составляющим «русскую идею» и оказавшимся востребованными в современном российском обществе, относятся сакральность истоков российской государственности и обусловленные сакральностью ее происхождения вселенский характер РМ, мессианство, «особый путь», противопоставление России Европе, культивирование образа «врага». Именно перечисленные идеологемы легли в основу религиозного проекта РМ, процесс институционализации которого наиболее последовательно осуществляется РПЦ.

2.2. «Русский мир» как проект Русской православной церкви

Деятельность РПЦ в интеграционных процессах на постсоветском пространстве изначально была ориентирована на приоритетное сотрудничество в рамках «славянского треугольника»: Беларуси–России–Украины, большая часть населения которого традиционно идентифицирует себя если не с религиозной, то с социокультурной принадлежностью к православию.

Еще в 2001 г. в своем выступлении в Дипломатической академии МИД РФ Патриарх Кирилл (на тот момент митрополит Калининградский и Смоленский) озвучил основные направления сотрудничества между РПЦ и Российской Федерацией во внешнеполитических процессах. К ним были отнесены: ре-

ституция собственности и культурных ценностей, утраченных РПЦ после 1917 г.; защита прав соотечественников, в том числе прав верующих, в ближнем и дальнем зарубежье; участие РПЦ в миротворческой деятельности; отстаивание принципа многополярности глобализирующегося мира [347].

Указанные пункты частично нашли свое отражение в проекте РМ, попытка институционализации которого активно осуществляется РПЦ. Озвучиванию идей РМ в конфессиональной риторике предшествовало выступление в 2004 г. министра иностранных дел И. Иванова на VIII Всемирного русского народного собора о том, что «собрание «русского мира» является общим делом Российского государства и Русской православной церкви» [127, с. 6]. В 2007 г. Патриарх Алексий II сделал первую попытку решить проблему наднационального характера «русскости» через консолидацию этносов и народов вокруг некоего высшего начала – православных ценностей: «Самопонятие “русскость” – не этническое, а сверхнациональное, культурное. Оно, может быть, и зародилось как национальное на киевских землях. Ведь согласно древнерусским летописям, Русью в строгом смысле этого слова первоначально назывались только ближайшие к Киеву земли. Однако с течением времени это понятие стало универсальным. В русский мир вошли и другие народы, отличные по этническому признаку, однако русские по духу, по принятию православных ценностей» [497, с. 7].

Впервые же программное оформление идей РМ было озвучено главой РПЦ Патриархом Кириллом на открытии III Ассамблеи Русского мира в ноябре 2009 г. На протяжении последующих лет структура и содержание концепта РМ развивались, уточнялись, дополнялись представителями РПЦ как новыми чертами, так и некоторыми противоречиями.

В конструкции РПЦ РМ – цивилизационное понятие: это «особая цивилизация» и «цивилизационное пространство», единство которого определяется Патриархом по факту крещения Руси в 988 г.: «Русский мир – единое духовное пространство восточнославянских стран-наследниц исторической Руси» [179; 542; 543].

Помимо приведенных трактовок, РМ определяется как «русский способ жительства», поддерживаемый «общими го-

сударственными границами». Попытка уточнить предложенное определение уводит к еще большей абстракции: это «способ общественного жительствова, который во всем мире ассоциируется с русской традицией» [136]. Содержание, особенности и отличия «русского способа жительствова» от иных способов жительствова не раскрываются, поэтому в качестве основной характеристики представляется обоснованным выделить не столько «понятие» и «способ», сколько «пространство» РМ. Пространственное измерение требует определения уже не только духовных и цивилизационных, но и территориальных границ, создающих, однако, «лишние препятствия между народами Русского мира» [136].

В контексте определения критериев территориальных границ РПЦ активно использует понятие «канонической территории». Данное понятие было введено в терминологию РПЦ в связи с проблемами взаимоотношений с инославными конфессиями и изначально служило обоснованием своего приоритетного права на проповедь, а также реституцию собственности в странах бывшего СССР. Границы «канонической территории» нашли свое закрепление в официальных документах РПЦ, однако их трактовки нельзя назвать последовательными.

Во-первых, они представляются спорными с сугубо богословской точки зрения, поскольку вселенский характер христианства не имеет национальных и территориальных границ, о чем было заявлено Священным Синодом РПЦ: «Границы Патриархата необязательно должны совпадать с государственными границами... Патриархат – это не политическое, не национальное и даже не географическое понятие. Патриархат есть церковно-каноническая реальность, образованная для поддержки единства и соборности входящих в него церковных структур» [204, с. 231].

Во-вторых, в разных документах заложены различные основания определения территориальных границ: согласно «Основным принципам отношения РПЦ к инославию» в качестве «канонической территории» обозначены «страны СНГ и Балтии», т.е. пространство бывшего СССР [405]. Согласно же ст. 3 гл. 1 Устава РПЦ, каноническая территория, помимо бывших советских республик, включает в себя страны Азиатско-Тихо-

океанского региона: Китай, Монголию и Японию. Юрисдикция РПЦ «простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории РПЦ: в Российской Федерации, Украине, Республике Беларусь, Республике Молдова, Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Китайской Народной Республике, Кыргызской Республике, Латвийской Республике, Литовской Республике, Монголии, Республике Таджикистан, Туркменистане, Республике Узбекистан, Эстонской Республике, Японии, а также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах» [курсив А.С.][586].

Учитывая, что ключевым признаком в данном определении выступают «лица православного исповедания» независимо от места их пребывания и гражданской принадлежности, более корректно говорить не столько о самой «канонической территории», сколько о ее «носителях». Следует также учитывать, что статус указанных территорий официально не подкреплён какими-либо международными, региональными или локальными нормативными правовыми актами. «Каноническая территория» может рассматриваться как территория исконного проживания восточнославянского населения и других обращенных в православие народов, пространственная граница власти или просто как объединяющий ресурс [134, с. 98; 215, с. 10; 607].

Исходя из приведенной трактовки «канонической территории РПЦ», границы РМ гораздо шире территории Российской Федерации [132]. Ядром же РМ «выступают страны-наследницы исторической Руси»: Россия, Украина и Беларусь [134]. Структура «ядра» РМ предполагает равенство статусов и ролей стран, «образовавшихся на пространстве исторической Руси» [394]. Выстраивание отношений в границах РМ заявляется не по иерархическому принципу «центр-периферия», а на основе линейного межсубъектного взаимодействия. Так, «если мы будем считать его [РМ – А.С.] единственным центром только Российскую Федерацию в современных границах, то мы тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы Русского мира и считают его созидание главным делом своей жизни. Ядром русского мира

сегодня являются Россия, Украина, Белоруссия...» [586]. Поэтому основной отличительной чертой РМ в проекте РПЦ можно назвать отсутствие упоминания об исключительной роли России в процессах как его собирания, так и распространения.

Необходимо также разграничивать пространство «канонической территории» РПЦ и пространство «Святой Руси» [542; 543; 539], синонимичными значениями которой в конфессиональной риторике выступают также «мир всея Руси», «Киевской Руси», «исторической Руси» [131; 132]. Подобное отождествление является достаточно дискуссионным, поскольку в их основе заложены различные типологические основания.

Так, если под «исторической Русью» подразумевается «Древняя Русь», следует принимать во внимание, что в научной исторической литературе наименования «Древней» и «Киевской» Руси были взаимозаменяемыми и подразумевали лишь одну из стадий раннегосударственного образования в период его развития с IX в. до середины XIII вв. Границы Древнерусского государства охватывали территорию от Таманского полуострова на юге и Вислы на западе до Северной Двины на севере и притоков Волги на востоке [280, с. 27; 279, с. 16]. Термин «всея Руси» представлял собой приставку к титулу русских великих князей и царей, получившую закрепление в официальных документах внутри государства ко второй половине XV в. В настоящее время его содержание не имеет пространственного измерения и используется лишь в обозначении титула предстоятелей РПЦ [72, с. 30].

Что касается «Святой Руси», то впервые это словосочетание появилось в русской литературе в XVI в., столетие спустя перейдя в фольклор и русский былинный эпос. На сегодняшний день в духовной литературе и религиозной публицистике термин широко применяется для обоснования необходимости реставрации симфонии государства и церкви, основанной на укорененности в национальном самосознании образа святости российского государства [124, с. 54; 664, с. 9–11]. В научной литературе актуализация термина связана преимущественно с осмыслением «Святой Руси» как базового понятия русской идентичности, т.е. ментальной категории, национального архетипа, выражающегося в предельной ценностной характеристике Ро-

дины [124, с. 54; 162, с. 68; 459, с. 268; 529, с. 11]. Фактически рассматриваемый термин отсылает к идеальному образу (модели) исторического прошлого.

В определении Архиерейского собора РПЦ 2008 г. «О единстве церкви» «Святая Русь» формулируется как «Родина для всех нас, наше общее цивилизационное пространство» [403]. Соотношение понятий «Святой Руси» и РМ было четко сформулировано Патриархом на открытии III Ассамблеи Русского мира: «Святой преподобный Лаврентий Черниговский выразил эту идею [РМ – А.С.] известной фразой: “Россия, Украина, Беларусь – это и есть святая Русь”» [136]. Митрополит Иларион также отмечает единство, прежде всего, трех восточнославянских народов: «Святая Русь – это то историческое пространство, которое объединяет нынешние Россию, Украину и Белоруссию. Три славянских народа, разделенные ныне государственными границами, некогда составляли единый народ, и имеют общую историю, продолжавшуюся более тысячи лет» [74]. В то же время, отмечая объединяющую роль РПЦ, митрополит делает существенную оговорку, что общее духовное пространство, помимо указанных стран, включает в себя «и целый ряд других стран», перечень которых, однако, не уточняется.

Таким образом, «Святая Русь» в составе России, Украины и Беларуси является ядром РМ. Границы самого РМ тождественны понятию «канонической территории», закрепленному в Уставе РПЦ, т.е. распространяются на всю территорию присутствия «лиц православного исповедания» [586]. В приведенном контексте понятие «Святой Руси» уже представляет собой концепцию развития как внутри-, так и внешнецерковных отношений. Это дает основание говорить о реконцептуализации «Святой Руси», суть которой состоит в переориентировании сакральных смыслов на понятие цивилизационной общности трех или четырех государств [547, с. 126–128]. Помимо «Святой Руси», в более-менее очерченные территориальные границы РМ Патриархом включены Молдавия и Казахстан, а также «другие страны исторического пространства Руси». К тому же РМ – это цивилизация, «распространившейся на огромные просторы Евразии», что

также вносит коррективы в потенциальный охват ее территориальных границ [544; 545].

Кроме перечисленного, в Концепции миссионерской деятельности РПЦ введены такие понятия как «территория пастырской ответственности» или «миссионерское поле», под которым в глобальном плане понимается «все мироздание», «духовное пространство, где борются свет и тьма» [269]. В миссионерское поле включены миллионы людей, «проживающих на громадных территориях, со своей культурно-исторической спецификой», что обусловило необходимость «второй христианизации» [269]. Поэтому понятие «территории пастырской ответственности» гораздо шире понятий «канонической территории», территории «Святой Руси» и территории РМ.

Важной составляющей РМ является вся зарубежная русскоязычная диаспора и все православные общины, охваченные деятельностью как РПЦ, так и Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ)⁶. В перспективе к стране РМ может быть отнесена любая страна, в которой русский язык используется как язык межнационального общения, развивается русская культура, хранятся русская общеисторическая память и единые ценности. В идеале РМ призван стать подобием византийской цивилизации – именно это, по мнению Патриарха, и есть «высший, всечеловеческий уровень общественного бытия» [134].

Максимально расширяющиеся в риторике главы РПЦ территориальные границы РМ потребовали более четкого определения его оснований, которые и были сформулированы Патриархом в 2009 г. Таковыми, по его мнению, являются: православная вера, русская культура и язык, общая историческая

⁶ Акт о каноническом общении между РПЦ и РПЦЗ был подписан при активном участии Президента РФ В. Путина 17 мая 2007 г. [166, с. 45–46; 447]. Акт, помимо сугубо канонического, имел большое политическое значение, в первую очередь, в процессах налаживания отношений с «рассеянной» русскоязычной диаспорой «белоземлигрантской волны» [51, с. 87; 180, с. 13; 319, с. 123] и позволил частично ослабить антироссийскую риторику РПЦЗ [365, с. 79]. Со стороны высшей политической власти Акт был оценен как «важнейшее условие для восстановления утраченного единства всего “русского мира”, одной из духовных основ которого всегда была православная вера» [113].

память и общие взгляды на общественное развитие [136]. В этой связи следует обратить внимание, что в «Декларации русской идентичности», принятой по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора в 2014 г., применительно к русской идентичности РПЦ предлагается другая очередность, в которой православие уступает свое место русскому языку: «это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [179].

Применительно к РМ в конструкции РПЦ можно говорить о монистическом подходе: признавая некоторый условный вклад других традиционных конфессий и даже светских философских течений в созидание русской цивилизации, базовой ее опорой является «вселенский характер Православия, лежащего в основе мировоззрения большинства из тех людей, которые осознают себя частью Русского мира» [134]. Религиозный монополизм обосновывается тем, что «мы должны вообще забыть этот расхожий термин «многоконфессиональная страна». Россия – это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами» [225]. Именно религиозное измерение РМ Патриарх последовательно отстаивает и в последующих выступлениях: «в центре цивилизации, к которой мы принадлежим, – евангельские ценности» [537]. В то же время, если в случае с первоисточником РМ позиция РПЦ последовательна и логична, то с содержанием и значимостью двух других оснований можно отметить некоторые сложности и противоречия.

Являясь в представлении Патриарха вторичными по отношению к православию и РПЦ, русская культура и язык занимают промежуточную, вторую позицию в перечне трех оснований РМ. Русская культура как «стыковочный узел для соединения с другими национальными традициями» и «самобытные способы и форма выражения ценностей» [136], а также русский язык как «естественное средство поддержания взаимоотношений людей» и «коммуникационный элемент», возникший в результате «совместных усилий людей разных национальностей», являются «общим достоянием всех народов Русского мира» [136].

Значимость русского языка как «средства коммуникации» является, однако, небесспорной, поскольку «говорить на русском языке или понимать русский язык – это не единственное условие принадлежности к Русскому миру» [136].

Поэтому третьим основанием РМ выступает «общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие», суть которого может быть сведена к необходимости почитания общих памятников, дат и имен, связанных с важнейшими событиями отечественной истории. Об их конкретном перечне и смысловом наполнении можно и нужно договариваться в целях «достижения согласия в интерпретации тех или иных событий прошлого, оценки исторических фигур» [541]. Данное основание более корректно было бы обозначить компромиссным пониманием истории, выражающимся в коллегиальном выборе приоритетной модели исторического прошлого, поскольку предполагает не столько общую историческую память (историю), сколько единое (единообразное) отношение к ней. Достигнутое «единство исторического сознания» призвано учитывать уроки прошлого, предполагая «преодоление имущественной пропасти», уже приводившей страну к революциям и социальным потрясениям.

В 2010 г. перечисленные основания РМ дополняются еще одним, четвертым – «единой системой ценностей», впервые включившей в себя их конкретный перечень. К ним относятся достаточно разноплановые: «религиозная вера и межрелигиозный мир, свобода и нравственное совершенствование личности, самопожертвование ради других, крепкая семья, уважение старших, соборный совет и действие, творчество, трудолюбие, справедливость, любовь к Отечеству, забота о сотворенном мире» [134]. В 2012 г. на заседании патриаршего совета по культуре ценностные приоритеты были значительно смещены Патриархом в сторону культурантропоцентризма, поскольку «именно через культуру, образование и воспитание усваивается национальный культурный код» [129, с. 13]. Также был расширен сам список ценностей: «Если говорить, что наши фундаментальные ценности лежат в области нравственности, то что это за ценности?... Для нас эти ценности просты – честь, жертвенность, правда, ответственность, справедливость, свобода как Божий дар» [129, с. 9].

В целом, за исключением пункта о православной вере как базовой основы РМ, смысловые границы данного концепта значительно «размыты». Так, в трех абзацах одного выступления на тему РМ 6 сентября 2014 г. Патриархом четырнадцать раз употребляется обезличенное местоимение «это» («эту цивилизацию», «эту концепцию», «эти ценности» и т.п.) [537], а терминологический разброс в контексте рассматриваемой темы насчитывает около полутора десятков вариантов, каждый из которых несет самостоятельную смысловую нагрузку («цивилизационная модель», «цивилизационная основа», «цивилизационная традиция», «цивилизационное пространство», «цивилизационное понятие», «русская цивилизация», «восточнославянская цивилизация», «цивилизационный проект», «цивилизационный центр» и т.п.).

В этой связи интерес представляет заявление В. Чаплина, являвшегося главой Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества, в котором традиционное для риторики РПЦ обращение к необходимости противостояния различного рода негативным вызовам аргументируется призывом «оставаться хозяевами своих ресурсов, своего политического строя, своего взгляда на правду и ложь, своей веры» [617]. Выстроенная иерархия ценностей существенно отличается от предложенной Патриархом своей прагматичностью, учитывая очередность значимых факторов, в которых на первом месте заявлены «ресурсы», а «вера» занимает последнее место. С одной стороны, В. Чаплин заявляет о том, что «для меня более важен православный мир, чем русский», а РМ «немыслим без православия». С другой стороны, к РМ, по его мнению, «относятся и русские люди, не являющиеся православными христианами, а также те, кто по крови никак с русскими не связан, но испытывает симпатию к «русскому миру», говорит на русском языке, чувствует свою солидарность с историческими судьбами русского народа, связан с ним общей историей, в том числе в рамках Российской империи и бывшего СССР» [617]. Подобные расширительные трактовки свидетельствуют о расхождении в понимании базисных оснований концепта РМ в том числе и среди представителей самой РПЦ.

Еще одним отличием РМ в конструкции РПЦ является разграничение РМ и России как государства (Российской Империей,

Российской Федерацией, СССР). Впервые подобное разграничение было озвучено Патриархом в 2010 г. в интервью украинским тележурналистам: «Для украинцев хочу подчеркнуть, что Русский мир не означает “российский”. Тем более это не мир Российской Федерации... Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры» [226]. Данная позиция была подтверждена заявлениями о том, что «когда мы говорим “русский”, то не следует трактовать это так, как это делают наши недоброжелатели, говоря о Российской империи и о Советском Союзе», а также то, что «нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией. Русский мир – это одновременно и Украинский мир, и Белорусский мир» [513; 545].

Идеальная конструкция РМ как набора незыблемых констант и возможного воплощения Византийской империи была бы неполной без сакрализирующего начала. В его роли, помимо вселенского характера православия, выступают образ «врага» и борьба негативными угрозами преимущественно внутреннего характера. Культивирование образа «врага» характерно для любого кризисного периода и является одним из наиболее эффективных инструментов конструирования модели прошлого и управления настоящим. Это обусловлено тем, что, во-первых, основывается главным образом на создании эмоционального, оценочного восприятия соответствующего объекта прошлого. Во-вторых, априори предполагает борьбу с врагом либо «за» (социокультурную идентичность, традиционные ценности и т.п.), либо «против» (бездуховности, коррупции и т.п.). Следует также отметить, что, если применительно к «русской идее» можно говорить об устойчивом образе исключительно внешнего «врага» (Запад, Европа), то в конструкции РПЦ соответствующий образ множественен и ситуативен, сочетая в себе «врага» как внешнего (Запад, Европа), так и внутреннего (либеральные ценности, секты, атеисты, коммунисты, оппозиция и т.п.). Иными словами, в первом случае образ «врага» представляет собой устойчивую идеологему, во втором – технологию манипуляции общественным сознанием и инструмент политического влияния.

Связано это, в первую очередь, с тем, что требование о защите традиционных ценностей на сегодняшний день фактиче-

ски выступает необходимым условием легитимации политической власти и средством консолидации общества. Это придает осмысленность и целенаправленность уже политическим процессам, тем более что не беспокоиться о РМ означает «ослушаться Самого Бога». Первоочередное значение приобретает не столько способность к мирному развитию, сколько «способность защищать традиции своего народа, его религиозные и культурные ценности...» [136].

Однако, если в военные периоды коллективная память сохраняет образ только внешнего врага, то в мирное время преимущественно конструируется уже образ «врага внутреннего», который множественен, динамичен и требует постоянного обновления в зависимости от сиюминутных политических задач, апеллируя, как правило, либо к модели «идеального» («Святая Русь»), либо «ужасного» прошлого («наследие безбожного режима»). Поэтому в качестве едва ли не основной угрозы РМ, по мнению председателя РПЦ, выступают «антирелигиозные гонения, преследования людей за мирно выражаемые убеждения, подавления гражданских свобод», «агрессивный секуляризм», «воинствующий антиклерикализм» и т.п. явления [541].

Учитывая, что главным основанием РМ в конструкции РПЦ выступает православие, подобная позиция является вполне последовательной, хотя негативные коннотации относительно советского прошлого, присутствующие практически во всех публичных выступлениях Патриарха, свидетельствуют не столько о реальных угрозах, сколько об отождествлении Патриархом границ РМ и РПЦ. Политический кризис, а затем и военный конфликт в Украине внес свои коррективы в оценку и расстановку угроз, и в 2015 г. Патриарх заявил о том, что «самой, может быть, страшной угрозой всему Русскому миру являются крайний национализм и неприятие представителя иной национальности, иной культуры» [540].

В роли «врага» выступают «противники, которые пытаются в России видеть врага», «эти люди из иного лагеря», «властные политические и экономические центры», а также «те, кто...», считающие, что славяне «не имеют права на свой духовный и культурный мир» [537]. Максимально обезличенный образ врага приобретает некоторые конкретные черты лишь в единствен-

ном случае: «наши противники, в том числе националистические настроенные силы на Украине» [537].

Для того, чтобы «не быть поглощенным различными властными политическими и экономическими центрами» «люди, несогласные быть переплавленными с другими...» борются против «этой страшной перспективы раствориться в одном общем пространстве» [453; 515]. Гипотетическая возможность принять страдания, муки и смерть придает РМ уже сакральный смысл: «Одно это понятие – Русский мир – выводит из себя наших противников, в том числе и те националистически настроенные силы на Украине, которые пытаются в России видеть врага, а в Русском мире – страшную политическую доктрину, направленную на ограничение суверенитета Украины, на порабощение Украины Россией. И уж как достается всем, кто смеет употребить одно только словосочетание Русский мир!» [537].

Принимая во внимание характер перечисленных угроз, глава РПЦ, отдавая явный приоритет цивилизационному измерению РМ, несколько раз допускает оговорки, свидетельствующие и о его желаемом политическом воплощении. В частности, в тексте одного и того же документа Патриарх Кирилл заявляет, что, с одной стороны, РМ «не является инструментом политического влияния Российской Федерации». С другой стороны, РМ «может стать сильным субъектом глобальной международной политики» и «значимым игроком на мировой арене» – ведь цивилизационная традиция неизбежно «существует в условиях различной политической и общественной самоорганизации» [134; 136].

Цель нового, именно политического измерения РМ осознанна: «В глобальном мире невозможно игнорировать международные структуры, а потому Русский мир должен активно присутствовать на международных площадках» [453]. Следует обратить внимание, что, в отличие от представлений о самом концепте РМ, в РПЦ присутствует четкое представление о наиболее значимых акторах политических процессов и приоритетных формах межгосударственных образований. Ключевая роль в политических процессах отводится уже не народам, а «элитам и межэлитным отношениям», а также крупным международным политическим игрокам: «организациям системы

ООН, ОБСЕ, Совета Европы, Европейского союза» [453]. Оптимальной же формой РМ в условиях глобализации и децентрализации «может оказаться теснейшее интеграционное сотрудничество равноправных суверенных государств» – например, в форме «наднационального проекта». РПЦ и русское православие в предложенном раскладе уже становятся геополитическими факторами [620].

Таким образом, РМ как интеграционный проект РПЦ характеризуется следующими особенностями:

1) Отсутствием упоминания особой роли России в процессах возникновения и развития РМ. «Ядром» РМ выступает «Святая Русь», в состав которых включаются Беларусь, Россия и Украина, являющиеся «единым организмом» – цивилизационным пространством, единство которого определяется по факту Крещения Руси. Территории указанных государств находится в юрисдикции РПЦ, поэтому связи между самоуправляемыми церквями (Украиной) и экзархатами (Беларусь) являются, в зависимости от уровня управления и решаемых задач, одновременно и внутрицерковными, и внешнеполитическими. Применительно к РМ отношения «центр-периферия» подразумевают лишь формальный территориальный разброс, но не распространяются на характер связей, управления и взаимодействия стран-участниц РМ.

Потенциальные территориальные границы РМ не ограничены в пространстве, поскольку, во-первых, они распространяются на всех лиц православного вероисповедания независимо от места их пребывания или гражданской принадлежности. Во-вторых, к РМ может быть отнесена любая страна, в которой используется русский язык и развивается русская культура.

2) Разграничением понятий РМ и России (Российской Федерации), являющейся лишь одной из составляющих «Святой Руси» и равноправным субъектом РМ. Подобное разграничение обусловлено тем, что источником РМ являются не государственные или иные политические образования, а православная вера и РПЦ, которая, согласно «Основам социальной концепции РПЦ» «по самой своей природе имеет вселенский и, следовательно, наднациональный характер» [410]. Вселенский характер православия, а также вторичность русского языка и культуры по

отношению к православию с большим основанием позволяет говорить о конструировании РПЦ не «русского», а «православного» мира.

3) Сочетанием культурного плюрализма и религиозного монополизма, цивилизационного измерения и политической формы воплощения РМ, что в содержательно-категориальном плане дает основание отнести рассматриваемую конструкцию РМ к разряду гражданских религий в концепции Р. Беллы [57, с. 175–177]. Гражданская религия предполагает совокупность общих ценностей, символов, праздников и идей, выступающих в качестве консолидирующего фактора, т.е. разделяемых большей частью населения независимо от степени религиозности или конфессиональной принадлежности [58, с. 268; 191, с. 167].

Учитывая стабильно низкий уровень воцерковленности, декларативный характер веры и квазирелигиозное сознание большинства населения бывшего СССР, идентифицирующего себя с православием, целесообразность формирования в массовом сознании подобной формы религиозно-политических верований вполне оправданна. К факторам, актуализирующим процессы институционализации новой гражданской религии, можно также отнести множественность конкурирующих форм идентичностей, существующих в постсоветском обществе, травмированное историческое сознание, вестернизацию и релятивизацию культурных ценностей и др.

4) По форме РМ может быть представлен в виде многофункциональной модели, главной функцией которой является формирование в постсоветском обществе религиозно-политического единomyслия. Указанная модель предусматривает приоритетное использование тех или иных подходов и признаков в зависимости от специфики восприятия конкретной целевой аудитории, выступая одним из инструментов управления политическими процессами в современной России и других странах бывшего СССР [14].

Продвижение идей РМ через систему неполитических институтов (РПЦ, образование и др.) требует рассмотрения концепта РМ с позиций «мягкой силы».

2.3. «Русский мир» как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации

В основу концепции «мягкой силы» легли положения культурно-идеологической гегемонии А. Грамши и У. Фулбрайта, стратегии непрямых действий Л. Гарта и некоторых других концепций, хотя к необходимости разработки ненасильственных методов обеспечения политических решений отсылают труды еще Н. Макиавелли и французских энциклопедистов. Само понятие «мягкой силы» («softpower»), введенное в оборот представителем американской школы неолиберализма Дж. Наемом в 1990 г., подразумевает «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат» [369]. «Мягкая сила» – это также «способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» [369]. Указанная способность обуславливается наличием в стране нематериальных ресурсов, к которым Дж. Наем относил внешнюю политику, политические ценности и культуру.

Следует заметить, что в российской научной литературе присутствует точка зрения, согласно которой «мягкие» формы воздействия на общество и коллективное сознание через стимулирование, убеждение и другие ненасильственные методы являются, тем не менее, одной из форм политического насилия. Само же политическое насилие как «способ институционализации общественного отношения» осуществляется в том числе через установление сетевых, нормативных и иных характеристик [296, с. 15–16]. Так, помимо «мягкой силы», для характеристики ненасильственных методов используется типология политического насилия, понятия «политического влияния», «политического воздействия», «политического принуждения», действующие через культурные, правовые и др. нормы [86, с. 58; 364, с. 265; 470, с. 9]. В данном случае, однако, вопрос касается скорее обоснования и выбора терминологии, чем суще-

ственной разницы в содержательных характеристиках рассматриваемого явления.

Основной же сложностью, связанной с возможностями применения и оценки эффективности воздействия «мягкой силы», пока остается проблема ее операционализации и измерительного инструментария. В частности, российскими учеными предложена сравнительная характеристика нескольких международных рейтингов – систем измерений и компонентов индекса «мягкой силы» («softPowerIndex»): индекс «мягкой силы» в Азии 2008 (Чикагский совет); глобальный индекс «мягкой силы» Д. Мак-Клори 2010–2012 (Jonathan McClory. The New Persuaders III A 2012 Global Ranking of Soft Power); индекс «мягкой силы» быстрорастущих экономик 2012 (компания «Эрнст&Янг») [435, с. 109–110]. Среди наиболее распространенных систем оценки выделяются также концепции странового брэндинга (The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index – NBI) С. Анхольда и Й. Фаня, индекс бренда страны (Country Brand Index – CBI) международной консалтинговой компании «Future Brand», рейтинговая система агентства Bloom Consulting, Глобальный индекс 200 стран компании Восток – Запад 2011 (EastWestGlobalIndex 200) и др.

В то же время основные параметры каждой из предложенных систем оценки являются в значительной степени субъективными. Субъективность обуславливается тем, что, если экономические показатели могут быть верифицированы и отражены в объективных показателях (объем инвестиций, уровень ВВП и т.п.), то такие показатели, как человеческий капитал, имидж, культура вторичны и носят либо условный, либо конвенциональный (договорной) характер [471, с. 223]. Поэтому на сегодняшний день вопрос о возможности выявления степени воздействия страны-объекта к стране-субъекту (региону) воздействия как в теоретическом, так и в практическом плане, пока остается нерешенным [274, с. 75–76; 469, с. 122; 604, с. 50].

Сложность оценки и определения параметров обуславливают достаточную «размытость» в современной научной литературе смысловой структуры понятия «мягкой силы», которая рассматривается преимущественно в трех аспектах:

- геополитическом (региональном), как традиционной «зоны влияния», «канонической территории» и т.п.;

- социокультурном, как воплощения в обществе (цивилизации, культурно-историческом типе и т.п.) определенных политических и социокультурных ценностей, выступающих средством реализации внешнеполитических интересов;
- инструментальном (функциональном), как набором технологий и методов управления взаимодействием политических акторов через неполитические сферы и институты (культура, образование, наука и т.п.) [95, с. 268; 428, с. 14–16].

Большинство определений, которыми оперируют исследователи постсоветского пространства, сводятся к инструменталистскому подходу. «Мягкая сила» понимается как «комплексный инструментальный решение внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [267]. Широкий ряд подобных определений составляют «инструмент глобальной конкуренции» [61, с. 107], «несиловые методы воздействия» [402, с. 4], «инструмент управления репутацией страны» [117, с. 25], «внешнеполитический ресурс и специфический инструмент латентного управления международными процессами» [309, с. 28], «инструмент обеспечения национальной безопасности» [682, с. 200], «альтернативный ресурс влияния» [101, с. 26], «коммуникативная технология» [148, с. 319], «фактор воздействия» [360, с. 136], «потенциал воздействия» [428, с. 14] и т.п.

Учитывая заявленную направленность и смысловые границы содержания «мягкой силы» как «комплексного инструментария», применительно к РМ обоснованно говорить о его функциональном значении. РМ может быть рассмотрен в качестве «мягкой силы» как одного из основных методов обеспечения интеграционных процессов, характеризующихся приоритетом не внешнего, а внутреннего характера управления, т.е. действием «изнутри» – в качестве побуждения, репрезентационной силы [428, с. 17]. Специфика управления состоит в том, что идея РМ ориентирована не на деятельность конкретных политических акторов, а выступает объединяющей для отдельных индивидов и социальных групп, т.е. целевой аудитории [3, с. 19]. Поэтому в качестве наиболее эффективного инструмента обеспечения

внешнеполитических и экономических интересов России и формирования ее позитивного образа в мире формально обозначена культура [148, с. 319]. В то же время сфера применения РМ как «мягкой силы» в российской политике существенно шире и распространяется на основные крупнейшие международные интеграционные проекты Российской Федерации как культурной, так и в социально-экономической направленности. Это потребовало закрепления понятия «мягкой силы» на официальном уровне. В 2007 г. в «Обзоре внешней политики Российской Федерации» данное понятие было сформулировано как «способность воздействовать на поведение других государств с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательности своей страны, так называемой сетевой системы общественной дипломатии» [392].

В 2012 г. Президент Российской Федерации В. Путин определил «мягкую силу» как «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере» [549]. Юридическое закрепление рассматриваемое понятие получило в Концепции внешней политики Российской Федерации, согласно которой одной из задач России в области международного гуманитарного сотрудничества и прав человека предусмотрено «совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику и опирающиеся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами, продолжить формирование нормативной базы в указанной сфере» [267].

На практике функционирование российской модели «мягкой силы» носит патерналистский характер и охватывает постсоветское пространство, а также страны, потенциально включенные в границы РМ. Предпосылками приоритетного развития интеграционных процессов, в первую очередь, со странами ближнего зарубежья являются, во-первых, общая история, обусловленная пребыванием в составе одного государственного образования («исторической Родины»). Во-вторых, единое социокультурное пространство, общие традиции

и ценности большинства стран бывшего СССР, с одной стороны, и тенденция системного вытеснения в ряде постсоветских стран российского культурного влияния, конструирования новых и замещения существующих моделей исторического прошлого – с другой. В-третьих, геополитическое доминирование России, а также ее ключевая роль в сфере экономики и рынка энергоресурсов. В-четвертых, военные угрозы независимости и территориальной целостности постсоветских стран, связанные с развалом блока государств Варшавского Договора и вступлением большинства из них, в том числе ряда бывших советских республик, в Североатлантический Альянс – НАТО.

В этой связи стратегическими целями РМ в качестве «мягкой силы» соответственно выступают формирование новой идентичности (культурная, гуманитарная составляющая); расширение внешнеэкономических, торговых, финансовых и иных связей, активизирующих развитие интеграционных процессов (экономический базис). Соответственно основными направлениями действия российской «мягкой силы» становятся:

1) проекты, связанные с организацией и координацией взаимодействия с диаспорой («соотечественниками за рубежом»);

2) проекты в области гуманитарного сотрудничества и образования, направленные, в первую очередь, на развитие и популяризацию русского языка за пределами России;

3) проекты, связанные с развитием международных финансовых, социально-экономических, торговых и др. связей и институтов.

Первые два направления связаны с функционированием Федерального агентства Российской Федерации по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее – Россотрудничество). В число основных целей деятельности Россотрудничества входит продвижение русской культуры в мире, поддержка соотечественников за рубежом, укрепление позиций русского языка. К наиболее значимым и крупным программам и институтам, курируемых данным субъектом управления, следует отнести:

- Программу работы с соотечественниками, проживающими за рубежом на 2015–2017 гг., предусматривающую со-

действие консолидации общественных объединений соотечественников, проживающих за рубежом, их информационное обеспечение, поддержку молодых и социально незащищённых слоев соотечественников и др. [458].

- Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Целью указанной программы является «стимулирование и организация добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию» [157]. Анализ цели, задач и механизмов реализации программы дает, однако, основание сделать вывод, что ее основной направленностью в большей степени является повышение количественных демографических показателей, главным образом, за счет притока мигрантов из числа русскоязычного населения, а не налаживания междиаспоральных связей или развитие интеграционных процессов.

- Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Фонд). Основной целью Фонда «является оказание российской соотечественникам всесторонней правовой и иной необходимой поддержки в случаях нарушения их прав, свобод и законных интересов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в области прав человека». В то же время, согласно п. 2.1 ч. 2 Устава цель Фонда сформулирована как «формирование имущества в целях оказания соотечественникам, проживающим за рубежом, всесторонней поддержки в случаях нарушения их прав, свобод и законных интересов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в области прав человека» [588] (*курсив А.С.*). Значительное расхождение формулировки цели, содержащейся в Уставе и на официальном сайте организации, фиксирует смену сферы интересов Фонда, так как оказание помощи соотечественникам выступает в данном случае вторичной задачей.

- Правительственную комиссию по делам соотечественников за рубежом, осуществляющую, главным образом, координационные, информационные и контрольные функции по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. В соответствии с федеральным законодательством, Комиссия наделена значительными полномочиями по организации деятельности как на федеральном, так и международном уровне в части взаимодействия с правительственными органами зарубежных государств и международными организациями по вопросам выработки двусторонних и многосторонних соглашений о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом [443].

- Федеральные целевые программы «Русский язык», представляющие собой комплекс мероприятий, направленных на закрепление статуса русского языка как языка межнационального общения, расширение географии его применения в контексте защиты национальных интересов Российской Федерации. Следует обратить внимание, что отличительной чертой Концепции федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг. по сравнению с программой на 2011–2015 гг., является ее целеориентированность в качестве «активной наступательной стратегии» [272, с. 2, 7]. Существенно разнятся заявленные цели и задачи программ. Функциональное значение русского языка дифференцируется не только по коммуникативной и социокультурной, но также по инструментально-прикладной функции – формированию гражданской самоидентичности, способствующей реализации обеспечения интеграционных политических процессов. Интерес представляет методологический характер документа, составленного по принципу выстраивания иерархии угроз и рисков, связанных с возможной нереализацией или неполной реализацией программы либо ее неэффективным управлением [384, с. 138; 672, с. 161].

Кроме этого, в программах впервые был определен ряд целевых индикаторов и показателей, позволяющих произвести оценку социально-экономической эффективности их реализации, т.е. фактически провести операционализацию основных элементов и оснований РМ. К таким целевым индикаторам, в частности, отнесены «количество государств-участников СНГ,

в которых более 20% населения владеет русским языком», «доля соотечественников, проживающих за рубежом и сохраняющих языковые и этнокультурные связи с Россией, в общей численности соотечественников, проживающих за рубежом», «количество зарубежных стран, в которых более 1% населения владеет русским языком» и т.п. [593, с. 2–3]. Показателями социального эффекта реализации программы обозначены обеспеченность населения лингвокультурологической информацией в сфере русского языка и литературы, доступность использования дистанционных технологий в обучении русскому языку и литературе по СНГ, количество русских школ за рубежом и т.д. [593, с. 21–22; 594, с. 4–5]. Регламентация размеров и порядка финансирования данных программ позволяет говорить об этапе институционализации основных элементов РМ.

В целом деятельность Россотрудничества по реализации ряда целевых программ в области взаимодействия с соотечественниками за рубежом, популяризации и развития русского языка заключается, главным образом, в координации культурных, образовательных и научных мероприятий, а также обеспечении информационно-методической и материальной поддержки соответствующих центров и организаций, т.е. институциональном развитии РМ [458]. В то же время следует отметить рассогласование целевых функций отдельных программ и институтов, ориентированных, в некоторых случаях, на решение узкопрактических, утилитарных тактических задач, не всегда в полной мере соответствующих стратегической цели «собирания РМ».

Основным институтом, комплексно реализующим концепцию РМ на постсоветском пространстве, в настоящее время выступает Фонд «Русский мир», созданный Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным в 2007 г. Фонд является некоммерческой организацией, целями которого, согласно ч. 2.1 гл. 2 Устава организации, заявлены «популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом» [587]. Реализация указанных целей осуществляется через систему международных образовательных программ

и грантов, а также сеть «русских центров», создаваемых, как правило, в структуре крупных национальных образовательных учреждений. В настоящее время в 46 странах мира открыто 106 «русских центров» [415, с. 5], включая Республику Беларусь, где данное подразделение функционирует на базе Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Фонд ежегодно проводит Ассамблеи Русского мира, публикуя ежегодные отчеты, содержащие информацию об основных направлениях и формах его деятельности. Анализ отчетов Фонда с 2009 по 2015 гг. позволяет сделать ряд выводов. Несмотря на заявленную социокультурную направленность, деятельность Фонда в большей степени ориентирована на формирование и продвижение имиджевой (брендовой) составляющей РМ, в первую очередь, на международной арене. Контент ежегодных отчетов Фонда ориентирован на массовую аудиторию, в последние годы характеризуюсь высокой степенью экспрессивности и политизированности риторики противопоставления Западу [416, с. 3].

Приоритетом грантовой политики Фонда заявлена поддержка русского языка и культуры. В то же время около трети всех выделенных грантов приходится на проведение тематических фестивалей, праздников, выставок, и т.п. мероприятий, т.е. не столько на научно-образовательную, сколько культурно-развлекательную и имиджевую деятельность. Фонд ориентирован на развитие международных связей, в том числе по линии Национального комитета по исследованию стран БРИКС и учреждённого в составе Фонда в 2014 г. Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов [415, с. 5]. Лидирующее положение по количеству выдачи и реализации грантов занимает Европа и во вторую очередь – СНГ и Россия [414, с. 37; 416, с. 18], что не соответствует региональным приоритетам Российской Федерации, закрепленным, в частности, в п. 9 гл. III Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию [268]. В числе целевых установок деятельности Фонда – комплексная поддержка и сопровождение сети информационных проектов (журнала, интернет-портала, теле- и радиоканалов).

Сама идея создания специальных транснациональных институтов, организаций и др. структур, продвигающих не только

интересы культуры и языка, но военные и финансово-экономические, не нова, если обратиться к процессам регионализации, развития транснационального и трансконтинентального сотрудничества. В качестве примера можно привести Иberoамериканское сообщество наций (ИСН), призванное развивать как социально-экономическое, так и культурное сотрудничество стран Латинской Америки; Карибское сообщество, представляющего собой экономический союз стран Центральной и северо-востока Южной Америки; Международные организации Франкофонии; Содружество португалоязычных стран (СПС); Союз южноамериканских наций (УНАСУР), объединившего государства-члены Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) и Андского сообщества.

Существенно различаясь по своему статусу, структуре взаимодействия и целевой направленности (распространение языка и культурных ценностей, развитие торгово-экономических связей, политическое сотрудничество) указанные организации представляют собой транснациональные образования, в основе которых заложена идея совместной выработки и отстаивания общего интереса стран-партнеров. Еще одной их общей чертой является акцентирование роли транснациональных диаспор, опирающихся в своей деятельности на языковую традицию, историческую память и т.п.

К наиболее значимым политическим и экономическим инструментам «мягкой силы» на постсоветском пространстве относятся Евразийский экономический союз (ЕАЭС), государствами-членами которого являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация; Таможенный союз (ТС), предусматривающий единую таможенную территорию между указанными государствами; Единое экономическое пространство (ЕЭП), объединяющее Республику Беларусь, Республику Казахстан и Российскую Федерацию; Союзное государство Беларуси и России. Создание и функционирование указанных образований, получивших официальный институциональный статус, позволяет говорить о реализации этапов признания международной правосубъектности и создания надгосударственных органов [297, с. 18].

Таким образом, в качестве основной функции «мягкой силы» большинством авторов определяется российское культурное влияние за рубежом через систему неполитических институтов (научно-образовательных, культурных, религиозных, рекреационных и т.п.). Реализация данной функции осуществляется посредством адресного информационного воздействия, формирующего стимул-побуждение к социально значимой деятельности и потенциальной политической активности тех или иных слоев или групп (целевой аудитории) [168, с. 75; 308, с. 81; 355, с. 77].

В сфере политического влияния «мягкая сила» представляет собой, с одной стороны, аналог, с другой, – альтернативу вестернизации как одной из угроз РМ. Аналоговость заключается в выборе инструментов и методов ее применения: формирование культурных ценностей и воздействие на массовое сознание, главным образом, через систему массовых коммуникаций (интернет, социальные сети, кинематограф и т.п.). Альтернативность состоит в создании возможности выбора, так и конкуренции в одном политическом пространстве различных культурных и аксиологических систем. Обращение к устойчивым коллективным ценностно-образным представлениям (архетипу) является одним из наиболее эффективных элементов управления массовым сознанием [148, с. 316; 490, с. 188–190; 630, с. 50–51]. В условиях глобального информационного противоборства доминирующей функцией РМ как «мягкой силы» на постсоветском пространстве становится обеспечение если не цивилизационного единства, то политической лояльности и легитимации интеграционных процессов [71, с. 37; 297, с. 10; 567, с. 83].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2:

1. Генезис концепта РМ в контексте формирования и развития «русской идеи» характеризуется, с одной стороны, внутренней неоднородностью и противоречивостью, с другой – наличием ряда устойчивых идеологем. К положениям, на разных этапах развития «русской идеи» характеризующимся противоречивыми позициями, относятся:

а) определение источника российской государственности: религиозного (Византийская империя и наследие Константино-

поля, Крещение Руси) и политического (Монгольская империя и наследие Чингисхана);

б) характер взаимодействия между субъектами РМ в части наличия или отсутствия статусной и ролевой иерархичности в структуре взаимоотношений «центр-периферия»;

в) определение приоритета внешнеполитического развития России: славянский, западноевропейский, евразийский.

К устойчивым идеологемам, составляющим «русскую идею» и оказавшимся востребованными современной российской идеологией, относятся: сакральность истоков российской государственности и обусловленные сакральностью ее происхождения вселенский характер РМ, мессианство, «особый путь», противопоставление России Европе. Именно перечисленные идеологемы, укорененные в российском коллективном самосознании, легли в основу религиозного проекта РМ, функция институционализации которого осуществляется РПЦ.

2. Основными особенностями РМ как проекта РПЦ выступают:

а) отсутствие упоминания особой роли России в процессах возникновения и развития РМ и российской цивилизации, а также разграничение понятий РМ и России (Российской Федерации), являющейся лишь одной из составляющих «Святой Руси» (Беларуси, России и Украины) и равноправным субъектом РМ;

б) вселенский характер РМ, предполагающий вторичность русского языка и культуры по отношению к православию, что с большим основанием позволяет говорить о конструировании РПЦ не «русского», а «православного» мира;

в) сочетание культурного плюрализма и религиозного монополизма, цивилизационного измерения и ожидаемой политической формы воплощения РМ;

г) противопоставлением «Запад – Восток» в форме культивирования оппозиции «свой – чужой» («друг – враг»), при котором как самому РМ, так и борьбе против «врага» придается сакральный символический смысл.

3. РМ в конструкции РПЦ представляет собой многофункциональную модель, предусматривающую вариативность признаков РМ в зависимости от: а) целей воздействия и б) специ-

фики восприятия конкретной целевой аудитории (социальной группы, общности и т.п.). Реализация функционального потенциала концепта РМ в первую очередь через неполитические институты (религиозные, научные, образовательные, культурные и т.п.), дает основание рассматривать его в качестве одного из перспективных интеграционных инструментов «мягкой силы» в международных политических процессах.

4. Основными целевыми функциями РМ как одного из ресурсов «мягкой силы» являются:

а) формирование новой идентичности, прежде всего, в странах бывшего СССР, во-первых, для поддержания статуса русского языка и российского культурного влияния, и, во-вторых, легитимации политических решений, направленных на реинтеграцию стран постсоветского пространства (культурная, гуманитарная составляющая);

б) усиление внешнеэкономических, торговых, финансовых и иных межсубъектных связей, направленных на максимальное развитие интеграционных процессов (экономический базис).

Основными институтами РМ как инструмента «мягкой силы» выступают РПЦ; Россотрудничество; Фонд «Русский мир». Деятельность указанных институтов развивается по трем основным направлениям: взаимодействие с диаспорой, поддержка русского языка, формирование позитивного имиджа России и осуществляется через:

- Программу работы с соотечественниками, проживающими за рубежом;
- Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;
- Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- Федеральные целевые программы «Русский язык»;
- систему грантовой поддержки, координируемой Фондом «Русский мир» для развития и распространения русского языка и культуры в России и за ее пределами.

3 «РУССКИЙ МИР» КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Включение концепта РМ в систему инструментов «мягкой силы» позволяет говорить о попытке оформления начального этапа его институционализации. В то же время в странах «славянского треугольника», представляющих собой «ядро» РМ, – Беларуси, России и Украине – данный процесс характеризуется неоднозначностью и разнонаправленностью оценок, значительной политизацией концепта РМ. Учитывая геополитический контекст, связанный с конфликтом в Украине, это дает основание выделить особенности восприятия концепта РМ в белорусском и украинском обществах в качестве отдельного сегмента исследования.

В этой связи дальнейшим направлением исследования целесообразным представляется системный анализ:

во-первых, политической аналитики по рассматриваемой проблематике Национального института стратегических исследований Украины, во многом задающей вектор украинского научного и общественно-политического дискурса;

во-вторых, репрезентации концепта РМ в украинских научных источниках: определение его основных функций, ключевых признаков, оснований и связанных с ними ожиданий украинского общества;

в-третьих, места РМ в структуре идеологии белорусского государства, особенностей его восприятия в белорусском обществе на примере целевой аудитории, а также степени влияния на интеграционные процессы с участием Республики Беларусь.

3.1. Критическое осмысление концепта «Русский мир»

в украинских научных исследованиях

Как показал проведенный анализ, общим во всех трех (культурно-цивилизационном, религиозном, геополитическом) подходах к РМ является его цивилизационное наполнение, характеризующееся понятием «общности». Главенствующая роль отводится русскому языку и культуре, которые выступают в том числе инструментами продвижения геополитических интересов России. Однако, при заявленном цивилизационном наполнении именно политическая форма воплощения определяет перспективную стратегию, возможные сценарии и конкретные методы реализации РМ. Поэтому такие положения РМ, как русскоцентризм, его транснациональный надгосударственный характер и обязательный выход за пределы территориальных границ Российской Федерации вызывают неоднозначное отношение со стороны других стран, априори включенных российскими исследователями, представителями политической власти и РПЦ, в границы РМ. В качестве еще одной общей черты существующих на сегодняшний день подходов следует отметить, что в российской научной литературе в принципе не рассматривается возможность существования у стран постсоветского пространства иных, отличных от интересов России и РМ, стратегических интересов, целей и задач национального развития.

В этой связи особый интерес представляют работы по рассматриваемой проблематике украинских ученых. В украиноязычном сегменте научной литературы применительно к РМ используется несколько определений: русскоязычное, приводимое в качестве цитаты: «русский мир», а также «російський світ», «руський мір», «рузьский мир», «руський світ». Часть из

приведенных определений характеризуется относительной нейтральностью, находя своё применение, как правило, в конфессиональной риторике и политической аналитике. Часть определений подразумевает преимущественно негативное отношение, вплоть до резко экспрессивных форм выражения («античеловеческая идеология», «фашистская теория», «восточная чума», «нацистская пропаганда» и т.п.) [138, с. 3–4; 230, с. 77]. Интерес украинского научного сообщества к концепту РМ связан с политическим кризисом, потерей Крыма и началом военного конфликта в Украине. Ранее данная тематика практически не затрагивалась ни в политологическом, ни в историческом ракурсе, а отношение к РМ со стороны украинских исследователей до 2014 г. в целом можно назвать относительно нейтральным, индифферентным.

Главной особенностью украинского подхода к концепту РМ является его критическое осмысление, последовательное акцентирование внимания на исключительно политической направленности, насильственном характере РМ и, как правило, игнорирование либо нивелирование его социокультурной составляющей. Обобщая весь массив публикаций по данной теме, в критике РМ можно выделить несколько направлений [647, с. 103].

Во-первых, направление, связанное с изучением отбора и использования российскими авторами исторических источников при раскрытии и анализе генезиса РМ. Неоднозначность оценки, как правило, относится к выбору исторических концепций происхождения Древнерусского государства («Киевской Руси»). Критике подвергаются российские и советские подходы к этногенезу восточных славян.

В частности, это относится к концепции «древнерусской народности», «общерусского народа», «единой русской народности», согласно которой белорусский и украинский этносы возникли после монгольского нашествия в результате постепенного распада древнерусской народности. Данная концепция рассматривается как продукт имперских амбиций со стороны России, отказывающей Украине в праве на самостоятельное развитие, разработку и обоснование иных концепций исторического прошлого. В этой связи обращается внимание на такие периоды развития украинской государственности, как вхожде-

ние Киевских, Черниговских, Волынских и Галицких земель в состав Великого княжества Литовского, а позже – Речи Посполитой [446, с. 16–19]. Не оспаривая ценностного измерения и зачастую придаваемого сакрального значения РМ для самой России, это дает основание украинским авторам ставить под сомнение его актуальность и адекватность реалиям современного украинского общества.

Во-вторых, неоднозначная оценка культурно-цивилизационного содержания РМ, обусловленная единоличным выбором Россией конкретной концепции исторического прошлого Беларуси и Украины. Так, отмечается игнорирование «украинских культурных ценностей и формирование пророссийских настроений в обществе способом насаждения мифа об общем “русском мире”, отрицание существования отдельно от россиян украинской нации с собственным языком, культурой и историей» [257, с. 24]. С точки зрения институционального подхода объектом критики становится, в первую очередь, деятельность РПЦ как основного российского неполитического института в Украине, имеющего влияние на широкую аудиторию.

В-третьих, использование концепта РМ в качестве инструмента российской пропаганды на территории Украины. РМ рассматривается как одна из многочисленных технологий информационного противоборства. В данном случае можно говорить о функциональной переориентации украинской стороной концепта РМ, который выступает уже не интеграционным проектом (доктриной, идеологией), а используется в качестве технологии – инструмента противопоставления культур и народов. Кроме перечисленного, к общим чертам большинства работ украинских авторов можно отнести следующие:

а) понимание РМ как российского геополитического проекта, ключевыми признаками которого являются: имперскость («российский империализм» [516, с. 104; 151, с. 26]), травмированное историческое сознание, насильственная (в том числе с использованием военных методов) политика включения субъектов в пространство РМ, агрессивная (в ущерб «второстепенным» и «второсортным» национальным культурам) поддержка русского языка и культуры;

б) основной целью РМ называется воссоздание нового единого централизованного государственного образования (империи) в границах бывшего СССР, т.е., в первую очередь, не социокультурное или религиозное, а политическое влияние России, ее реставрационный, реваншистский характер («постсоветский реванш») [548, с. 15; 112, с. 318; 152, с. 6; 150, с. 14; 153, с. 10–12]. В этой связи обращается внимание на то, что страны, включенные российской стороной в границы РМ («периферия»), являются для России странами-донорами, а не странами-реципиентами [151, с. 27]. Беларусь, Казахстан, Молдова и Украина, по мнению авторов, представляют собой для России не столько цивилизационный потенциал, сколько рассматриваются в качестве ресурса: человеческого (в первую очередь, в научно-технической сфере как возможность притока квалифицированных кадров, а также повышения невысоких демографических показателей), геополитического (как линии противостояния экспансии НАТО); либо торгово-экономического (как рынок сбыта и поставок энергоресурсов);

в) использование концепта РМ как одного из инструментов «мягкой силы» по обеспечению российских политических и экономических интересов (политическое мифотворчество, конструирование новой исторической памяти, поддержание деятельности радикальных субкультур и т.п.) [645; 626; 396, с. 24, 29–30; 104, с. 15–17; 166, с. 183 и др.];

г) в контексте военного конфликта в Украине РМ рассматривается в качестве угрозы суверенитету, независимости и территориальной целостности Украины. Подобное восприятие связано, в том числе, с обращением к РМ в документах, принятых на территориях с сепаратистскими движениями⁷.

⁷ В одной из нескольких существующих на сегодняшний день версий «Конституции ДНР» содержится следующая преамбула:

«Мы, Верховный Совет Донецкой народной республики, ощущая себя неотъемлемой частью Русского Мира как русской цивилизации, общности русских и других народов, мысля нераздельность судьбы всего Русского Мира и желая по-прежнему оставаться ее участниками, оставаясь приверженными идеалам и ценностям Русского Мира и чтя память предков, проливших кровь за эти идеалы и ценности и передавших нам любовь и уважение к общему Отечеству, исповедуя Православную веру (Веру Христианскую Православную»

Отличительной чертой по сравнению с российскими научными источниками является ярко выраженная тенденция персонификации концепта РМ («путинская стратегия», «доктрина Путина», «Путин как апологет РМ» и т.п.) [342, с. 595; 485, с. 156; 138, с. 4], свидетельствующая не столько о структурно-функциональном и институциональном срезе изучения РМ, сколько идеологическом. В то же время, учитывая преимущественно негативную и порой предсказуемо эмоционально-рефлексивную оценку РМ, предполагающую, в том числе, наличие определенного социального заказа, обращает на себя внимание многоаспектность и четко очерченная предметная область его изучения. Это отличает исследования украинских авторов от значительной части аналогичных российских работ, в большей степени характеризующихся традиционным поиском «русской идеи» и русского национального характера, чем анализом его оснований и причинно-следственных связей. Дифференциация научных подходов присутствует относительно генезиса РМ, его институционализации, инструментов и методов реализации.

В частности, как православную идеологию рассматривают РМ В. Гуржи [166; 165], Я. Потапенко [448], О. Саган [505], С. Шкиль [648; 647], М. Черенков [622; 621] и др. [379, с. 152; 151, с. 27]. В большинстве работ внимание акцентируется на ряде ключевых признаков РМ, к которым украинские исследователи относят генетическую связь с «русской идеей», модернизированное «политическое» православие, мессианство,

ную Кафолическую Восточного Исповедания) Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и признавая ее основой основ Русского Мира, а также сознавая историческую ответственность и выражая волю многонационального народа Донецкой Народной Республики, выраженную в решении референдума от 11 мая 2014 года, следуя общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов и провозглашая незыблемость демократических принципов формирования и осуществления власти, подтверждаем государственный суверенитет Донецкой Народной Республики на всей её территории и создание суверенного независимого государства, ориентированного на восстановление единого культурно-цивилизационного пространства Русского Мира, на основе его традиционных религиозных, социальных, культурных и моральных ценностей, с перспективой вхождения в состав Большой России как орола территорий Русского Мира, и принимаем настоящую Конституцию Донецкой Народной Республики»[528].

культивирование образа «чужого» («врага») и др. Отмечается, например, что РМ является «ни чем иным, как плохо замаскированным византийско-московским православием», а именно византийское православие «отлучило нас от Запада и присоединило к московскому Востоку» [625]. Во многих работах отмечается трансформация РМ от социокультурного и философского измерения во властное политическое: «Постепенно “Русский мир” перешел из интеллектуальных кругов к властным кабинетам Кремля и РПЦ, ставшей одним из основных векторов во внешней политике России» [165, с. 35].

Наряду с ключевыми признаками формулируется развернутый перечень угроз и противоречий, присущий рассматриваемому концепту (директивный характер, разночтения версий об источнике и восточнославянских народов, вопросы нового определения этнической принадлежности и др.). В качестве главной угрозы со стороны РМ, наряду с «политичным русинством» [73, с. 48; 173, с. 221; 677, с. 358], представляется фактическое уничтожение национальных суверенитетов стран, включенных в границы РМ, а также его программный (предписывающий) характер: «доктрина “русского мира” претендует на роль не просто гуманитарного продукта – для “подумать” и “выбрать”. Она претендует на документ – “сделать”. То есть это – прямое руководство к действию, многообразие директивных установок, которые следует реализовывать» [505, с. 143].

Фактор угрозы связан с мощным мобилизационным потенциалом и привлекательностью идей РМ для широкой аудитории, поскольку он «не несет в себе политической или социально-экономической ангажированности, а только культурный, религиозный и этический смыслы» [166, с.183]. Продвижение идей РМ препятствует западному вектору развития Украины, поскольку «усиливает “русификацию-советизацию” Украины, разрушает слабо сформированную новую идентичность и таким образом ослабляет электоральную базу партий, ориентированных на либеральную демократию западного образца» [448, с.293].

С. Филиппчук, характеризуя «православно-имперский императив» [598, с. 214], к основным элементам РМ относит цивилизационный, исторический, языковой, культурологический. Однако ключевым, по его мнению, становится открытая поли-

тизация РМ, являющегося инструментом российской внешней политики. С позиций «искусственно созданного Российской Империей социокультурного мифа о единстве трех народов» рассматривает природу РМ и М.В. Шульченко [659, с. 66, 69]. Религиозная основа РМ выходит на первый план в ряде аналитических материалов и публицистических статей, раскрывающих генезис РМ и «русской идеи», прежде всего, в части ее византийско-православной составляющей с учетом модернизированных влияний имперского и советского периодов [227;494; 625].

Присутствуют в украинских источниках расхождения во мнениях относительно религиозного характера войны в Украине как защиты РМ и «Святой Руси»: «Аннексия Крыма была оправдана сакральным значением древнего Херсонеса, а война против Украины – защитой православия... Государство получило религиозное оправдание и священную санкцию РПЦ на беспощадную войну, так что экономическая логика и политическая целесообразность оказались подчиненными религиозному мотиву – вернуть Московскому Патриархату его «каноническую территорию» и построить на ней православную империю “русского мира”» [622, с. 72]. Данный тезис опровергается контент-анализом как российских, так и украинских СМИ, в риторике которых отсутствуют отсылки к значимым религиозным образам и символам.

В качестве инструмента мобилизации и консолидации с обеих сторон противостояния используется ассоциативный ряд Великой Отечественной войны, формируя контент масс-медиа исключительно через призму «смысловой войны» [232, с. 6]. Это достигается посредством использования соответствующей эмоционально окрашенной, глубинной для сознания постсоветского общества терминологии, действующей, в первую очередь, на эмоционально-подсознательное восприятие («неонацисты», «каратели», «оккупанты», и т.п.) [257; 305; 419 и др.]. Кроме этого, образ «врага» в российских средствах массовой информации многократно усиливается за счет введения в «украинский» новостной блок американской тематики. Учитывая резко негативный образ и восприятие США на пророссийской части постсоветского пространства, итогом является не «сдвоенный», а «строенный» образ «врага» (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1. Ассоциативный образ «врага» в украинском конфликте в версии российских СМИ

		ОБРАЗ «ВРАГА»		
Инструменты воздействия	УКРАИНА («Малороссия», «Новороссия»)	«НАЦИСТЫ» («каратели», «фашисты», «оккупанты» и т.п.)	США, НАТО	
	отсылка к травмированному историческому сознанию	отсылка к генетической памяти Великой Отечественной войны	отсылка к врагу внешнему	

Сказанное дает основание сделать вывод, что концепт РМ не играет значимой роли в эскалации военного конфликта в Украине и в большей степени служит вторичным инструментом – противопоставления – России Украине. РМ представляется одной из составляющих технологий «гибридной войны» или «управляемого хаоса», выдвигая на первый план не консолидирующую, а дезинтегрирующую функцию.

В историческом ракурсе прослеживают формирование понятия РМ как общности народов В. Северинюк [517], Т.П. Лаврук [302], И.П. Куций [299; 298], М. Шульга [658]. Работы, затрагивающие исторический аспект РМ, сводятся, главным образом, к идее необходимости самоопределения и выбора Украиной дальнейшего цивилизационного пути и соответственно системы координат геополитического маятника развития: «Восток–Запад» («Россия–Европа») [424, с. 142]. Отмечается, что РМ, «русская идея» и т.п. российские идеологические конструкты фиксируют взаимозависимость культурно-исторических характеристик России с направлениями ее геополитического развития, в значительной степени обуславливая динамику исторических концепций развития российского государства [658, с. 141–144]. В этой связи в украинской научной литературе получает распространение представление о РМ в качестве нарратива. РМ как нарратив, в отличие от концепции, теории и т.п., представляет собой не столько изучение, сколько интерпретацию и, как правило, эмоционально окрашенную оценку тех или иных исторических событий, соответствующую политическим ожиданиям общества [647, с. 103].

Отдельным аспектом украинского взгляда на РМ является характеристика взаимоотношений и риторики двух православных церквей: УПЦ Московского патриархата и УПЦ Киевского патриархата, отличающихся резко негативными и политизированными оценками [146]. В частности, Патриарх Киевский и всея Руси-Украины Филарет обозначил цель РМ как «створення нової імперії, чи то російської, чи то слов'янської» [96]. Создание империи, в свою очередь, является лишь инструментом территориальных претензий России: «Під «Русским миром» приховані нова російська імперія, російська влада й російська імперська Церква. Патріарх Кіріл придумав «Русский мир», щоб спочатку відбулося духовне об'єднання вколо Москви, потім – політичне, й зрештою – територіальне» [430]. Основным деструктивным фактором, однако, называется не разногласия по поводу центра политической власти и управления (Москвы), а угроза языкового монополизма: «Всі вони тако ж повинні заговори титільки російською мовою, а не своєю. Тобто ви самі можете переконатися, що в ідеї “русского мира” вже наперед закладено насилля» [96; 345].

В данном контексте следует учитывать сложную конфессиональную структуру украинского общества, а также жесткую конкуренцию, главным образом, имущественного характера. В качестве примера можно привести достаточно конфликтное сосуществование в едином конфессиональном пространстве сразу трех официальных украинских православных церквей (УПЦ): УПЦ Киевского патриархата, УПЦ Московского патриархата и УАПЦ (автокефальная церковь), из которых лишь УПЦ МП является последовательным проводником идей РМ. Остальные церкви и конфессии с РМ себя не позиционируют.

Так, глава Украинской греко-католической церкви Святослав заявлял, что «Если “русский мир” означает определенные культурные, церковные связи между Россией и российской диаспорой, то, считаю, это вполне нормально... Когда этот “русский мир” перестает быть только «російським світом» и проектируется как определенное цивилизационное пространство, где украинцы должны быть обязательной, неотъемлемой его составляющей, то здесь уже возникает много вопросов» [145]. Вопросы относятся, главным образом, к корректности озву-

чивания подобных идей российскими лидерами за границами самой России: «никогда итальянцам (римлянам) не придет в голову строить сегодня “римский мир” и убеждать французов или испанцев, что, поскольку они являются бывшими латинянами, поэтому должны принадлежать к «римскому миру». Скажи бы, что это некий анахронизм. Представьте себе, что какой-то уважаемый человек из Рима приехал в Португалию или Францию такое пропагандировать, то его бы просто высмеяли и больше бы не воспринимали серьезно» [145]. Соответственно поддержка и даже просто предметный диалог политической власти с той или иной православной церковью предполагает не столько конфессиональные и социокультурные, сколько ее геополитические ориентиры и интересы [11].

Помимо религиозно-исторического аспекта, в ряде работ затрагивается вопрос российского информационного влияния [417; 491, с. 148; 666]. Данный ракурс представляет интерес с точки зрения анализа последовательности и эффективности применения тех или иных идеологем в условиях современного информационного противоборства, характеризующегося высокой динамикой, разграничением информационного пространства по сегментам воздействия, адресной работой с целевой аудиторией. Так, во внешнеполитической сфере РМ может быть рассмотрен в качестве инструмента переориентации украинского общества с вектора евроинтеграции на принудительное участие в ТС и ЕврАзЕС. Отдельно выделяется аспект управления миграционными потоками. Привлечение на российский трудовой рынок квалифицированных украинских специалистов через образовательные проекты и программы Россотрудничества идет вразрез с национальными интересами и осложняет процессы внутреннего государственного строительства («утечка мозгов») [328, с. 138].

Во внутривнутриполитической и социокультурной сферах те или иные элементы РМ раскрываются в качестве инструмента формирования образа «внутреннего врага», переосмысления исторического прошлого, поддержки пророссийски настроенного населения, утраты «информационного суверенитета» [256, с. 147; 257, с. 24; 623, с. 55]. Российскому языковому и культурному влиянию и РМ дается жесткая оценка как «повторной

колонизации», под которой понимается форма внешней экспансии в виде гибридной идентичности («российско-имперско-советской»). Под гибридной идентичностью, в свою очередь, подразумевается «колонизированный другой» – осознание русскоязычным населением постсоветских стран своего статуса не как гражданина своей страны, а как «соотечественников за рубежом» (деформированная гражданская идентичность) [30, с. 122–123]. В частности, отмечается, что «российские (а также те, которые также относятся к “Русскому миру” – украинские и белорусские) диаспоры должны стать геэкономическими субъектами, тесно связанными с новой Российской империей» [151, с. 27].

Влияние различных идеологических доктрин, действующих на территории Украины, в том числе доктрины РМ, на социально значимое поведение последовательно раскрывается в работах Е.О. Васильчука [105; 106, с. 98; 107, с. 53–55]. Акцентируя внимание на инструменталистской функции подобного рода идеологий и субкультур, Е.О. Васильчук отмечает, что в случае применения их в качестве инструмента противопоставления и манипулятивного воздействия на целевую аудиторию (в первую очередь, молодежные группы), они приобретают деструктивный характер, представляя угрозу национальной безопасности страны [104, с. 15–17; 107, с. 96]. Отличительной чертой данной позиции от работ других украинских авторов является то, что в ней отсутствует противопоставление и отсылки к внешним угрозам, а обосновывается мысль о необходимости собственного информационного, политического и социокультурного развития как максимально эффективного метода противодействия деструктивным влияниям и тенденциям.

Национальному институту стратегических исследований Украины принадлежит первенство комплексного анализа РМ как с позиций теоретической разработки, генезиса и причин возникновения, так и непосредственно процесса институционализации [446; 492; 585]. Причинами, обусловившими популярность идей РМ в российской политике, указаны кризис идентичности, привлекательность для целевой аудитории и угроза делигитимации власти. Под самим РМ понимается «преимущественно сообщество людей («цивилизация»), тем или

иным образом связанных с Россией, которое формируется на основе общности: а) языка и культуры; б) исторической памяти и связанных с этой общей исторической памятью ценностей; в) православия; г) лояльности к сегодняшнему российскому государству, которое стремится выступать внутри страны и на международной арене как естественный правопреемник российской государственнической традиции, органическими составляющими которой являются Российская империя и СССР». Поэтому проект РМ «полностью пригоден для того, чтобы выполнять функции идеологического обеспечения политико-экономических интеграционных проектов под патронатом РФ. Ценность этого проекта для политики имперской реставрации заключается в том, что он не ограничивается только границами национального государства» [585, с. 8].

В аналитических материалах, издаваемых Национальным институтом стратегических исследований Украины, присутствует еще одно определение РМ как сети «людей и сообществ за пределами Российской Федерации, так или иначе включенных в российское культурное и языковое пространство. Его основой является сакральное понятие «Святая Русь» и связанная с ним этнокультурная общность восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов» [231]. В перечень оснований РМ как «антиукраинского дезинтеграционного проекта» включены «разделённость российского народа», дающая право на его воссоединение; искусственность государственных границ, необходимость защиты соотечественников [231].

Кроме этого, РМ представлен в качестве инструмента «мягкой силы» Российской Федерации, реализуемый через УПЦ МП, а также систему образования и культуры [585, с. 25–38]. Соответственно, по мнению украинских авторов, проект РМ не ограничивается гуманитарной направленностью и становится «способом удержания Украины в силовом поле России», представляя тем самым угрозу безопасности Украины [585, с. 67]. В перечень угроз со стороны РМ входят: разобщение украинского общества, препятствующее формированию новой общукраинской идентичности и интеграции Украины в европейское пространство; пропаганда «искусственно созданных ценностей восточно-православной цивилизации»; поддержка сепаратист-

ских и экстремистских настроений и др. [585, с. 67]. В то же время справедливо указывается, что основную угрозу национальным интересам Украины представляет не столько РМ, сколько отсутствие собственной адекватной идеологии, способной выступить консолидирующим началом поляризованного украинского общества. На этом основании украинскими авторами предлагается система мер противодействия влиянию РМ, которую условно можно разделить на два блока: геополитический и гуманитарный (социокультурный).

Первый блок предусматривает переориентацию как внешней, так и внутренней политики Украины с восточного вектора развития на западноевропейский (евроинтеграцию). Отдельно следует обратить внимание на актуализацию в украинской политической аналитике идеи «Міжмор'я» (Междуморье, Międzymorze) – концепции Юзефа Пилсудского, предполагающую возрождение государственной традиции Речи Посполитой посредством создания конфедерации государств Центрально-Восточной Европы, Балтии, Украины и Беларуси как ответ на имперские амбиции России (СССР) и Германии [213]. Присутствует и критичное отношение к данной концепции: подчеркивается, что идея противостояния с Германией в настоящее время для Украины является неактуальной, в связи с чем можно сделать вывод лишь об угрозе с российской стороны.

Ко второму блоку относится ряд проектов и мероприятий образовательного и идеологического характера, ориентированных на деконструкцию мифа «общерусского единства» и «триединого народа», репрезентацию исторического прошлого Украины в европейском пространстве и т.п. [231; 482, с. 17]. Реализация подобных проектов предполагает разработку национальных научно-исследовательских программ, системы государственной поддержки образовательной сферы, создание позитивного имиджа Украины и украинской культуры на международной арене [231; 627; 266, с. 51]. В качестве приоритетного направления противодействия влиянию РМ обосновывается необходимость создания альтернативного глобального национального проекта, идейной платформой которого могли бы стать:

1) **«Киевская идея»** как аналог идеи «Третьего Рима» и «Святой Руси» (религиозный подход).

Данный подход связан с сакральным значением Киева как места Крещения Руси и колыбели древнерусской государственности. Украина понимается как новая «Святая Земля» для Восточной Европы [585, с. 70]. В то же время отмечается неоднозначность данной идеи, поскольку она отсылает к российскому конструкту «Святой Руси», имеющей, пусть и опосредованно, но политический и имперский характер. Подчеркивается, что «Киевская идея» и идея «Святой Руси», хотя и не противоречат друг другу, но имеют различную природу и служат разным целям [585, с. 72].

2) **«Украинский мир»** как идея единения украинцев в Украине и за рубежом (диаспоральный подход) [380, с. 81–82, 85].

Основным содержанием критики идеи «Украинского мира» является указание на ее заимствованный характер. Предполагая объединение украинской диаспоры на таких культурно-цивилизационных основаниях, как украинский язык и культура, осознание принадлежности к Украине и общей колыбели Крещения, она тем самым представляет собой полное заимствование (кальку) идеи РМ. В этой связи, однако, подчеркивается, что идея «Украинского мира» существенно отличается от РМ отсутствием внешнеполитических амбиций и пока далека от этапа ее институционализации [585, с. 74].

3) **«Великая Украина»** как идея объединения всех этнических украинских земель в границах одного государства и утверждения в ней политического устройства на принципах нациократии (геополитический подход) [153, с. 22; 585, с. 69, 72–74].

Нациократия (и предшествующая ей концепция «интегрального национализма») представляет собой «национально-государственный империализм», «организованный украинский национализм» [569] – общественно-политическую доктрину, предложенную Н. Стиборским в 1935 г. Согласно данной работе, государственное строительство осуществляется в интересах нации представительными органами государственной власти, организованными на основе беспартийности и солидарного управления.

Тремя основными принципами нациократии заявлены:

а) **национализм** как духовное единство индивидов, объединенных национальными чувствами;

б) **экономический солидаризм**, предполагающий соответствующий экономический уклад – государственный синдикализм (объединение людей по профессиональному принципу для защиты своих интересов, т.е. объединение, приближение к понятию профсоюза);

в) **авторитаризм** (личная ответственность руководителей всех уровней за свои действия) [445, с. 30; 548, с. 155].

Нация, в свою очередь, определяется как природная организационная форма человечества, которая не может существовать без политической самостоятельности в форме собственного государства [533, с. 7]. Необходимо обратить внимание, что в российской научной литературе практически отсутствует адекватный анализ концепции нациократии, однако имеет место ее отождествление не с формой народовластия, а, главным образом, с радикальными националистическими идеологиями и движениями [441, с. 59–60, 75].

Таким образом, к основным особенностям интерпретации концепта РМ в украинском научном и общественно-политическом дискурсе можно отнести следующие.

1) Критическая либо резко негативная оценка РМ в отношении: исторических источников и концепций, предлагаемых российскими авторами; императивного выбора Россией конкретной модели общего исторического прошлого; использования концепта РМ в качестве инструмента российской пропаганды.

2) Общими чертами большинства работ украинских авторов выступают:

а) понимание РМ как российского геополитического проекта, характеризующегося имперской направленностью, жесткой иерархией субъектов с безусловным приоритетом интересов России, игнорированием исторических и социокультурных особенностей развития украинской государственности. РМ соответственно рассматривается как угроза информационной безопасности и национальному суверенитету Украины;

б) трансформация РМ из интеграционного проекта в инструмент противопоставления культур и народов: если в России

основной целевой функцией РМ является интеграционная, то в Украине дезинтегрирующая;

в) преобладание структурно-функционального и инструменталистского подходов к РМ, нивелирование его социокультурной составляющей.

3) В качестве основных инструментов противодействия распространению идеологии РМ в Украине предлагается комплекс мер научно-исследовательского и образовательного характера по разработке адекватных стратегий и идеологий («Киевская идея», «Великая Украина», «Украинский мир» и др.).

Принимая во внимание всю специфику становления и развития украинской государственности последних 25 лет, особенности геополитического статуса и культурных различий Беларуси и Украины, представляется обоснованным отметить одну общую с Республикой Беларусь черту. Белорусские и украинские земли, находясь на пересечении геополитических интересов, на протяжении столетий выступали объектом территориальных притязаний соседних государств и входили в различные государственные образования (Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Австро-Венгерская Империя, Российская Империя). Это обусловило значительное влияние на государственное развитие элементов как восточнославянской, так и западноевропейской культур, различных религиозных традиций. Поэтому поиск украинской национальной идеи связан не только с выбором «западного» либо «восточного» вектора геополитического развития, принятием либо противопоставлением РМ, а с осмыслением национальной самобытности, необходимости формирования новой гражданской идентичности и консолидации общества [444, с. 98; 504, с. 430; 333, с. 9–11; 116, с. 33–34 и др.].

Высокая динамика информатизации общества, значительное смещение идеологической составляющей в сферу информационного противоборства, а также отсутствие, по констатации самих украинских авторов, на сегодняшний день в Украине системных элементов государственной идеологии, дает основание обратиться к белорусскому опыту выстраивания идеологической работы и ее информационного обеспечения. Соответственно предметом дальнейшего исследования станет общая характеристика и место РМ в структуре идеологии современного белорусского государства.

3.2. Место и роль «Русского мира» в структуре идеологии белорусского государства

Вопросам генезиса, структуры и перспективам развития идеологии белорусского государства за последние два десятилетия посвящено множество научных работ, что связано с рядом факторов.

Во-первых, с осознанием необходимости как концептуального оформления государственной идеологии, так и ее институционализации, комплексной информационной поддержки [190, с. 44]. Это обусловлено тем, что, как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливаются роль и влияние средств массовой информации на общественную жизнь, активно распространяется практика целенаправленного, в том числе негативного, внешнего информационного воздействия [270]. Поэтому в современном обществе система государственной идеологии выступает не только как совокупность идей и концепций, но и как элемент, обеспечивающий национальную безопасность в гуманитарной и информационной сферах, развитие внешней и внутренней политики страны.

Во-вторых, с отказом от упрощенческого и в значительной степени политизированного подхода, проявляющегося в исключительно прикладном, функциональном понимании идеологии как одного из инструментов обеспечения политических интересов властвующих элит [624, с. 4]. Лишенная фундаментальных оснований идеология, приобретая качество политической технологии, способствует фрагментации, эклектичности коллективного сознания. Игнорирование социокультурной составляющей национальной идеологии имеет своим следствием расхождение либо прямое противоречие между ценностными приоритетами того или иного общества, целями и методами их реализации. Существующее расхождение обуславливает разнонаправленность, а в некоторых случаях конфликт интересов различных социальных слоев и групп. Это значительно упрощает адресное воздействие на коллективное (групповое) созна-

ние и соответственно управление группой, но нивелирует консолидирующую функцию идеологии.

В-третьих, с междисциплинарным характером исследований, обусловленным многомерной природой любой идеологии, представляющей собой синтез исторических, философских, культурологических, религиозных, политико-правовых, экономических концепций и парадигм, объединенных общей идеей устойчивого развития независимого государства. К наиболее значимым по данной тематике относятся работы Е.М. Бабосова [35], А.О. Буевой [83], В.А. Гребень [162], С.Н. Князева [244; 406 и др.], Л.Е. Криштаповича [289; 290; 291 и др.], С.В. Лапиной, Е.В. Матусевича [332], В.А. Мельника [337; 339; 340; 341 и др.], С.Г. Паречиной [427], С.В. Решетникова [156; 409; 479], А.Б. Чешевича [220; 624], В.И. Чушова [406; 628], В.В. Шинкарева [408; 641], Я.С. Яскевич [679; 680] и др.

Что касается непосредственно РМ, то в Республике Беларусь позиционирование относительно данных идей осуществлялось главным образом на высшем государственном уровне. Политика Республики Беларусь изначально характеризовалась четкой практикоориентированностью и предусматривала максимально широкое участие страны в интеграционных процессах, сведя к минимуму теоретические дискуссии на данную тему. Анализ многочисленных работ по идеологии белорусского государства позволяет констатировать, что в белорусской политологии обращение к РМ практически отсутствует, однако отдельным его составляющим уделяется значительное внимание. В этой связи в ходе дальнейшего исследования основное внимание будет уделено сравнительной характеристике подходов белорусских ученых в рассмотрении таких признаков РМ, как:

а) общее историческое прошлое – в части выявления общих представлений о предшествующих этапах развития и генезисе белорусской государственности, предполагающих, с одной стороны, обоснование и выбор конкретной исторической концепции прошлого, с другой – конструирование как гражданской, так и социокультурной идентичности;

б) обусловленные общим историческим прошлым общие для восточнославянского мира традиции и ценности, в том числе влияние на их формирование религиозного фактора;

в) цивилизационное противопоставление и выстраивание оппозиции «свой–чужой» («Запад–Восток»);

г) внешнеполитические приоритеты Республики Беларусь, в первую очередь, в части ее участия в международных интеграционных процессах.

В приведенный перечень не входит вопрос роли и статуса в белорусском обществе русского языка, поскольку, согласно ст. 17 Конституции Республики Беларусь и ст. 2 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» в нашей стране в качестве государственных определены белорусский и русский языки [259; 391]. Указанными нормативными правовыми актами закреплён равный статус языков, механизмы обеспечения свободы их выбора.

В частности, не допускаются какие-либо привилегии либо ограничения прав личности по языковым признакам, публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользовании ими, проповедь вражды на языковой почве [391]. Кроме этого, в научных исследованиях отмечается, что использование значительной частью населения русского языка не влияет на национальную самоидентификацию белорусов, которая носит устойчивый характер [83, с. 11]. Последовательно закреплённые равный статус обоих языков и гарантии их защиты дают основание не рассматривать языковой вопрос в качестве проблемного.

Обобщая широкий спектр вопросов, касающихся тех или иных аспектов идеологии белорусского государства, в качестве дискуссионных можно выделить следующие.

Основные, хотя и не явные, расхождения среди отечественных авторов присутствуют относительно этногенеза белорусов и истоков белорусской государственности. Вопрос относится к разряду фундаментальных, поскольку обуславливает выбор, во-первых, исторической концепции происхождения и развития белорусского этноса. Во-вторых, во многом предопределяет стратегические направления развития Республики Беларусь, в первую очередь, в сфере внешней политики. В-третьих, выбор той или иной модели исторического прошлого является одним из основополагающих факторов при расстановке приоритетов в иерархии ценностей.

По сути, подобный выбор представляет собой, по определению И.И. Антоновича, реализацию принципа относительности истории [26, с. 125]. В многочисленных работах по идеологии белорусского государства, которые российскими политологами определяются как «официальная идеология» [76, с. 34], не содержится открытой полемики или дискуссий по данной проблеме, однако мнения авторов значительно разнятся. В этой связи следует оговориться, что в рассматриваемом контексте речь идет не о степени «правильности» либо «неправильности» той или иной концепции исторического прошлого, а об общих (договорных, конвенциональных) *представлениях* [курсив А.С.] о нем.

Л.Е. Криштапович и В.А. Мельник последовательно проводят идею единого древнерусского народа и Киевской Руси как колыбели белорусской государственности [290, с. 8; 293, с. 62; 406, с. 160 и др.]. В частности, В.А. Мельник отмечает, что «каждый из народов – и белорусы, и великороссы, и украинцы – есть особый этнос в составе славянорусского суперэтноса» [340, с. 177]. Соответственно и «идея белорусской государственности всегда имела общерусские корни и восходит к древнерусской государственности» [340, с. 182]. В данном случае речь идет о взаимообусловленности выбора модели исторического прошлого и содержания национальной идеи, определяемой как духовное поле белорусского народа, которое «с полным правом можно обозначить понятием “русская идея”» [340, с. 117]. В еще одной работе В.А. Мельник подчеркивает типологическое родство «белорусской» и «русской» идей: «понятие “белорусская идея”, синонимом которого является формула “Мы – белорусы”, имеет общий корневой смысл с понятием “русская идея” [337, с. 117]. Учитывая всю многозначность и порой внутреннюю противоречивость «русской идеи», следует отметить, что в приведенном контексте речь идет, в первую очередь, об идее универсальной общности восточнославянских народов, их общей памяти и социокультурной традиции, – «принципиально иной этической установки, выраженной в понятии соборности» [337, с. 117].

С.Н. Князев и С.Г. Паречина также отмечают, что «белорусская государственность восходит своими корнями к Древнерусскому государству – Киевской Руси, когда белорусы, русские и

украинцы составляли единый народ – Русь. В 11–12 веках была оформлена идея общерусского единства, так актуально звучащая в наши дни» [244, с. 11]. Основными категориями, характеризующими отношение к общему историческому прошлому, становятся «общность» и «единство» как ключевые признаки концепта РМ в рамках культурно-цивилизационного и геополитического подходов. «Великорусской» или «древнерусской» концепций придерживается и значительная часть других белорусских авторов [144, с. 70; 406, с. 160; 409, с. 39; 599, с. 54]. Выбор данной концепции в качестве приоритетной дает основание заявлять о родовой принадлежности белорусов: «Мы – славяне! И это будет вечно роднить и единить нас со всем славянским этносом» [340, с. 117].

В то же время последовательное обоснование принадлежности белорусов к восточнославянской цивилизации в большей степени свидетельствует о культуроцентричности как одном из основных консолидирующих факторов Беларуси, России и Украины, единстве ценностных систем славянских народов [332, с. 57; 337, с. 163–164; 339, с. 160]. В целом это позволяет говорить о сформировавшейся позиции относительно данного основания РМ (единые представления об историческом прошлом). Следует, однако, отметить противоположную точку зрения о том, что «изучая этнополитическое развитие в Беларуси, мы можем отметить отсутствие конвенционального, общепринятого национального мифа» [618, с. 55].

Представляет интерес позиция, с одной стороны, связывающая возникновение белорусской государственности с периодом нахождения в составе Киевской Руси, с другой – подчеркивающая независимую роль княжеств (Полоцкого, Туровского, Витебского, Новогрудского и др.). Княжества рассматриваются как автономные самостоятельные государственные образования вне контекста общей древнерусской истории [162, с. 176–178; 546, с. 11–12; 671, с. 43]. Еще одна позиция объясняет происхождение белорусов расселением племен, основываясь уже не на «великорусской» или «древнерусской», а «племенной» концепции происхождения белорусского этногенеза, отсылая к трудам Е. Карского, В. Пичеты, М. Довнар-Запольского и др. ученых первой половины XX в. [329, с. 65, 68–70; 422, с. 45].

В зависимости от выбора модели исторического прошлого выстраиваются траектории дальнейшего развития Республики Беларусь, в первую очередь, ее внешней политики. Выбор, как правило, предполагает либо строительство Союзного государства с Россией и тесное сотрудничество со странами бывшего Советского Союза, либо максимальную интеграцию в европейское сообщество, не предусматривая сочетания обоих векторов: «политическая диалектика такова: евроинтеграция неотделима от дезинтеграции постсоветского пространства» [293, с. 66].

В этой связи следует обратиться к позиции Е.М. Бабосова, отмечающего равноценность влияния на формирование национального менталитета трех этапов белорусской государственности: Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Российской Империи [35, с. 227–236]. Каждый из данных этапов является по-своему значимым, принимая во внимание особенности тех конкретных политических процессов, которые являлись доминирующими в тот или иной исторический период.

Так, именно к периоду Киевской Руси относится становление, формирование основных атрибутов государственности: централизованной власти, форм участия общества в государственной жизни, профессиональной армии (дружины), системы податей, налогов сборов и др. С периодом пребывания белорусских земель в составе Великого княжества Литовского принято связывать становления белорусов как нации, формирование их национального самосознания и политической культуры. Кроме этого, именно данный период считается «золотым веком» белорусской культуры. Белорусское Возрождение характеризовалось активным развитием науки, общественно-политической мысли, культурно-просветительской деятельности таких выдающихся представителей национальной культуры, как Ф. Скорина, М. Гусовский, В. Тяпинский, С. Полоцкий.

Неоднозначным представляется тот факт, что в большинстве работ, посвященных генезису белорусской государственности, практически не затрагивается период вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой. Как правило, упоминание об этом историческом периоде если и присутствует, то опосредованно, в контексте воссоединения белорусских земель с Россией и экспансионистских претензий польской политической

элиты [338, с. 62; 409, с. 25]. Следует отметить и полярность существующих единичных оценок «польского» периода.

С одной стороны, утверждается, что «политическую культуру Беларуси сформировало пребывание ее в составе различных государств, в первую очередь, Речи Посполитой и Российской Империи» [680, с. 82]. С другой стороны, заявляется о том, что «оказавшись в лоне Российского государства, белорусы нисколько не сожалели о гибели Речи Посполитой, так как Беларусь была в ее составе падчерицей», поскольку «уния Беларуси с Польшей всегда была реакционна, антinationальна, поскольку ставила своей целью денационализацию белорусского народа» [292, с. 293]. Российские авторы в этой связи отдельно отмечают выбор терминологии, задающей ценностное, оценочное отношение к данному историческому событию. В качестве иллюстрации приводятся примеры украинской историографии, в которой термин «воссоединение» заменен на «присоединение» либо «насильственное присоединение», что кардинально смещает акценты подачи и восприятия соответствующих исторических событий [76, с. 32]. В целом противопоставление какому-либо из периодов в большей степени свидетельствует о мировоззренческой позиции авторов, не исключая, однако, влияния того или иного фактора на формирование национального менталитета и традиций государственности.

Что касается советского периода в развитии белорусской государственности, то он оценивается в целом позитивно. Отмечается, что «становление белорусской национальной государственности получило существенный стимул после падения царского самодержавия» [641, с. 47]. Особая роль отводится годам Великой Отечественной войны, партизанскому движению и последующему послевоенному восстановлению, особому статусу БССР в качестве полноправной страны-учредительницы ООН [181, с. 201; 407, с. 21–22; 641, с. 47]. В частности, А.О. Буева, затрагивая вопросы постсоветской этнополитической трансформации Беларуси, отмечает, во-первых, преобладающую роль политической идентичности белорусов над другими ее формами: «Для Беларуси характерен гражданский (политический) тип построения нации в постсоветский период, государственная политика исходит из потребностей общества и направ-

лена на созидание политической «гражданской» национальной идентичности» [83, с. 6]. Во-вторых, ее преемственность с советской: «консолидирующий потенциал наднациональной идентичности “советский народ” плавно трансформировался в национальную идентичность “белорусский народ”, основанную на гражданском самосознании» [83, с. 20; 84, с. 103].

Позитивное восприятие советского периода в жизни страны является еще одним существенным отличием от российских и украинских авторов, как правило, игнорирующих его либо оценивающих негативно. Негативная оценка советского периода присутствует в рамках двух подходов к РМ: цивилизационного и религиозного – в части утверждений о таких его следствиях, как «утрата духовности», либерализация и секуляризация общественной жизни, релятивизация ценностных оснований восточнославянского мира. В рамках геополитического подхода, когда речь идет о международном влиянии СССР, представлявшего собой один из «полюсов силы», способного противостоять «врагу» (Западу, США, НАТО и т.п.), ценностное измерение РМ отходит на второй план.

Позиционирование авторов относительного советского периода дает основание заявлять о двух концептуальных подходах к дальнейшему развитию белорусской государственности: «Первый – национально-государственный – за сохранение исторической преемственности и связи между государствами в формате БССР. Второй – национально-либеральный, главным содержанием которого являлась идея белорусской государственности, соответствующей периоду Великого княжества Литовского с последующей интеграцией в Европу» [599, с. 79–80]. Приведенные подходы соответственно базируются на полярных ценностно-нормативных установках: традиционной системе «коллективистских ценностей, стиле жизни и патерналистском отношении к государству, имеющим глубокие истоки в ментальности восточнославянских обществ; и рыночной системой ценностей, лежавшей в основе реформ, проводившихся с середины 80-х годов» [235, с. 91].

Различия в выборе концепции и расстановке акцентов относительно общего исторического прошлого восточнославянских стран обуславливают ряд существенных отличий от россий-

ских исследователей в трактовке второго основания РМ – общих традиций и ценностей, в том числе роли в их формировании православия.

Как уже было отмечено, большинство отечественных ученых, затрагивающих в своих работах вопросы идеологии белорусского государства, исходят из «древнерусской» или «великорусской» концепции общего исторического прошлого восточнославянских народов («Все славяне на территории Восточной Европы составляли единый народ») [409, с. 26]. Духовное единство, рождение как государственных, так и социокультурных традиций связывается именно с фактом Крещения Руси: «культурообразующим и консолидирующим фактором... стало принятие киевской Русью христианства» [406, с. 160]. Христианство называется «главной культуурообразующей силой, сформировавшей нынешнюю белорусскую нацию» [330, с. 52]. Христианство, таким образом, выступает уже не только в качестве культуурообразующего, но и государствообразующего фактора.

Это выразилось в том, что «Беларусь никогда этнокультурно не принадлежала Западной Европе, она сформировалась как этнокультурная общность и страна в лоне восточно-христианской православной цивилизации и в евразийском геополитическом пространстве» [409, с. 35]. Именно христианизация Древней Руси, духовно-нравственные ценности православия сыграли, по мнению большинства авторов, определяющую роль в становлении белорусской государственности [221, с. 26; 250, с. 59; 303, с. 10; 304, с. 13; 341 с. 26, 29; 406, с. 190 и др.]. С православно-христианским генотипом культуры связывает процесс формирования Беларуси В.А. Мельник, считая, что «принятие православия восточными славянами было тем выбором, который предопределил характер их последующего социокультурного развития» [339, с. 180]. По мнению В.А. Мельника, «абсолютно бесспорным является положение о том, что белорусский народ с самого начала своей истории формировался как органическая часть славяно-православной, или иначе славяно-русской, цивилизационной общности. Беларусь, безусловно, принадлежит к славяно-православной цивилизации» [337, с. 163]. Религиозная традиция в данном контексте предстает как часть общей, более широкой социокультурной традиции.

Отождествление православия не столько с «русской» верой, сколько с культурной традицией, присутствует и в работах Л.Е. Криштаповича: «Важно отметить: православная вера в те далекие времена в первую очередь называлась русской верой. Русская – это определение не только религиозно-церковное, но и цивилизационно-культурное» [290, с. 3–4]. Подобное отождествление «русского» и «православного» существенно смещает акценты, поскольку, связывая принятие «русской» веры с вхождением в общерусскую цивилизацию, Л.Е. Криштапович задает уже не только религиозную или цивилизационную, но также геополитическую обусловленность государственного развития. В данном контексте интересной представляется точка зрения, согласно которой позитивная роль христианских ценностей выступает в большей степени инструментом не внешней, а внутренней интеграции [303, с. 11–12].

Следует обратить внимание, что в отличие от российских авторов, белорусскими исследователями религиозный фактор всегда рассматривается в качестве детерминирующего. Я.С. Яскевич отмечает, что именно многоконфессиональность и постоянная, зачастую императивная смена культурных традиций привели, с одной стороны, к смешанному, эклектичному характеру белорусской культуры [680, с. 46]. С другой стороны, сформировали такое атрибутивное качество белорусского менталитета, как толерантность, терпимое отношение ко всем культурам и религиям. Это в значительной степени предопределило то, что, несмотря на преобладание православно-византийского духовного наследия, «общество никогда не приобретало у белорусов такого самодовлеющего глобального характера, как у русских» [679, с. 60]. Кроме этого, «характерной особенностью генезиса идеологии белорусской государственности является то, что в своем историческом развитии она не приобрела, по сути, религиозной формы проявления» [409, с. 409]. Сказанное дает основание сделать вывод, что «вероисповедание не стало определяющей чертой этнической принадлежности для наших предков», а Республика Беларусь на сегодняшний день представляет собой секуляризованное общество [343, с. 10; 409, с. 35]. Сложившееся в целом индифферентное отношение белорусов к таким ключевым признакам

«русской идеи», как мессианство, сакральность и вселенский характер, не позволяют говорить о ее высокой значимости для современного белорусского общества.

Следует учитывать и то, что, несмотря на различия в подходах относительно социокультурного фундамента РМ, в белорусском общественном сознании две христианских ветви – католичество и православие – как правило, не противопоставляются друг другу. Особенностью развития белорусской государственности является то, что она возникла на цивилизационном разломе православного «Востока» и католического «Запада». Традиционные ценности белорусов формировались под влиянием как западно-, так и восточнославянской культур, воплотив в себе фундаментальные принципы обеих конфессий, а также элементы язычества, униатства, ислама, иудаизма, других обрядов и верований [679, с. 60; 406, с. 180]. Как отмечает Е.М. Бабосов, «именно на мировоззренческом фундаменте христианства возникли главные черты белорусского национального характера» [35, с. 223]. Поэтому, избегая «крайностей полярных цивилизационных типов» [330, с. 53; 337, с. 154], предназначение Беларуси рассматривается и как рубеж, и как синтез двух цивилизаций: латинской и византийской [422, с. 50]. По мнению В.В. Сутырина, «Этот опыт уникален для большинства государств Восточной Европы, по-прежнему выстраивающих преимущественно “конфликтную” модель национальной истории» [566, с. 19].

Сочетание и взаимодополняемость, а не противопоставление и антагонизм двух ветвей христианства, и есть одно из глубинных отличий белорусского измерения РМ. В «русской идее» противопоставление Западу уходит корнями в церковный раскол и потому носит сакральный для русского менталитета характер, обуславливая как его мессианские устремления, так и условность территориальных границ. Отличительной чертой идеологии белорусского государства от подавляющего большинства российских и украинских работ аналогичного плана является, за единичными исключениями [192, с. 20–24; 293, с. 62; 427, с. 17], отсутствие каких-либо противопоставлений, культивирования образа «врага», выстраивания оппозиции «Восток–Запад». Данная отличительная черта обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, географическим положением и геополитическими предпосылками, сформировавшими политическую культуру Беларуси. На протяжении большей части своего исторического развития белорусские земли входили в состав поликультурных и поликонфессиональных наднациональных образований (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская Империя, СССР), следствием чего стало формирование у белорусов модели «наднациональной идентичности» и гражданской консолидации вокруг государства, а не этнонационального мифа [566, с. 7–8; 680, с. 46].

Во-вторых, социокультурными условиями развития двух цивилизаций, наравне с геополитическим положением, сформировавшими уникальность национальной культуры. Равное и терпимое отношение ко всем религиям и культурам оказалось условием не только сохранения социокультурной идентичности, но и физического выживания белорусского народа.

В-третьих, консолидирующим характером государственной идеологии, проявившемся не столько в оценке и соответственно противопоставлении, сколько в сравнительной характеристике различных аксиологических систем [680, с. 81]. По сути, в данном случае речь идет о необходимости национального самоопределения [313, с. 11]. Особого внимания в этой связи заслуживает позиция В.В. Шимова, рассматривающего полярные мнения относительно генезиса белорусской государственности не как радикальное противопоставление на «правильные» и «неправильные», а как «идеальные типы», поскольку большинство позиций «так или иначе находятся в спектре между этими двумя идеологическими полюсами» [640, с. 68].

Отсутствие культа противопоставления и поиска антагонизмов с иными цивилизациями и политическими образованиями свидетельствует о такой отличительной черте идеологии белорусского государства, как ее ценностное измерение. Приоритет ценностного измерения, в частности, А.В. Свиридов связывает с тем, что политическая модернизация Беларуси проходила на основе не глобальных либеральных проектов, а «локально-национальной модели, учитывающей мировоззренческие архетипы и социально-психологические черты белорусского социума» [512, с. 13]. Это также дает основание отдельным авторам

говорить об эмпатичном подходе к процессам формирования национальной идеи: «Современной формой изучения и формирования белорусской национальной идеи является эмпатия (сопереживание человека с творческой деятельностью высшего метафизического порядка во всемирном бытии)» [429, с. 6].

Указанный приоритет развития белорусского общества подтверждает осознанность и последовательность выбора в качестве основной функции идеологии ценностно-образующей, а не инструменталистской или регулирующей. Данный выбор обусловлен тем, что, по мнению В.И. Чуешова, «стратегические и тактические цели государственной политики должны определяться исходя из иерархического порядка его идеологических ценностей, а не средств их достижения» [628, с. 48–49]. Соответственно белорусская модель развития представляет собой не противопоставление западным нормам и ценностям, а альтернативу [222, с. 42].

Основной функциональной предпосылкой идеологии белорусского государства, таким образом, становится обеспечение возможности выбора, синтеза тех или иных идей и норм как в мировоззренческой сфере, так и в сфере внешнеполитического взаимодействия. В частности, И.А. Марзалюк глобально обозначил данное направление как национальную сверхзадачу: «Мы должны постулировать свою национальную сверхзадачу – создать в своей стране, на основе собственной традиции, органический, здоровый синтез европейского «Востока» и «Запада» [330, с. 55]. Е.М. Бабосов и А.В. Свиридов рассматривают, однако, этот синтез не как сверхзадачу, а как уже свершившийся факт политического развития Республики Беларусь – преодоление дихотомии «Европа–Россия» и реализации ее интеграционного союзнического потенциала в осях координат как «Восток–Запад», так и «Север–Юг» [34, с. 13; 512, с. 14].

Утверждение принципа союзности как атрибутивных признаков белорусской государственности позволяет говорить о четко оформившейся модели внешнеполитического развития Республики Беларусь [337, с. 153; 641, с. 46, 182]. К трем основным императивам данной модели А.В. Свиридов относит ориентацию на создание многополярного мира, участие в интеграционных процессах на постсоветском пространстве и сохра-

нение геополитической субъектности [512, с. 14]. В этой связи основным направлением реализации внешней политики Республики Беларусь, по мнению подавляющего большинства белорусских авторов, является дальнейшее тесное взаимодействие с Россией как основным стратегическим партнером. Соответственно во многих работах получило обоснование белорусской идеи как идеи строительства Союзного государства Беларуси и России в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности Республики Беларусь [291, с. 26; 337, с. 163; 339, с. 292–296].

В то же время строительство Союзного государства рассматривается на основе приоритета стратегии многополюсной интеграции, а не однополюсного глобализма [289; 291; 337; 340 и др.]. Поэтому еще одним приоритетным направлением становится реинтеграция постсоветских стран, предусматривающая наднациональный характер соответствующих политических структур [277, с. 108; 291, с. 26; 321, с. 110–111, 117–120; 408, с. 216–217; 409, с. 24; 34, с. 10 и др.]. В целом данный подход можно назвать рациональным, учитывающим реалии геополитических интересов и экономических связей стран-участниц интеграционных процессов, особенности их политических систем, а также социальных ожиданий общества [176, с. 52]. Еще одним из основных векторов внешней политики Республики Беларусь является европейская перспектива – согласно концепции региональной полицентрии Р.О. Есина, «формирование пояса европейского политического добрососедства», участие в интеграционных процессах как Восточной, так и Западной Европы [195, с. 4, 26].

Два главных вектора внешней политики Республики Беларусь: «русский» и «постсоветский», на первый взгляд, соответствуют идеологии РМ в части «собираения» русскоязычной части населения в границах бывшего СССР. Однако в данном контексте следует обратить внимание на ряд существенных факторов.

Первый состоит в том, что реализация идеи РМ в рамках трех существующих подходов (культурно-цивилизационного, религиозного и геополитического) предполагает осуществление управления по принципу «центр–периферия» с выстраива-

нием определенной иерархии в системе взаимоотношений. Республика Беларусь как суверенное демократическое правовое государство исходит из принципа равноправных отношений всех политических субъектов. Согласно ст. ст. 3 и 6 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., Союзное государство базируется на принципах суверенного равенства государств-участников. Россия и Беларусь полностью сохраняют свой суверенитет и международную правосубъектность, независимость, территориальную целостность, государственное устройство. Кроме этого, согласно п. 1 ст. 7 указанного документа, территория Союзного государства состоит из государственных территорий государств-участников [177]. Данному положению противоречит тезис об условных и постоянно расширяющихся в пространстве территориальных границах РМ.

Ко второму фактору можно отнести позиционирование сторон – стран, включенных в пространство РМ, относительно распространённой в рамках геополитического подхода категории «соотечественников за рубежом», к которым российские авторы относят как диаспору дальнего зарубежья, так и русскоязычное население стран бывшего СССР. Соответственно в круг лиц, охватываемых данной категорией, «по умолчанию» включена и большая часть населения Республики Беларусь. В правовом поле данная позиция потребует согласований понятий «гражданства», под которым, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О гражданстве» понимается «устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека». Согласно этой же статьи, «Гражданство Республики Беларусь является неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета Республики Беларусь» [389]. В настоящее время за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, однако ст. 11 указанного закона предусматривает возможность закрепления подобной нормы посредством заключения Республикой Беларусь дополнительных международных соглашений и договоров. Однако, пока не цивилизационный или социокультурный, а непосредственно

правовой статус РМ в официальном порядке не определен, любые проекты и стратегии работы и управления «соотечественниками за рубежом» требуют согласования порядка взаимодействий с соответствующими странами.

Третий существенный фактор – специфика белорусского национального менталитета, проявляющаяся в таких его чертах, как терпимость к различным конфессиям и культурам, отсутствие противопоставления себя иным «полюсам» и цивилизациям, следование принципам добрососедства. Перечисленные черты нашли отражение в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Согласно ст. 19, «Общечеловеческие ценности и национальные духовные традиции нашли отражение в идеологии белорусского государства, базовыми принципами которой являются единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность». В приведенном документе указывается также, что Республика Беларусь является «активным субъектом международных отношений, донором международной и европейской безопасности, целенаправленно участвует в формировании многополярного мира, руководствуясь принципами взаимного уважения, равноправия и справедливости» [270]. Внешнеполитическая деятельность Республики Беларусь многовекторна, предусматривает всестороннее сотрудничество как с Российской Федерацией и другими странами бывшего СССР, так и взаимодействие с западными государствами, в том числе с ЕС.

Что касается критики так называемой «официальной» идеологии белорусского государства, то она в настоящее время представлена несколькими работами, в которых основными направлениями критики выступают, главным образом, замечания методологического характера. Замечания касаются вопросов выбора и корректности использования авторами терминологии, ее единообразия и адекватности рассматриваемому предмету. Особо острую полемику вызывает оценка подходов к самой идеологии, ее целям, функциям и соответственно – методологии изучения, структурирования и подачи. В качестве общей черты можно также отметить персонификацию белорусской идеологии, процесс институционализации которой связывают непосредственно с личностью Президента Респуб-

ки Беларусь. Поддержка и продвижение ее государственными структурами дает основание авторам делать вывод о том, что в соответствующих учебниках предпринята попытка построить идеологию, которая заменила бы собой марксистско-ленинскую [489, с. 127–129; 605].

Критике подвергается и тезис о «российской сущности белорусуса» [489, с. 120], связь белорусской идеологии с «русской идеей», выбор «древнерусской» концепции этногенеза белорусов и источников белорусской государственности, т.е. в целом пророссийская ориентация «официальной» идеологии. Негативный образ «польского» периода для белорусской культуры, последствий Люблинской унии, польского культурного и религиозного влияния и т.п. дискуссионные аспекты отечественной истории оцениваются как «фальсификация исторической правды и «беларускі анацыянальны пункт гледжання» [605]. Соглашаясь с авторами в части целесообразности избегания «черно-белых» оценок тех или иных исторических периодов и необходимости их беспристрастного изучения, следует отметить, что и в рассматриваемых работах присутствуют такие определения, как «российская оккупация Речи Посполитой» [605]. Это свидетельствует о том, что и оппонирующая «официальной» идеологии сторона научного дискурса не свободна от его политизации, также характеризуясь субъективной оценочностью суждений.

В-третьих, абсолютизация значимости для белорусской государственности периода Великого княжества Литовского. Не умаляя значения данного периода, следует заметить, что «канонизация» той или иной модели идеального прошлого всегда ориентирована на прошлое, а не на будущее, и в большей степени характерна для религиозных идеологий. Кроме этого, избирательность в выборе такой модели влечет за собой создание негативного образа либо искусственную конкуренцию других исторических периодов и соответственно – аксиологических, культурных и иных систем, представляя собой политическое мифотворчество, подвергаемое авторами указанных работ объективной критике.

В-четвертых, советский период рассматривается если не как катастрофа для белорусской культуры, то как крайне нега-

тивный исторический этап, оценка которого может быть проиллюстрирована цитатой Р. Радзика: «Нідзе нават не згадваецца практычна поўная русіфікацыя беларускіх гарадоў; спыненне на пераломе 20–30-х г. XX ст. – а потым і адкат – працэсаў нацыянальнай беларусізацыі грамадства (а значыць, набывання апошнім нацыянальнай свядомасці); з’яўдзенне беларускасці да ўзроўню этнаграфічнага музея; не менш як сотні тысяч беларусаў, забітых паводле загадаў са сталіцы імперыі; масавае разбурэнне помнікаў архітэктуры; такія сляды маскоўскага панавання, як Курапаты; слабасць беларускіх элітаў, якія не мелі права ствараць нацыянальную канкурэнцыю савецкаму дзяржаўнаму цэнтру...» [605].

Не касаясь оценки приведенных дискуссионных аспектов, следует отметить, что Р. Радзик также обращает внимание на такую специфическую черту белорусского общества, как его лояльность государству, традиционализм, отсутствие выраженной национальной идентичности. Это дает автору основание отнести белорусов к разряду политических, а не культурных наций, т.е. общества, в большей степени консолидирующегося вокруг государства (власти, идей, структур), нежели этнической культуры или языка [605]. По сути, это тот срез гражданской идентичности, который формирует понимание РМ в границах ожиданий цивилизационного и геополитического подходов. Приводя в одной из своих работ развернутую статистику результатов социологических исследований относительно политических и социокультурных предпочтений белорусов, Р. Радзик прямо указывает на их культурную близость с Россией, как и на тенденцию «замыкания» непосредственно в РМ [472, с. 111–112; 471].

Тезис о «замыкании» Республики Беларусь в РМ, однако, представляется дискуссионным, поскольку глубинные отличия белорусского менталитета от «русской идеи» в большей степени свидетельствуют о традиционализме белорусского общества, нежели о «замыкании», которое характерно именно для самого РМ как самодостаточной системы. В данном контексте особый интерес представляется ввод в научный оборот понятия «белорусского мира», принципиально отличающегося от РМ тем, что «Белорусский мир олицетворяет наднациональный,

«сберегающий различия» вариант организации общества по принципу не слияния, но со-развития» [566, с. 9]. Республика Беларусь выдвигается на роль лидера в формировании не только посткризисной Восточной Европы, но и всего «евразийского полюса». Основанием для подобных утверждений является, с одной стороны, ценностное, а не функциональное измерение и наполнение идеологии белорусского государства. С другой стороны, то, что Республика Беларусь «обладает сегодня стратегическим преимуществом в Восточной Европе, являясь частью более гибких интеграционных объединений, предоставляющих большую свободу маневра, нежели евроатлантический блок, в который вошел ряд восточноевропейских государств» [566, с. 11–12; 33]. Соответственно белорусское измерение РМ предполагает следование принципу межрегионализма, под которым понимается «институционально оформленное экономическое, политическое и социальное взаимодействие между региональными интеграционными объединениями» [461, с. 23].

Подводя итог, следует констатировать, что в многочисленных работах по идеологии белорусского государства непосредственное обращение к концепту РМ отсутствует. Что касается таких основных его признаков, как общие традиции, ценности и историческое прошлое, а также приоритеты внешнеполитического развития, то их место и роль в структуре идеологии белорусского государства характеризуются следующими чертами:

а) компромиссной позицией относительно общих представлений об историческом прошлом – в частности, синтезом положений двух концепций: племенной и «древнерусской», связывающих генезис белорусского этноса с расселением племен, а белорусской государственности – с фактом Крещения Киевской Руси;

б) влиянием на формирование традиционной белорусской культуры обеих ветвей христианства: как православия, так и католичества, обусловивших в итоге ее синтетичный и эклектичный характер;

в) отсутствием традиционного для «русской идеи» и российского менталитета мессианства, культа цивилизационного противостояния и выстраивания оппозиции «Запад–Восток», терпимым отношением ко всем аксиологическим системам, ре-

лигиозным и культурным традициям, государствам и политическим образованиям;

г) выбором в качестве основного приоритета внешней политики строительство Союзного государства Беларуси и России, интеграции со странами постсоветского пространства при стремлении к эффективному и многостороннему взаимодействию со всеми странами и регионами.

3.3. «Русский мир» в общественном сознании Беларуси

Применительно к РМ в идеологии белорусского государства присутствует совпадение лишь по одному признаку – компромиссной позиции по поводу общего исторического прошлого государств, входивших в состав Киевской Руси, объединенных в настоящее время едиными ценностными основаниями. Другие признаки РМ (условность территориальных границ, выстраивание отношений по схеме «центр–периферия», мессианский характер и т.п.) в структуре идеологии белорусского государства отсутствуют.

В этой связи представляет интерес восприятие идей РМ, степени их укоренности в белорусском обществе, в частности, в коллективном восприятии студенческой молодежи управленческих специальностей, как будущей управленческой элиты (общая выборка 829 чел.), и работников идеологической вертикали (общая выборка 168 чел.). Под работниками идеологической вертикали понимаются государственные служащие и руководящие кадры государственных органов и организаций, непосредственно осуществляющие работу по формированию и артикуляции в общественное сознание основных положений идеологии белорусского государства. Выбор целевых групп обусловлен тем, что в их основные функции входит обеспечение преемственности основных ценностей и исторических традиций белорусского общества, управление внешней и внутренней политикой государства.

Методами исследования выступили анкетный опрос и ассоциативный эксперимент, проводившиеся с 2012 по 2016 гг. Анкетный опрос, как правило, позволяет выявить формальную,

декларативную оценку респондентов того или иного явления. Анкета включала в себя три блока вопросов, касающихся: а) особенностей белорусского менталитета, влияния на их формирование разных этапов исторического развития, в том числе религиозного фактора; б) внешнеполитических ориентаций, приоритетов в оценке направлений интеграционных процессов; в) собственно восприятия указанными группами идей РМ.

Ассоциативный эксперимент относится к разряду психолингвистических методов исследования и призван решить задачу выявления ассоциативного (смыслового) ядра, а при его отсутствии – выявления семантических связей и построения ассоциативных рядов [140, с. 42; 327, с. 4]. Сформированность смыслового ядра и рядов определяется частотностью (частотой упоминания) ассоциаций. Периферия в большинстве случаев представлена множественными разрозненными ассоциациями, колеблющимися от крайне негативных до резко позитивных. Инструментарий (перечень слов-стимулов) ассоциативного эксперимента разрабатывался в соответствии с перечисленными блоками анкеты. При разработке инструментария ассоциативного эксперимента, как правило, предусматривается включение и последующее изучение трех блоков реакций [358; 359; 528, с. 43]:

- когнитивного (знаниевого), предполагающего выявление уже сформированных в коллективном сознании знаний и представлений о предмете изучения;
- аффективного, характеризующегося эмоционально-образным восприятием той или иной предложенной позиции;
- поведенческого, когда совпадение знаниевого и аффективного восприятия формирует как непосредственно стимул к социальному действию или потенциальной политической активности.

В большинстве случаев, при всей множественности и разнонаправленности ассоциаций, формируются два основных ассоциативных ряда: атрибутивный (характеризующий статус той или иной категории), и образный (отражающий ее эмоционально-образное восприятие в групповом сознании). Соответственно результаты ассоциативного эксперимента дают возможность выявить не только ценностное и эмоционально-образное, но также функциональное, институциональное восприятие, в

некоторых случаях, скрытые, латентные оценки и глубинные (архетипические) представления группы. Это связано, в первую очередь, с тем, что «язык может рассматриваться как отражение коллективной ментальности той или иной социальной группы», а «отношение человека к слову предопределено так называемой ассоциативно-вербальной сетью» [44, с. 12]. Сопоставление и сравнительная характеристика полученных результатов по группам позволяет выявить особенности восприятия относительно:

1) главных отличительных признаков белорусского менталитета и факторов, их формирующих: общих традиций и общей исторической памяти, места и роли православия и РПЦ, как одного из оснований РМ, в развитии «русской цивилизации»;

2) наиболее значимых для той или иной группы исторических этапов для развития белорусской государственности (приоритетной модели исторического прошлого, доминирующей в коллективном сознании);

3) актуальности для белорусского общества как самих идей РМ, так и перспектив их возможной реализации в контексте участия Республики Беларусь в международных интеграционных процессах.

Анализ полученных в ходе исследований данных выявил следующее. Обе группы респондентов в целом высоко оценивают суверенитет и независимость Республики Беларусь, самобытность национальной культуры. Основу же белорусского менталитета, по их мнению, составляют такие качества, как терпимость, трудолюбие и толерантность (*рисунок 1*).

Чувство принадлежности белорусов к славянскому миру отметили 31,7 и 19,7% респондентов соответственно. При этом в группе студенческой молодежи указанная черта белорусского менталитета не входит в число приоритетных. В данном случае необходимо принимать во внимание, что чувство общности, принадлежности к той или иной социальной группе, славянскому либо другому «миру» во многом зависит, помимо социального опыта, от особенностей восприятия исторического прошлого страны. В своем выступлении на торжественном открытии III ЦЦЦАссамблеи РМ Патриарх Кирилл отмечал, что одним из главных оснований РМ, помимо православной веры, является общая историческая память: «У наших народов присутству-

Алейникова С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд

Рисунок 1 – Основные отличительные черты белорусского менталитета (сравнение по группам, %)

ет сильное сознание непрерывности и преемственности русской государственной и общественной традиции, начиная со времени Киевской Руси и заканчивая нынешней Россией, Украиной, Беларуссией» [136].

Однако, говоря об исторической преемственности, следует констатировать, что решающим в формировании белорусской государственности как студенческая молодежь, так и работники идеологической вертикали считают исключительно новейшее время: обретение в 1991 г. Республикой Беларусь независимости, предшествующие независимости советский период и эпоху перестройки (60 и 56,9% соответственно). Периоды пребывания белорусских земель в составе Киевской Руси и Российской Империи, а также Великого княжества Литовского, по мнению респондентов, не оказали значимого влияния на формирование

национальных традиций. Подобное распределение оценок дает основание предположить достаточно поверхностное отношение указанных групп к генезису белорусской государственности и роли указанных факторов в современном этапе развития страны.

Высокая оценка именно советского периода в целом согласуется с соответствующими положениями теоретического среза идеологии белорусского государства. Попытки же нивелирования в ряде постсоветских стран значимости данного этапа (постепенное замещение либо прямой запрет советской символики, дискредитация советского прошлого и т.п.) вызывают либо разобщение общества, либо реакцию социального противодействия. В качестве примера подобного противодействия можно привести акции «георгиевской ленточки» и «бессмертного полка», зародившиеся в российском обществе стихийно как ответная реакция на политику десталинизации и систему мер по исключению «ненужной памяти», ставшие в итоге мощным консолидирующим фактором и одним из эффективных инструментов «мягкой силы».

Отличительной чертой коллективного восприятия изучаемых групп является цельность их аксиологического фундамента, проявляющаяся в отсутствии мировоззренческих антагонизмов. Два блока ценностей (религиозных и либеральных), в концепте РМ традиционно противопоставляемых друг другу, оцениваются в равной степени позитивно. Так, индивидуализм, вопреки активно внедряемому в общественное сознание стереотипу его инородности для славянского менталитета, имеет четко выраженный позитивный ассоциативный ряд, включающий в себя такие позиции, как «личность», «ответственность» и «самобытность». Следует заметить, что в числе значимых ассоциаций присутствует и негативное «эгоизм», однако является единичным. Коллективизм воспринимается через родственные «команда», «единомыслие», «группа», «коллектив».

Сопоставляя данные анкетного опроса, в котором индивидуализм как черта белорусского менталитета занял одно из последних мест, с результатами ассоциативного эксперимента, представляется обоснованным предположить существующее расхождение противоречием между декларативной, формальной оценкой (анкета) и фактическим отношением (ассоциации).

Подобное противоречие, с одной стороны, свидетельствует о стереотипности коллективного восприятия, в значительной степени обусловленной влиянием на него российских идеологем, основной целевой функцией которых традиционно является противопоставление враждебной внешней среде (Европе, Западу и т.п.). С другой стороны, о преобладании глубинных, сформированных в ходе исторического развития, представлениях о самобытности белорусского народа, осознании своей ответственности за текущее состояние и будущее развитие страны.

Кроме этого, можно отметить в целом равное позитивное восприятие как светских конституционных принципов развития современного демократического государства (либерализм, права человека, демократия), так и основных религиозных идеологических трендов, активно продвигаемых в том числе в рамках идеологии РМ (религия, духовность, вера). Основными условиями политического развития Республики Беларусь респонденты назвали демократию и выборность органов государственной власти. Демократия в обеих группах ассоциируется со свободой и справедливостью. Следует отметить, что в группе студенческой молодежи в число наиболее часто упоминаемых ассоциаций вошла позиция «народ». В группе работников идеологической вертикали применительно к «демократии» подобная ассоциация отсутствует.

Еще одним важным условием выступает соблюдение прав человека. Концепция прав человека воспринимается и как инструмент защиты интересов гражданина, и как универсальная ценность, усредненный стандарт поведения, необходимый для бесконфликтного взаимодействия в поликультурном мире. Отношение к государству лишено характерных для «русской идеи» и идеологии РМ сакральных оснований и связано, в первую очередь, с возможностью реализации им социальных функций. Приведенный перечень приоритетов (демократия, права человека, социальный характер государства) в полной мере соответствует стратегическому направлению государственного развития, закреплённому в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» [259].

Относительно религиозного фактора (православная вера и общие христианские ценности) подавляющее число респондентов считают, что именно православие оказало наибольшее влияние на формирование белорусской культуры и менталитета. Однако как фактор развития интеграционных процессов, связей Республики Беларусь с Россией и одно из оснований РМ православие рассматривают 18,8% представителей студенческой молодежи и 17,6% – работников идеологической вертикали. Обращает на себя внимание расхождение оценок в группах и относительно таких позиций, как вера в бога и приверженность христианским ценностям. Для работников идеологической вертикали очевидно восприятие религии преимущественно как социокультурной традиции. Для студенческой группы значимыми являются религиозность и вера в бога, что может свидетельствовать о декларативном, заявительном характере веры, не требующей ее ценностного измерения, а также следования традиционным обрядовым нормам.

Блок ассоциаций, связанных с оценкой религиозного влияния, в значительной степени «размыт», характеризуясь отсутствием смыслового ядра и множественностью разрозненных ассоциаций, т.е. отсутствием сформированных внятных представлений о религии, ее роли и месте в белорусском обществе. Само православие ассоциируется с «церковью», «верой», «храмом» и «богом», а также стереотипным набором таких атрибутов «народного», «обрядового» православия, как: «свеча», «икона», «батюшка», «пост» и т.п. В то же время в отношении позиции-стимула «Католицизм» присутствует четко выраженная геополитическая направленность («Папа Римский», «Польша», «Запад», «костёл»). Применительно к РПЦ основной ассоциативный ряд составили «вера», «Патриарх», «храм» и «деньги», какие-либо ассоциации с христианством отсутствуют.

В совокупности полученные результаты позволяют говорить скорее о традиционном, социокультурном, нежели функциональном либо институциональном подходе респондентов к данному социальному институту. Православная вера и РПЦ, несмотря на отдельные негативные ассоциации, представляются значимыми в структуре культурных стереотипов респондентов. Однако данные позиции пока не являются стимулами социальной деятельности и в качестве консолидирующего фактора, как и признака при-

надлежности к РМ, рассматриваться не могут. Соответственно РМ как религиозный проект в настоящее время не соответствует реалиям и социальным ожиданиям белорусского общества.

Данный тезис подтверждается также тем, что по результатам анкетного опроса, среди социально-политических институтов, наиболее эффективных в налаживании интеграционных процессов, РПЦ заняла последнее место, так как, по мнению более половины респондентов, Церковь призвана решать иные, неполитические задачи. Кроме этого РПЦ, как и другие религиозные организации, согласно нормам национального законодательства в сфере реализации свободы совести, отделена от государства. Возможно, подобное восприятие РПЦ объясняется также и тем, что идеологические доктрины традиционных конфессий, изначально выступая в качестве противопоставления (восточного – западному, нематериального – материальному, общего – личному, добра – греху и т.п.), трансформируются в инструмент формирования образа «врага» (Европы, либеральных ценностей, индивидуализма и т.д.). Общая сравнительная характеристика восприятия религиозного фактора в структуре ассоциаций обеих групп респондентов представлена в *Таблице 2*.

Внешнеполитические ориентации респондентов однозначны – главным направлением развития внешней политики Республики Беларусь обе группы считают укрепление связей с Россией. Однако, помимо общей культуры двух славянских народов, связывается это направление, в первую очередь, с экономической целесообразностью: зависимостью белорусской экономики от импорта российских энергоресурсов, единым торгово-экономическим пространством и перспективными рынками сбыта. Такие социокультурные факторы, как общий государственный (русский) язык и христианские ценности являются для респондентов малозначимыми, выявляя тем самым, с одной стороны, достаточно жесткий прагматизм, с другой – в некоторой степени их традиционализм.

В качестве приоритетных направлений с практически равными значениями указаны развитие связей с другими государствами СНГ, Евросоюзом, а также странами Азиатского региона (Китай, Индия и др.). Около трети респондентов высказалось за многовекторность внешней политики и равное партнерство со

Таблица 2 – Религиозный фактор в структуре ассоциаций, сравнение по группам

Позиция (слово-стимул)	Студенческая молодежь			Работники идеологической вертикали		
	ассоциативное ядро	основной ассоциативный ряд	значимые негативные ассоциации	ассоциативное ядро	основной ассоциативный ряд	значимые негативные ассоциации
РПЦ	нет	1) Патриарх 2) Вера 3) Религия 4) Объединение	1) Секта 2) Деньги 3) Ложь	нет	1) Вера 2) Крест 3) Свечи 4) Москва	1) Деньги 2) Коррупция
Религия	нет	1) Церковь 2) Православие 3) Христианство 4) Католицизм	нет	Вера	1) Бог 2) Церковь 3) Православие	1) Опий 2) Догма
Христианство	нет	1) Религия 2) Церковь 3) Крест 4) Православие	1) Поборы	нет	1) Вера 2) Религия 3) Духовность	нет
Православие	нет	1) Церковь 2) Религия 3) Икона 4) Храм	1) Нравоучения 2) Давка	нет	1) Религия 2) Вера 3) Батюшка 4) Бог	1) Цирк 2) Манипулирование
Католицизм	Папа римский	1) Вера 2) Польша 3) Костел 4) Ксёндз	нет	нет	1) Вера 2) Папа римский 3) Религия 4) Запад	1) Растление
Униатство	нет	1) Религия 2) Церковь 3) Союз	нет	нет	1) Соединение 2) Терпение 3) ВКЛ	1) Чужое 2) Насажде-ние
Ислам	нет	1) Вера 2) Аллах 3) Война 4) Терроризм	1) Война 2) Терроризм 3) Кровь 4) Зло	нет	1) Вера 2) Коран 3) Мусульмане 4) Восток	1) Терроризм 2) Страх
Язычество	нет	1) Религия 2) Идол 3) Многобожие 4) Древность	нет	нет	1) Древность 2) Вера 3) Природа 4) Жертво-приношение	нет

всеми странами и регионами. Возможность сотрудничества с НАТО и США, по крайней мере, в ближайшее время, как будущими управленцами, так и работниками идеологической вертикали, не рассматривается. В то же время причинами, препятствующи-

Алейникова С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд

Рисунок 2 – Основные перспективные направления внешней политики Республики Беларусь (сравнение по группам, %)

ми, по мнению респондентов, расширению связей Республики Беларусь с США, ЕС и НАТО, являются «внешнеполитическая и экономическая зависимость от России» и «искусственная внешнеполитическая изоляция Республики Беларусь». «Осознание своей независимости и самобытности» граничит с «экономической и финансовой нецелесообразностью», учитываются также и личные предпочтения руководства страны (*Рисунок 2*).

Следует отметить, что в оценках респондентами внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь, в отличие от оценки религиозного фактора, преобладает прагматичность и ориентированность на получение конкретного результата, т.е. эффективность межсубъектного взаимодействия. Осознание единства с восточнославянским миром в сфере внешней политики не является определяющим фактором – данная позиция заняла последнее место. Приоритет стратегических направлений определяется исходя не из сложившихся в той или иной среде стереотипов или субъективных предпочтений, а объективной экономической и геополитической целесообразности. Это позволяет сделать вывод

о выраженной дифференциации подходов: традиционном – применительно к религиозным и социокультурным факторам (православная вера, общие традиции и ценности и т.п.), и целерационального – во внешнеполитической сфере (наличие сырьевых и энергетических ресурсов, перспективных рынков сбыта и т.п.).

Что касается непосредственно идей РМ и перспектив их возможной реализации, то в обеих группах отмечается двойственность восприятия. С одной стороны, в отношении РМ преобладает некоторый скептицизм: по итогам ранжирования лидерами выступили такие позиции-определения РМ, как «утопия», «утрата независимости и суверенитета Республики Беларусь». Около 20% респондентов отметили, что Беларусь – самобытное государство со своей уникальной культурой, языком, традициями и ценностями и ей не нужно ни с кем объединяться. С другой стороны, РМ рассматривается как ответ на попытки посягательства и давления на суверенитет и независимость Республики Беларусь со стороны Запада и, соответственно, – как возможная альтернатива развития внешней политики (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Отношение к возможной реализации идеи РМ (сравнение по группам, %)

Подтверждением «размытости» идеи РМ в белорусском обществе выступают и данные ассоциативного эксперимента, характеризующиеся множественными разрозненными ассоциациями. Довольно обширный ассоциативный ряд, не содержащий в себе явных предпочтений или антипатий, можно охарактеризовать как в целом позитивный, но достаточно абстрактный («единство», «общность», «идеология», «союз»). Имеют место и такие негативные ассоциации, как «сказка», «отсталость», «разобщение», «шовинизм», «национализм» и др., однако находятся на периферии группового сознания, имея невысокую частоту упоминания. Сравнительная характеристика полученных результатов по группам позволяет сделать следующие обобщения. В обеих группах присутствует достаточно выраженное смысловое «ядро»: РМ у большинства респондентов ассоциируется с «Россией». Относительно признаков и оснований РМ следует отметить некоторые расхождения.

У работников идеологической вертикали идеология РМ персонифицирована и в качестве ее источника отсылает не к философским или религиозным основаниям «русской идеи», а к личности В. Путина, в риторике которого неоднократно озвучивались те или иные аспекты РМ. В то же время, в числе основных признаков РМ заявлены «русский язык», «история» и «свобода». К распространенным ассоциациям, характеризующим основную целевую направленность РМ, можно отнести родственные «единство» и «объединение», что свидетельствует о преобладании в данной группе функционального, инструменталистского подхода. Студенческая молодежь также отождествляет РМ с Россией, однако, помимо русского языка, ориентирована на другой ряд ключевых признаков: «православие» и «славяне», а также присутствие в РМ Беларуси и Украины. Популярность религиозного фактора согласуется с результатами анкетного опроса, выявившего значимость для студентов такой черты белорусского менталитета, как религиозность и вера в бога. Кроме этого, в группе будущих управленцев ассоциативные ряды выражены менее явно и соответственно в меньшей степени структурированы (Рисунок 4):

Учитывая достаточно «размытые» представления о концепте РМ, отдельный интерес представляет сравнение коллективных представлений (образов) стран «Святой Руси» – «ядра» РМ: Беларуси, России и Украины. Россия ассоциируется с атрибутивными «Путин», «великая», «братья», а также нейтральными «страна», «соседи» и «большая». К числу наиболее укоренных ассоциаций можно также отнести «нефть» и «газ». В целом, при всем разнообразии и множественности смысловых рядов, следует отметить стереотипный и в некоторой степени прагматичный характер восприятия России. Цивилизационные и социокультурные основания, которым российскими авторами придается исключительное и порой сакральное для России и РМ значение, не нашли отражения в коллективных представлениях, сложившихся к настоящему времени как среди студенческой молодежи, так и работников идеологической вертикали. В контексте перспектив возможной реализации идей РМ и дальнейшего участия Республики Беларусь в интеграционных процессах подобное рациональное восприятие предполагает выстраивание не столько патерналистских, сколько партнерских отношений и соответственно принципов взаимодействия равноправных политических субъектов.

В отношении Украины у респондентов прослеживается двойственность восприятия. С одной стороны, ярко выраженным ассоциативным ядром предсказуемо стала «война» и родственные ей «нестабильность», «боль», «беспорядки» и т.п. Второй ряд ассоциаций – «Майдан» и «Крым», а также «братья» («друзья», «соседи», «свобода», «независимость»). С другой стороны, в отличие от достаточно прагматичного образа России, образ Украины характеризуется преимущественно эмоциональным восприятием, хотя также содержит атрибутивные признаки. Обращает на себя внимание и динамика ассоциаций по сравнению с исследованиями, проводившимися в 2012–2014 гг. Приходится констатировать значительное смещение акцентов с образно-эмоционального восприятия на институциональный подход («конфликт», «санкции», «Крым», «Евросоюз»). Подобная динамика может свидетельствовать о внешнем информационном влиянии, являясь иллюстрацией воздействия на восприятие той или иной группы.

Позиция-стимул «Беларусь» набрала самый обширный ассоциативный ряд, насчитывающий до тысячи позиций. Сравнение по группам выявляет тенденцию преобладания атрибутивных ассоциаций в группе работников идеологической вертикали, и эмоционально-образных представлений – у студенческой молодежи. Это дает возможность судить об этапах формирования ценностных категорий в той или иной группе и объясняется, в первую очередь, ее возрастными особенностями, накопленным социальным опытом, а также дифференциацией инструментов и методов внешнего информационного воздействия. Так, второй по частоте упоминаний ассоциацией после «Родины» стала «страна».

Структурирование полученных результатов позволяет условно выделить два ассоциативных ряда: атрибутивный и образный, которые в совокупности дают представление о ценностном фундаменте респондентов, смысловом «ядре» группового сознания, воплотившемся в идеологии белорусского государства. В числе основополагающих ценностей – независимость страны, роль государства и Президента Республики Беларусь в ее сохранении и защите. В то же время, если первый (атрибутивный) ассоциативный ряд типичен и достаточно предсказуем, то во втором ассоциативном ряду обращает на себя внимание то, что главными ценностями стали «мир» и «спокойствие» (Таблица 3). Как отмечал глава белорусского государства А.Г. Лукашенко, на фоне конфликта в Украине белорусы еще больше стали ценить мир в своем доме [344].

Таблица 3 – Структура восприятия позиции-стимула «Беларусь» (по частоте упоминания)

Ассоциативный ряд-1 (атрибутивный)	Ассоциативный ряд-2 (образный)
1) РОДИНА	1) Дом
2) Страна	2) Мир
3) Лукашенко	3) Спокойствие
4) Государство	4) Озера
5) Независимость	5) Картошка
6) Минск	6) Чистая

Анализ полученных в ходе анкетного опроса и ассоциативного эксперимента результатов дает основание заключить, что в настоящее время у респондентов обеих групп нет четко сформированного представления как о самой идее РМ, так и о возможных перспективах ее реализации. К числу оснований РМ можно отнести русский язык, общую культуру и традиции. Расхождение в оценках трех других оснований РМ (православная вера, общие представления об историческом прошлом и единая система ценностей), а также отсутствие ассоциативного ядра по предложенным позициям свидетельствует о том, что эти представления пока либо вообще не сформированы, либо слабо структурированы, т.е. не являются значимыми в ценностно-мотивационной системе той или иной группы. Это может свидетельствовать о следующих факторах.

Во-первых, при всем многообразии существующих к настоящему времени подходов к концепту РМ, основной проблемой является неразработанность его главной составляющей – целевой функции и обусловленной ею перечня стратегических задач. Во всех подходах к РМ ключевой выступает идея (идеология) объединения, включающая в себя перечень: а) оснований РМ (русский язык и культура, общие традиции и представления об историческом прошлом, православная вера и др.); б) признаков (условий) принадлежности к РМ (осознание общности к общей исторической Родине, лояльность России и др.), и в ряде случаев, – в) возможной политической формы его реализации (сетевая структура, империя и т.п.). В то же время, как в российском научном дискурсе, так и в политическом пространстве отсутствуют единые представления о главном целевом назначении РМ (создание нового «полюса силы», экономическая интеграция, консолидация русскоязычных диаспор, развитие русского языка, цивилизационное противостояние, воссоздание Византийской империи и т.п.). Соответственно о полноценном политическом предложении, которое представляло бы предметный интерес для всех потенциальных стран-участниц РМ, можно говорить после артикуляции в общественное сознание цели РМ. Пока целевая функция как выражение общего интереса не определена, РМ нельзя отнести к разряду политической идеологии, стратегии или проекта.

Во-вторых, о несформированности в обществе представлений о РМ, что является непосредственным следствием недостаточной разработанности самого концепта РМ, неопределенности до настоящего времени его основной целевой функции. Тем не менее, вариативность уже сформулированных признаков принадлежности к РМ обуславливает дифференциацию общества в зависимости от приоритетных ценностно-мировоззренческих установок и сферы интересов той или иной группы.

Многофункциональность концепта РМ дает возможность использовать его в качестве инструмента влияния на общественное (коллективное, групповое) сознание и социального управления, прежде всего, внутривнутриполитическими процессами. Так, в российском обществе, в зависимости от целевой аудитории, на которую распространяется информационное воздействие, в концепт РМ закладываются различные основания и механизмы реализации. РМ может быть представлен религиозным проектом, «русской идеей», моделью исторического прошлого, ценностно-философской категорией и т.п., но так или иначе идеей объединения. В Украине концепт РМ используется, главным образом, в качестве инструмента противопоставления, т.е. дезинтеграции. Обе эти взаимоисключающие функции (интеграция и дезинтеграция) необходимо учитывать при оценке возможного влияния концепта РМ на политическое развитие Республики Беларусь.

В-третьих, об индифферентном отношении и в целом не оформившихся социальных ожиданиях, т.е. не востребоваемости концепта РМ в его существующем виде. В данном контексте необходимо принимать во внимание условие взаимной политической мотивации сторон и, в первую очередь, то обстоятельство, что в распространении и воплощении идей РМ заинтересована Россия. Для Российской Федерации, как источника и «ядра» РМ, другие страны-участницы РМ так или иначе являются «периферией», но, в то же время, – необходимым условием реализации своих геополитических устремлений. Российская сторона в значительно большей степени заинтересована в реализации идей РМ, чем его остальные потенциальные страны-участницы, что в интеграционных процессах создает преимущества именно Республике Беларусь как традиционному «мосту» между Востоком и Западом.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.

1. Основными тенденциями интерпретации концепта РМ в украинском научном и общественно-политическом дискурсе являются: критическая оценка РМ в отношении: исторических источников и концепций, предлагаемых российскими авторами; мировоззренческой составляющей РМ, обусловленной императивным выбором Россией конкретной модели исторического прошлого; использования концепта РМ в качестве инструмента российской пропаганды.

Соответственно отличительными признаками РМ выступают: а) понимание РМ как российского геополитического проекта, характеризующегося имперской направленностью, жесткой иерархией субъектов взаимодействия по схеме «центр–периферия», игнорированием исторических и социокультурных особенностей развития украинской государственности и рассматриваемого в качестве угрозы национальному суверенитету и независимости Украины; б) преобладание не институционального либо структурно-функционального, а конструктивистского и инструменталистского подходов к рассмотрению РМ; в) переориентация основной целевой функции РМ с интеграционной на дезинтеграционную.

2. В структуре идеологии белорусского государства непосредственное обращение к концепту РМ отсутствует. Что касается таких основных признаков РМ, как общее историческое прошлое, общие традиции и ценности, а также приоритеты геополитического развития, то их место и роль в структуре идеологии белорусского государства характеризуются:

а) синтезом положений двух концепций исторического прошлого: племенной и «древнерусской», связывающих генезис формирования белорусского этноса с расселением племен, а белорусской государственности – с фактом Крещения Киевской Руси;

б) влиянием на формирование традиционной белорусской культуры обеих ветвей христианства: как православия, так и католичества, обусловивших в итоге ее синтетичный и эклектичный характер;

в) отсутствием традиционного для «русской идеи» мессианства, культа цивилизационного противостояния «Запад–Вос-

ток», терпимым отношением ко всем аксиологическим системам, религиозным и культурным традициям, государствам и политическим образованиям;

г) выбором в качестве основного приоритета внешней политики строительство Союзного государства Беларуси и России при стремлении к эффективному и многостороннему взаимодействию со всеми странами и регионами.

3. В коллективном сознании белорусского общества представления о РМ в настоящее время в значительной степени «размыты», что является следствием недостаточной разработанности самого концепта РМ в части неопределенности его основной целевой функции и обусловленной ею перечня стратегических задач. К специфическим чертам восприятия РМ в белорусском обществе можно отнести:

а) высокую значимость советского периода и периода независимости в сравнении с иными, более ранними этапами исторического развития белорусской государственности;

б) осознание, с одной стороны, консолидирующей роли общих традиций и ценностей славянских народов, с другой – собственной самобытности и самостоятельности пути развития;

в) позитивное восприятие как западноевропейских либеральных (конституционно-правовых), так и традиционных ценностей: целостность аксиологического фундамента, отсутствие внутренней противоречивости национального менталитета, а также тенденций противопоставления культур и религий;

г) целерациональный подход выстраивания системы межсубъектного взаимодействия, основанный на приоритете интересов белорусского государства и принципе равноправного партнерства во внешнеполитических интеграционных процессах.

4. Основные положения идеологии белорусского государства (компромиссная позиция относительно общих представлений об историческом прошлом; отсутствие противопоставлений и антагонизмов; признание влияния на формирование белорусской государственности и национального менталитета различных культур и религий; приоритет на связи с Россией в сочетании с принципами добрососедства и многовекторности развития внешнеполитических связей) соответствуют социаль-

ным ожиданиям и представлениям, сложившимся в белорусском обществе.

РМ как идея объединения может быть востребована белорусским обществом на тех основаниях и условиях, при которых Республика Беларусь в полной мере сохранит свой суверенитет, право на собственное развитие и многовекторность внешнеполитических связей. Заинтересованность в реализации идей РМ, в первую очередь, российской стороны, предоставляет Республике Беларусь стратегические преимущества в определении и выборе оснований и условий потенциального участия в перспективных интеграционных проектах и соглашениях.

Заключение

РМ – глобальный российский культурно-цивилизационный и геополитический проект, целью которого является «собира-ние земель и народов» – реинтеграция постсоветских стран и русскоязычной диаспоры дальнего зарубежья на основе общих традиций и ценностей: русского языка и культуры, исторического прошлого, православной веры. В настоящее время попытки реализации идей РМ осуществляются, главным образом, через инструменты «мягкой силы»: такие неполитические институты, как религия, культура, образование и т.п. В то же время заявленное культурно-цивилизационное содержание РМ в сочетании с ожидаемой политической формой его воплощения ставит вопрос потенциальных роли и функций РМ в современных политических процессах, в том числе в контексте строительства Союзного государства Беларуси и России, других интеграционных проектов с участием Республики Беларусь. Анализ нормативных документов, политической и конфессиональной риторики, научной литературы и полученных эмпирических данных по рассматриваемой теме позволяет сделать следующие выводы.

1. К числу качественных характеристик в структуре основных теоретико-методологических подходов РМ относятся: а) критерии идентификации и принадлежности к РМ; б) его транснациональный, надтерриториальный и надгосударственный характер; в) реальные и потенциальные территориальные границы, тип и характер взаимосвязей внутри РМ, т.е. возможная политическая форма его воплощения.

Соответственно ключевыми признаками принадлежности к РМ являются: в культурно-цивилизационном подходе понятие «общности» – единства народов и этносов на основе общих цивилизационных традиций и духовных ценностей, русского языка и культуры, общих (конвенциональных) представлений об историческом прошлом; в религиозном подходе – православие и РПЦ как базовые ценности, культурно- и государствообразующие факторы становления и развития российской цивилизации; в геополитическом подходе – языковая принадлежность и идентификация с общей исторической Родиной (Российская Империя, СССР, Россия). Выделенные ключевые признаки принадлежности к РМ в различных подходах дают основание рассматривать его в качестве:

- а) модернизированного варианта «русской идеи»;
- б) религиозно-политического проекта РПЦ;
- в) инструмента «мягкой силы» Российской Федерации.

2. Культурно-исторический генезис концепта РМ в контексте формирования и развития «русской идеи» характеризуется, с одной стороны, внутренней неоднородностью и противоречивостью, с другой – наличием ряда устойчивых идеологем. К положениям, на разных этапах развития «русской идеи» характеризующихся противоречивыми позициями, относятся:

а) определение источника российской государственности: религиозного (Византийская империя и наследие Константинополя, Крещение Руси) и политического (Монгольская империя и наследие Чингисхана);

б) характер социально-политических взаимосвязей между субъектами РМ в части наличия или отсутствия статусной и ролевой иерархичности в структуре взаимоотношений «центр-периферия»;

в) определение приоритета внешнеполитического развития России: славянского, западноевропейского, евразийского.

К устойчивым идеологемам, составляющим «русскую идею» и оказавшимся востребованными современной российской идеологией, относятся: сакральность истоков российской государственности и обусловленные сакральностью ее происхождения вселенский характер РМ, мессианство, «особый путь», противопоставление России Европе (культивирование

оппозиции «свой–чужой»), конструирование образа «врага». Перечисленные идеологемы, укорененные в российском общественном сознании, легли в основу религиозно-политического проекта РМ, функция институционализации которого осуществляется РПЦ.

3. РМ в конструкции РПЦ характеризуется следующими особенностями: разграничением понятий РМ и России (Российской Федерации), являющейся лишь одной из составляющих «Святой Руси» (Беларуси, России и Украины) и равноправным субъектом РМ; отсутствием упоминания особой роли России в процессах возникновения и развития РМ и российской цивилизации; сочетанием культурного плюрализма и религиозного монополизма, цивилизационного измерения и ожидаемой политической формы воплощения РМ; вселенским характером, предполагающим вторичность русского языка и культуры по отношению к православию, позволяющим говорить о конструировании РПЦ не «русского», а «православного» мира; многофункциональностью концепта (модели) и вариативностью признаков РМ в зависимости от целевой аудитории (социальной группы или общности).

4. Реализация функционального потенциала концепта РМ в первую очередь через такие неполитические институты, как РПЦ, образование, культура, дает основание рассматривать его в качестве одного из инструментов «мягкой силы», основными целевыми функциями которого являются:

а) формирование новой идентичности, прежде всего, в странах бывшего СССР, во-первых, для поддержания статуса русского языка и российского культурного влияния, и, во-вторых, легитимации политических решений, направленных на реинтеграцию стран постсоветского пространства (культурная, гуманитарная составляющая);

б) усиление внешнеэкономических, торговых, финансовых и иных межсубъектных связей, направленных на максимальное развитие интеграционных процессов (экономический базис).

Основными инструментами реализации РМ как «мягкой силы» выступают РПЦ, Россотрудничество и Фонд «Русский мир». Деятельность указанных институтов развивается по трем

основным направлениям: взаимодействие с диаспорой, поддержка русского языка, формирование позитивного имиджа России, и осуществляется через ряд государственных целевых программ и систему грантовой поддержки развития русского языка, культуры и международного имиджа России.

5. Основными тенденциями в интерпретации концепта РМ в украинском научном и общественно-политическом дискурсе являются: критическая оценка РМ в отношении: исторических источников и концепций, предлагаемых российскими авторами; мировоззренческой составляющей РМ, обусловленной императивным выбором Россией конкретной модели исторического прошлого; использования концепта РМ в качестве инструмента российской пропаганды. Соответственно отличительными признаками украинского варианта РМ выступают:

а) понимание РМ как российского геополитического проекта, характеризующегося имперской направленностью, жесткой иерархией субъектов взаимодействия по схеме «центр–периферия», игнорированием исторических и социокультурных особенностей развития украинской государственности и рассматриваемого в качестве угрозы национальному суверенитету и независимости Украины;

б) преобладание конструктивистского и инструменталистского подходов к рассмотрению РМ над институциональным либо структурно-функциональным;

в) переориентация основной целевой функции концепта РМ с интеграционной на дезинтеграционную.

6. В работах по идеологии белорусского государства непосредственное обращение к концепту РМ отсутствует. Что касается таких основных признаков РМ, как общее историческое прошлое, общие традиции и ценности, а также приоритеты геополитического развития, то их место и роль в структуре идеологии белорусского государства характеризуются:

а) компромиссной позицией относительно общих представлений об историческом прошлом – в частности, совмещением и синтезом положений двух концепций: племенной и «древнерусской», связывающих генезис формирования белорусского этноса с расселением племен, а белорусской государственности – с фактом Крещения Киевской Руси;

б) влиянием на формирование традиционной белорусской культуры обеих ветвей христианства: как православия, так и католичества, обусловивших в итоге ее синтетичный и эклектичный характер;

в) отсутствием традиционного для «русской идеи» мессианства, культа цивилизационного противостояния «Запад–Восток», терпимым отношением к различным аксиологическим системам, религиозным и культурным традициям, государствам и политическим образованиям;

г) выбором в качестве основного приоритета внешней политики строительства Союзного государства Беларуси и России при стремлении к эффективному и многостороннему взаимодействию со всеми странами и регионами.

7. В коллективном сознании белорусского общества представления о РМ в настоящее время в значительной степени разрознены и фрагментарны, что является следствием недостаточной разработанности самого концепта РМ в части неопределенности его основной целевой функции и обусловленного ею перечня стратегических задач. К специфическим чертам восприятия идей и оснований РМ в коллективном сознании белорусского общества можно отнести:

а) высокую значимость советского периода и периода независимости в сравнении с иными, более ранними этапами исторического развития белорусской государственности;

б) осознание, с одной стороны, консолидирующей роли общих традиций и ценностей славянских народов, с другой – собственной самобытности и самостоятельности пути развития;

в) позитивное восприятие как западноевропейских либеральных (конституционно-правовых), так и традиционных ценностей: целостность аксиологического фундамента, отсутствие внутренней противоречивости национального менталитета, а также тенденций противопоставления культур и религий;

г) целерациональный прагматичный подход выстраивания системы межсубъектного взаимодействия, основанный на приоритете социально-экономических интересов белорусского государства и принципе равноправного партнерства во внешнеполитических интеграционных процессах.

Основные положения идеологии белорусского государства (компромиссная позиция относительно общих представлений об историческом прошлом; отсутствие противопоставлений и антагонизмов; признание влияния на формирование белорусской государственности и национального менталитета различных культур и религий; приоритет на связи с Россией в сочетании с принципами добрососедства и многовекторности развития внешнеполитических связей) соответствуют социальным ожиданиям и представлениям, сложившимся в белорусском обществе.

8. Во всех существующих к настоящему времени подходах к РМ основной выступает идея (идеология) объединения, включающая в себя перечень:

а) оснований РМ (русский язык и культура, общие традиции и представления об историческом прошлом, православная вера и др.);

б) признаков (условий) принадлежности к РМ (осознание общности к общей исторической Родине, лояльность России и др.) и в ряде случаев, –

в) возможной политической формы его реализации (сетевая структура, империя, «государство-мир» и т.п.).

Однако, при всем многообразии подходов к РМ, основной проблемой является неразработанность и отсутствие единых представлений о его главной составляющей – целевой функции (создание нового «полюса силы», экономическая интеграция, консолидация русскоязычных диаспор, развитие русского языка, воссоздание Византийской империи и др.) и обусловленного ею перечня стратегических задач.

Вариативность уже сформулированных оснований, признаков и условий принадлежности к РМ предполагает дифференциацию общества по сферам интересов той или иной группы. В зависимости от целевой аудитории, на которую распространяется информационное воздействие, в концепт РМ закладываются различные основания и механизмы реализации. РМ может быть представлен геополитической стратегией, религиозным проектом, «русской идеей», моделью исторического прошлого, ценностно-философской категорией и т.п. Многофункциональность концепта РМ дает возможность использовать его в каче-

стве инструмента политического управления, что необходимо учитывать при оценке его возможного влияния на политическую ситуацию в Республике Беларусь.

РМ как идея объединения может быть востребована белорусским обществом на тех основаниях и условиях, при которых Республика Беларусь в полной мере сохранит свою независимость, суверенитет, право на собственное развитие и многовекторность внешнеполитических связей. Заинтересованность в реализации идей РМ, в первую очередь, российской стороны, предоставляет Республике Беларусь стратегические преимущества в выборе оснований и условий потенциального участия в возможных перспективных интеграционных проектах и соглашениях, укреплении ее роли на мировой политической арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авксентьев, В.А. Российская цивилизация: обретение идентичности / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов // *Обозреватель-Observer*. – 2014. – № 10 (297). – С. 16–27.
2. Агеева, В.Д. Российская «мягкая сила» и ЕАЭС: в поиске ценностного измерения евразийской интеграции / В.Д. Агеева // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 34–41.
3. Агеева, В.Д. Российская мягкая сила: между «Русским миром» и Евразией / В.Д. Агеева // *Наука Красноярья*. – 2016. – № 1 (24). – С. 8–24.
4. Аксаков, И.С. Наше знамя – русская народность / И.С. Аксаков / Составление и комментарии С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
5. Аксаков, И.С. Собр. соч. / И.С. Аксаков – М.: Типография М.Г. Молчанинова, 1886–1887. – Т. 1. – 791 с.
6. Аксаков, К.С. Литературная критика / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков / Сост., вступит. статья и коммент. А.С. Курилова. – М.: Современник, 1981. – С.
7. Аксюмов, Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.13 / Б.В. Аксюмов; ГОУ ВПО «Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2009. – 53 с.
8. Акт о каноническом общении // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2007. – № 3. – С. 45–46.
9. Акчурин, Т.Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) / Т.Ф. Акчурин // *Пространство и Время*. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
10. Алаев, Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России / Л.Б. Алаев // *Историческая психология и социология истории*. – 2008. – № 2 (2). – С. 87–112.
11. Алейникова, С.М. Религиозная политика Беларуси и России: формирование образа стран в Докладе Госдепартамента США / С.М. Алейникова // *Проблемы управления*. – № 2 (47). – 2013. – С. 134–136.
12. Алейникова, С.М. Религия в политических процессах (обзор белорусских диссертаций за 2004-2014 годы) / С.М. Алейникова // *Социология религии в обществе Позднего Модерна : сборник статей по материалам Пятой*

- Юбилейной Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 25-26 сентября 2015 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. – С. 7–19.
13. Алейникова, С.М. Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально / С.М. Алейникова, С.А. Бурьянов / под ред. И. Кондратьева – М.: Фонд Здравомыслие. – 2015. – 58 с.
 14. Алейнікова, С. Конструювання Російською православною церквою образу Великої Вітчизняної війни у контексті інформаційної безпеки Росії, України та Білорусі / С. Алейнікова // Гілея: науковий вісник. – Випуск 77 (№ 10). – 2013. – С. 314–318.
 15. Александров, В.Б. Идея социальной иерархии в русской религиозной философии / В.Б. Александров // Управленческое консультирование. – 2014. – № 7. – С. 171–179.
 16. Алексеев, Н.Н. Евразийцы и государство / Н.Н. Алексеев // Евразийская хроника. – 1927. – Вып. 9. – С. 150–180.
 17. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: «Аграф», 1998. – 640 с.
 18. Алексеенко, А.П. Право и государство в трудах Н.А. Бердяева / А.П. Алексеенко // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – Т. 8. – № 1 (32). – С. 71–81.
 19. Алиева, И.Х.К. Юрий Крижанич: проекты государственно-правовых реформ и модель формы правления для России : автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.Х.К. Алиева; Российская академия образования. – Нижний Новгород, 2012. – 35 с.
 20. Аль-Дайни, М.А. Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ : автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 19.00.12 / М.А. Аль-Дайни; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М. – 26 с.
 21. Андреев, А.Л. Место России в мире: Европа или Евразия? / А.Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 1 (95). – С. 122–134.
 22. Андреев, А.Л. Российский менталитет и проблема модернизации/ А.Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 3 (97). – С. 116–137.
 23. Андреев, А.Л. Русская мечта: взгляд социолога/ А.Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 1 (113). – С. 95–108.
 24. Андреев, А.Л. Русский мир как фактор российской политики / А.Л. Андреев // Мир и политика. – 2011. – 10 января. – С. 94–102.
 25. Антипенко, Л.Г. Язык, идеология и национальная идентичность / Л.Г. Антипенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum-ruslad.ru/oldsite/html/l-g-antipenko-yazy-k-ideologiya-i-natsional-naya-identichnost.html>. – Дата доступа: 30.12.2015.

26. Антонович, И.И. Социодинамика идеологий / И.И. Антонович / под ред. Э.Н. Короливецкого. – Минск: «Навука і тэхніка», 1995. – 373 с.
27. Арутюнов, С. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс / С. Арутюнов, С. Козлов // Независимая газета. – 2015-12-01. – № 258 (6589) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspora.html. – Дата доступа: 01.12.2015.
28. Арутюнова, Е.М. «Русский вопрос» в официальном политическом дискурсе в последние годы / Е.М. Арутюнова // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – С. 2322–2325.
29. Ассамблея Русского мира 3 ноября 2012 г. Подиумная дискуссия «Год российской культуры»: Стенограмма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spa.msu.ru/>. – Дата доступа: 28.12.2015.
30. Астаф'єв, А.О. Українська культура: міжінноваційною глобалізацією та «повторною колонізацією» / А.О. Астаф'єв // Стратегічні пріоритети. – 2011. – № 1 (34). – С. 120–124.
31. Астахов, Е.М. Глобальная цивилизация и Россия / Е.М. Астахов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 5 (26). – С. 52–54.
32. Астахов, Е.М. Задачи России в информационной войне / Е.М. Астахов // Ежегодник Института международных исследований Московского гос. ин-та международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – № 2 (8). – С. 136–141.
33. Астахов, Е.М. Россия и «Русский мир» / Е.М. Астахов, Е.В. Астахова // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 1. – С. 316–322.
34. Бабосов, Е.М. Интеграция Беларуси, Казахстана и России – мощный ответ на вызовы XXI века / Е.М. Бабосов // Проблемы управления. – 2013. – № 3 (48). – С. 9–13.
35. Бабосов, Е.М. Основы идеологии современного государства / Е.М. Бабосов. – Минск: Амалфея, 2004. – 352 с.
36. Багдасарян, В.Э. Русскоязычная диаспора стран ближнего зарубежья в постсоветский период: историко-демографические процессы / В.Э. Багдасарян // Политика и общество. – 2015. – № 10. – С. – 1363–1374.
37. Баматгиреева, М.В. Концептуализация понятия «общность людей» в лексической системе и в фонде устойчивых единиц русского языка / М.В. Баматгиреева // Культурная жизнь юга России. – 2008. – № 4. – С. 146–149.
38. Баматгиреева, М.В. Концептуализация понятия «общность людей» в русской фразеологии / М.В. Баматгиреева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. – № 4. – С. 53–44.

39. Баранова, Е.С. Евразийцы в политико-правовой мысли России / Е.С. Баранова // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 440–441.
40. Бараш, Р. Разделенный русский народ или разделенная советская нация? / Р. Бараш // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русского издание. – 2012. – № 1. – С. 160–180.
41. Бараш, Р.Э. Русская идентичность: пределы политизации / Р.Э. Бараш // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всерос. научно-практ. конференции, Казань, 25–27 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 35–38.
42. Баровська, А.В. Інституційне забезпечення державної комунікативної політики: досвід країн Європи : аналіт. доп. / А.В. Баровська. – Київ: НІСД, 2014. – 72 с.
43. Бархагова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархагова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497>. – Дата доступа: 25.09.2013.
44. Басовская, Е.Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних (по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.) / Е.Н. Басовская // Политическая лингвистика. – 2005. – №16. – С. 12–19.
45. Батанова, О.Н. Понятие «соотечественник за рубежом» и его научно-правовая интерпретация / О.Н. Батанова // Вестник Национального института бизнеса. – Выпуск 6. – М.: Национальный институт бизнеса, 2008. – С. 75–83.
46. Батанова, О.Н. Русский мир / О.Н. Батанова // Международная жизнь. – 2008. – № 11. – С. 109–117.
47. Батанова, О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / О.Н. Батанова; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2009. – 24 с.
48. Батанова, О.Н. Русский мир как реальность и глобальный проект / О.Н. Батанова // Право и политика. – 2008. – № 12. – С. 3017–3021.
49. Бахлова, О.В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / О.В. Бахлова; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 42 с.
50. Бедаев, А.И. Святая Русь и русское средневековое искусство: философские аспекты взаимовлияния / А.И. Бедаев // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 49-50. – С. 46–51.

51. Безбородов, М.И. Международная деятельность русской православной церкви: внешнеполитические позиции и сотрудничество с государством / М.И. Безбородов // Социум и власть. – 2010. – № 3. – С. 84–89.
52. Безнюк, Д.К. Методологические аспекты анализа взаимодействия государства и религии/ Д.К. Безнюк // Социологический альманах. – 2010. – №1. – С. 106–113.
53. Безнюк, Д.К. Социодинамика отношений государства и церкви в Республике Беларусь: социологический анализ: автореф. дис. ...докт. соц. наук: 22.00.01 / Д.К. Безнюк; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 25 с.
54. Безнюк, Д.К. Структурные характеристики государственно-конфессиональных отношений и политики в делах религий / Д.К. Безнюк // Социология. – 2014. – № 4. – С. 29–35.
55. Беляя, Е.А. Концептуализация понятия «общность» в классической социологии / Е.А. Беляя // Социологический альманах. – 2010. – № 1. – С. 114–121.
56. Беляя, Е.А. Концептуализация понятия «общность» в современной социологии / Е.А. Беляя // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 302– 310.
57. Белла, Р. Гражданская религия в Америке / пер. с англ. С.Б. Веселова, В.А. Егоров // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – Выпуск 3. – С. 162–182.
58. Белла, Р. Социология религии / Р. Белла // Американская социология. Проблемы, перспективы, методы. –М.: Прогресс, 1972. –268 с.
59. Белова, О. Этнокультурный стереотип – между нормой и антинормой / О. Белова // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – С. 10–21.
60. Белоусов, А.А. Свобода без просветительства порождает анархию и произвол / А.А. Белоусов. – Владивосток: «Уссури», 2006. – 156 с.
61. Бельков, О.А. «Мягкая сила» – инструмент глобальной конкуренции в современном мире / О.А. Бельков // Военный академический журнал. – 2014. – № 2. – С. 107–113.
62. Беляков, С.С. Евразийство Л.Н. Гумилева / С.С. Беляков // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 4 (25). – С. 14–22.
63. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО Издательство АСТ, 2000. – 400 с.
64. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 246 с.
65. Бердяев, Н.А. Утопический этатизм евразийцев / Н.А. Бердяев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – С. 301–306.

66. Бердяев, Н.А. Философия неравенства письма к недругам по социальной философии / Н.А. Бердяев. – Берлин: Обелискъ, 1923. – 246 с.
67. Беспаленко, П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / П.Н. Беспаленко; Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2009. – 60 с.
68. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
69. Бжезинский, З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский / Пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 288 с.
70. Бильченко, Е.В. Концепт «Русский мир» в контексте культурологии / Е.В. Бильченко // Человек. Культура. Образование. – 2012. – №6. – С. 5–15.
71. Бобыло, А.М. Национальная стратегия «мягкой силы» во внешней политике США, КНР и Российской Федерации: основные направления и особенности регионального развития / А.М. Бобыло // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 31–39.
72. Богданов, С.В. Об определении «Всея Руси» в великокняжеской титулуре XIV–XV в. (по материалам актов XIV–XV в.) / С.В. Богданов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 4 (34). – С. 30–49.
73. Богінська, І. Геополітичні розрахунки Росії в «українській кризі»: острів Росія – континент Крим – держава Новоросія / І.Богінська // Східноукраїнський конфлікт в контексті глобальних трансформацій / Український інститут стратегій глобального розвитку і адаптації; Український культурологічний центр; ТОВ «Східний видавничий дім». – Донецьк, 2015. – С. 46–57.
74. Богословие свободы. Христианство и светская власть — от Миланского эдикта до наших дней. Выступление митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на открытии учебного года на Богословском факультете Южной Италии, 17 октября 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hilarion.ru>. – Датадоступа: 14.02.2016.
75. Борисов, А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации: (постатейный): с комментариями Конституционного суда Российской Федерации / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2009. – 271 с.
76. Борисов, Н.А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима: на примере идеологии белорусского государства / Н.А. Борисов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2012. – № 1 (82). – С. 29–40.

77. Бочкова, Л.В. Евразийская интеграция: теория и практика/ Л.В. Бочкова // Вестник Российского гос. аграрного заочного университета. – 2012. – № 12. – С. 5–9.
78. Бочкова, Л.В. Российская цивилизация – исторические традиции и образ будущего / Л.В. Бочкова // Вестник Российского гос. аграрного заочного университета. – 2013. – Т. 19. – № 14. – С. 8–12.
79. Бочкова, Л.В. Россия – Русский мир: выбор стратегии / Л.В. Бочкова // Вестник Российского гос. аграрного заочного университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 12–15.
80. Бочкова, Л.В. Русский мир: концепция, смысл, пространство / Л.В. Бочкова // Вестник Российского гос. аграрного заочного университета. – 2010. – № 9. – С. 17–20.
81. Бубнова, И.А. Цивилизационная матрица русского мира на переломных этапах истории страны/ И.А. Бубнова // Вестник Бурятского гос. университета. – 2014. – № 10-2. – С. 36–41.
82. Будаев, А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы / А.В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 48. – С. 189–205.
83. Буева, А.О. Постсоветская этнополитическая трансформация: Беларусь и Украина: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.О. Буева; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2016. – 27 с.
84. Буева, А.Р. Нация и государство. Пути постсоветской этнополитической трансформации: Беларусь и Украина / А.О. Буева // Белорусская думка. – 2014. – № 6. – С. 100–103.
85. Булгаков, В. История белорусского национализма / Валер Булгаков. – Вильнюс: Институт белорусистики, 2006. – 331 с
86. Буренок, А.И. Феномен политического насилия. Типология политического насилия / А.И. Буренок, Н.В. Анненкова, Е.В. Камнева // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: Материалы Всероссийской научной конференции. – 2014. – С. 57–60.
87. Бурьянов, С.А. Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 – начало 2016 г. / С.А. Бурьянов. – М.: Полиграф сервис, 2016. – 258 с.
88. Бурьянов, С.А. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – №1. – С. 136–151.
89. Бурьянов, С.А. Свобода совести как право человека и институт российского конституционного права / С.А. Бурьянов // Вестник Московского городского пед. ун-та. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1. – С. 23–30.

90. Бушуев, В.В. Историческая политика как инструментальная составляющая национальных политических систем: теоретический анализ / В.В. Бушуев, В.Д. Нечаев // Вестник Московского ун-та. – Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 1. – С. 18–26.
91. Бушуев, В.В. Проблема взаимосвязи «истории» и «политики» в социально-гуманитарном знании (теоретический анализ) / В.В. Бушуев // Ценности и смыслы. – 2011. – № 3. – С. 46–64.
92. Бызов, Л.Г. «Русский мир» – прошлое или будущее? Полемиические заметки на полях монографии М.А. Тарусина и А.А. Духанина «Национальная идентичность. Опыт социологического исследования» / Л.Г. Бызов // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 5 (99). – С. 265–271.
93. Бызов, Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы / Л.Г. Бызов // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 25–49.
94. Быкова, А.Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ценностей российской молодежи / А.Ю. Быкова // Социология власти. – 2001. – № 1. – С. 61–63.
95. Бычкова, О.И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения / О.И. Бычкова, И.И. Горлова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 268–272.
96. В ідеї «русского мира» закладено насилля, – Патріарх Філарет [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://risu.org.ua/>. – Дата доступа: 02.05.2016.
97. В канун начала учебного года диакон Андрей Кураев выступил за обязательность преподавания «Основ православной культуры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/286826.html>. – Дата доступа: 11.03.2016.
98. В Русской церкви говорят о росте числа крещений и несостоятельности неоязычества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=63794/> – Дата доступа: 15.07.2016.
99. В Церкви не желают, чтобы «Основы православной культуры» преподавали бывшие учителя физкультуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=38091>. – Дата доступа: 01.02.2016.
100. В Церкви обеспокоены навязыванием светских предметов в рамках курса основ религиозных культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=38091>. – Дата доступа: 21.02.2015.
101. Ваплер, В.Я. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы / В.Я. Ваплер, Н.Э. Гронская, А.С. Гусев [и др.] // Вопросы управления. – 2010. – № 10. – С. 22–27.

102. Вареник, М.С. Духовно-нравственные основы национальной идеологии современного российского общества): автореф. дисс. канд. соц. наук: 22.00.04 / М.С. Вареник; МГУ им. Ломоносова. – М., 2013. – 25 с.
103. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2001. – 205 с.
104. Васильчук, Є.О. Молодіжний політичний радикалізм та екстремізм у сучасній Україні: автореф. дис. ...докт. пол. наук: 23.00.03 / Є.О. Васильчук; Національний педагогічний ун-т ім. М. П. Драгоманова. – Київ, 2016. – 43 с.
105. Васильчук, Є.О. Політичний радикалізм та екстремізм у молодіжному середовищі України: монографія/ Є.О. Васильчук. – Черкаси: «Палліум», 2014. – 514 с.
106. Васильчук, Є.О. Релігійні джерела політико-ідеологічних доктрин праворадикальних об'єднань в Україні / Є.О. Васильчук // Стратегічні пріоритети. – 2013. – № 3 (28). – С. 97–102.
107. Васильчук, Є.О. Російський екстремізм в Україні : монографія / Є.О. Васильчук. – Черкаси : Видавець Ольга Вовчок, 2015. – 120 с.
108. Вахитов, Р.Р. Генеалогия евразийства: роль старших славянофилов / Р.Р. Вахитов // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 1503–1508.
109. Величко, О.И. Русская православная церковь и общественное сознание / О.И. Величко [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.isras.ru/index.php?page_id=1602&p=2&printmode/. – Дата доступа: 23.12.2016.
110. Верховский, А.М. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» / А.М. Верховский, Э.А. Паин // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2013. – № 4. – С. 23–46.
111. Ветренко, И.А. Игровые практики в политическом процессе: автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.02 / И.А. Ветренко; ГОУ ВПО «Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского». – Екатеринбург, 2000. – 44 с.
112. Ветринський, М. Геополітичні передумови російської агресії проти України / М. Ветринський // Гілея: научний вестник. – 2015. – № 99. – С. 316–320.
113. Владимир Путин назвал подписание Акта о каноническом общении событием всенародного и исторического масштаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 12.02.2016.
114. Владимірова, А.В. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» / А.В. Владимірова, В.А. Королев, А.А. Трунина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С. 209–228.

115. Власова, В.И. Виды идентичности русских / В.И. Власова // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И.В. Власова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 13–44.
116. Вовканыч, С.Й. Україні потрібна нова філософія буття нації та людини / С.Й. Вовканыч // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2012. – № 49. – С. 29–46.
117. Володина, Л.В. «Мягкая» сила как инструмент управления репутацией страны / Л.В. Володина, Т.Б. Кострицкая // Управленческое консультирование. – 2014. – № 5. – С. 25–30.
118. Волоцкий, Иосиф. Похвальное слово великому князю Василию III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/phtml>. – Дата доступа: 09.04.2016.
119. Вольтер, О.В. Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект): автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.01 / О.В. Вольтер; Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2010. – 54 с.
120. Вонсович, Л.В. Основы идеологии белорусского государства: ответы на экзаменац. вопр. / Л.В. Вонсович. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 176 с.
121. Воронкова, О.А. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985–2010 гг.) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / О.А. Воронкова; Ин-т социологии РАН. – М., 2011. – 26 с.
122. Вортман, Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века / Р. Вортман // РОССИЯ / RUSSIA. – Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. – М.: ОГИ, 1999. – С. 233–244.
123. Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с общественностью Карелии. Ответы на вопросы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1176977.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
124. Выжлецов, Г.П. Святая Русь и русская идея как духовно-культурные феномены национального самосознания / Г.П. Выжлецов, Н.Е. Выжлецова // Инновационное образование и экономика. – 2011. – №9. – С. 49–54.
125. Выступление В. В. Путина на Конгрессе соотечественников 11 октября 2001 г. // Журнал «Дипломатический вестник». – ноябрь 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/. – Дата доступа: 16.02.2016.
126. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mid.ru/>. – Дата доступа: 14.02.2016.

127. Выступление Министра иностранных дел России И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе 3 февраля 2004 г. // Сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2004. – 04 февраля. – С. 6.
128. Выступление Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, председателя Оргкомитета по проведению Года русского языка Д.А. Медведева на Конференции по статусу русского языка за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2007/05/30/yazik.html/>. – Дата доступа: 01.10.2015.
129. Выступление предстоятели РПЦ Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на расширенном заседании патриаршего совета по культуре // Русский мир-2012. – М.: Магистр: Инфра-М, 2015. – С. 7–13.
130. Выступление Святейшего Патриарха Алексия на очередной сессии ПАСЕ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html>. – Дата доступа: 20.05.2016.
131. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в прямом эфире украинского телеканала «Интер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/706055.html>. – Дата доступа: 29.01.2016.
132. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на I Калининградском форуме Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 30.04.2015.
133. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече со студентами калининградских вузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/595733.html>. – Дата доступа: 11.03.2016.
134. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
135. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XIX Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1392562.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
136. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
137. Гавров, С.Н. Россия после кризиса: возрождение всероссийского имперского мира / С.Н. Гавров // Управленческое консультирование. – 2009. – №4. – С. 88–95.

138. Галуцько, В.В. Вітчизняна війна українського народу 2014–2015 рр. / В.В. Галуцько // Науковий вісник публічного та приватного права. – 2015. – Випуск 2. – С. 3–10.
139. Ганопольский, М.Г. Понятие общности: основные трансформации и адекватные дефиниции / М.Г. Ганопольский, Ф.А. Селиванов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2008. – № 2. – С. 11–13.
140. Герасименко, И.Е. Ассоциативный эксперимент как инструмент исследования гендера / И.Е. Герасименко // Университет XXI века: исследования в рамках научных школ : Материалы науч. конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – 2013. – С. 41–43.
141. Герасимова, Е.А. Зарождение идеи древнерусской государственности в «Слове о законе и благодати» Илариона / Е.А. Герасимова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2008. – № 4. – С. 130–147.
142. Гермущка, Э. Славянский мир и его будущее / Э. Гермущка // Человек и общество в нестабильном мире: Материалы межд. научно-практ. конференции; отв. ред. Г.И. Тюменцева. – Омск, 2015. – С. 22–27.
143. Гефтер, М. Мир миров: российский зачин / М. Гефтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoo/geft.htm/>. – Дата доступа: 04.09.2015.
144. Гигин, В.Ф. Народное представительство как часть белорусской политической традиции / В.Ф. Гигин // Государственность – национальная идея Беларуси. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 69–97.
145. ГлавуУГКЦ Святослава (Шевчука) непокоїть підміна понять, коли говорять про «русский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://risu.org.ua/ua/index/all_news/community/religion_and_policy/41987/. – Дата доступа: 06.05.2016.
146. Главу Української Греко-Католицької Церкви Блаженнішого Святослава Шевчука непокоїть підміна понять, коли говорять про «російський світ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://risu.org.ua/>. – Дата доступа: 11.05.2016.
147. Гладышева, В.А. Идеологическая идентичность в современном российском обществе (социально-философский анализ): автореф. дисс. канд. филос. наук: 09.00.11 / В.А. Гладышева; ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Ростов-на-Дону, – 2012. – 29 с.
148. Голобородько, А.Ю. Государственная культурная политика в контексте конструирования дискурса «мягкой силы» / А.Ю. Голобородько // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015. – № 2 (5). – С. 315–319.

149. Головскер, Я.Э. Избранное. Логика мифа / Я.Э. Головскер. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. – 499 с.
150. Гольцов, А.Г. Імперська геостратегія Російської Федерації у світі: основні напрями та засоби реалізації / А.Г. Гольцов // Наукові праці МАУП. – 2014. – Вип. 42 (3). – С. 13–20.
151. Гольцов, А.Г. Неоімперський геополітичний проект «руського світу» / А.Г. Гольцов // Наукові праці МАУП. – 2014. – Вип. 43 (4). – С. 25–31.
152. Горбулін, В.П. «Гібриднавійна» як ключовий інструмент російської геостратегії реваншу / В.П. Горбулін // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 4 (33). – С. 5–12.
153. Горбулін, В.П. Україна і Росія: дев'ятий вал чи Китайська стіна / В. П. Горбулін, О.С. Власюк, С.В. Кононенко. – Київ: НІСД, 2015. – 132 с.
154. Горюнов, А. Социокультурная идентичность как проект / А. Горюнов, Л. Потанина, Е. Шабалкина // Власть. – 2014. – № 12. – С. 143–145.
155. Гостева, И.В. Лингвокультурологическое поле «духовность»: структура и динамика / И.В. Гостева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 36. – С. 34–39.
156. Государственная политика и управление: учебное пособие / С.В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – Минск: РИВШ, 2013. – 180 с.
157. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: утв. Указом Президента Российской Федерации, 22.06.2006, № 637.
158. Градировский, С. Русский мир как объект геокультурного проектирования / С. Градировский, Б. Межуев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 24.08.2015.
159. Градировский, С.Н. «Глобальное гражданство» и пределы демократизации / С.Н. Градировский, Б.В. Межуев // Политическая наука. – 2004. – № 1. – С. 22–29.
160. Грачев, Н.И. Империя как политико-правовой концепт современности / Н.И. Грачев // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2015. – № 1 (32). – С. 149–160.
161. Грачев, Н.И. Парадигма империи в современных политико-правовых исследованиях / Н.И. Грачев // Научный вестник волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 1. – С. 5–15.
162. Гребень, В.А. Основы идеологии белорусского государства: учебно-методический комплекс / В.А. Гребень. – 2-е изд. – Минск: Изд-во МИУ, 2009. – 424 с.
163. Громько, А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура / А. Громько // Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов; организованных фондом «Русский мир»; под ред. В. Никонова. – М.: Фонд «Русский мир». – С. 20–23.

164. Гумилев, Л.Н. От Руси до России / Л.Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 392 с.
165. Гуржи В.С. Наслідки реалізації доктрини «русскій мір» в Україні // Східноукраїнський конфлікт в контексті глобальних трансформацій / В.С. Гуржи // Український інститут стратегій глобального розвитку і адаптації; Український культурологічний центр. – Донецьк: ТОВ «Східний видавничий дім», 2015. – С. 34–40.
166. Гуржи, В.С. Релігійні витоки і цивілізаційний потенціал доктрини «русского міра» / В.С. Гуржи // Вододіли секуляризації / Український інститут стратегій глобального розвитку і адаптації. – Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2015. – С. 180–190.
167. Давыденко, С.С. Политика государства в отношении религиозных организаций в Республике Беларусь (теоретико-методологический аспект): автореф. дис. ...канд. пол. наук: 23.00.01 / С.С. Давыденко; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 21 с.
168. Давыдов, Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений / Ю.П. Давыдов // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 69–80.
169. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/dux/7615>. – Дата доступа: 11.03.2016.
170. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский / Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с.
171. Даренский, В.Ю. «Диалог культур»: панацея или новая мифология? / В.Ю. Даренский // Глобальное пространство культуры. Материалы межд. науч. форума 12–16 апреля 2005 г. – СПб.: Центр изучения культуры, 2005. – С. 212–216.
172. Даренский, В.Ю. Русский патриотизм и «русофобия» как детерминанты политической культуры (экзистенциальный аспект) / В.Ю. Даренский // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3 (43). – 138–146.
173. Дегтеренко, А.М. Політизація етнічності на прикладі «русинського питання» в Україні / А.М. Дегтеренко // Гілея: науковий вісник. – 2015. – №104. – С. 219–224.
174. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html>. – Дата доступа: 02.02.2013.
175. Дергунова, Н.В. З. Бжезинский: Европейский Союз и Российская Федерация – перспективы взаимодействия / Н.В. Дергунова, В.Н. Насыбуллова // Власть. – 2013. – № 8. – С. 156–159.
176. Дмитрачков, П. Происхождение белорусов: исторический аспект / П. Дмитрачков // Беларуская думка. – 2010. – № 8. – С. 52–57.

177. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soyuz.by/>. – Дата доступа: 10.06.2016.
178. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Международных Рождественских чтений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2746897.html>. – Дата доступа: 01.02.2015.
179. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
180. Долгишев, В.П. Русская православная церковь обретает силы в единстве / В.П. Долгишев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – № 6. – С. 11–14.
181. Дрвески, Б. Суверенитет народа Беларуси / Бруно Дрвески // Государственность – национальная идея Беларуси. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 195–212.
182. Дринова, Е.М. Религия и политический процесс: религиозно-политическая экспансия и политизация религии в современном мире : автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Е.М. Дринова; ФГАОУ ВПО «Южный федеральный ун-т». – Ростов-на-Дону, 2012. – 41 с.
183. Дробижева, Л.М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России / Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова // Политс. – 2015. – № 5. – С. 9–24.
184. Дробижева, Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л.М. Дробижева // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74–84.
185. Дубов, Д.В. «Цифровий суверенітет» у сучасному світі: виклики та можливості для України / Д.В. Дубов // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – 2015. – № 1. – С. 206–210.
186. Дубровин, В.Ю. Проблемы формирования идеи мессианства российского государства в светской и церковной идеологии / В.Ю. Дубровин // Перспективы и закономерности модернизации современного общества: новый взгляд (экономические, социальные, философские, политические, правовые общенаучные аспекты): Материалы междунаучно-практ. конференции. – 2014. – С. 158–161.
187. Дугин, А.Г. Россия может быть великой или никакой. Основы евразийства / А.Г. Дугин. – М.: «Арктогея-Центр», 2002. – 800 с.
188. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред.: А.Н.Красникова. – М.: Канон+, 1998. – С. 174–230.

189. Евразийство. Опыт систематического изложения. Евразийский манифест 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nnre.gu/istorija/kontinent_evrazija/. – Дата доступа: 18.04.2016.
190. Евстафьев, В.А. Совершенствование преподавания основ идеологии белорусского государства в университете: аксиологическое содержание, структура и проблемное поле / В.А. Евстафьев // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2015. – № 2. – С. 41–48.
191. Егоров, В.А. Гражданская религия в России / В.А. Егоров // Актуальная теология: материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Омск, 30 мая 2014 г.) / [отв. ред. Е.В. Кузьмина]. – Омск : Издво Ом. гос. ун-та, 2014. – С. 167–172.
192. Екадумова, И.И. Основы идеологии белорусского государства: конспект лекций / И.И. Екадумова, И.А. Кузнецова. – 4-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 128 с.
193. Емелькина, И.В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: автореф. дисс. докт. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Емелькина; НАЧОУ ВПО современная гуманитарная академия. – М., 2011. – 52 с.
194. Емельянов, С.А. Сколько стоит русская идея? Практические аспекты проблемы идеального и национального / С.А. Емельянов – СПб.: Алтейя, 2012. – 143 с.
195. Есин, Р.О. Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.04 / Р.О. Есин; БГУ. – Минск, 2012. – 40 с.
196. Жаде, З.А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / З.А. Жаде; ГОУ ВПО «Южный федеральный ун-т». – Краснодар, 2007. – 49 с.
197. Жаде, З.А. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2005. – № 2. – С. 59–63.
198. Жаде, З.А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире / З.А. Жаде // Власть. – 2014. – № 4. – С. 53–58.
199. Жаде, З.А. Россия в поисках региональной идентичности / З.А. Жаде // Вестник Московского ун-та. – Серия 12: Политические науки. – 2007. – № 6. – С. 58–67.
200. Жукова, Н.С. Сущность государственной идеологической концепции «Москва – Третий Рим» / Н.С. Жукова // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 115–118.
201. Жукова, О.А. Русская культура как основа национально-исторического бытия России / О.А. Жукова / Рос. акад. наук; ин-т философии

- РАН; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 50–92.
202. Закиров, М.Б. Социальный иерархизм Н.А. Бердяева: политологический аспект / М.Б. Закирова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10. – № 1. – С. 194–207.
203. Засухина, В.Н. Идея соборности как органичный элемент русской духовной культуры / В.Н. Засухина // Гуманитарный вектор. – 2008. – № 4. – С. 20–26.
204. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 22.10.1991 г. // Московский церковный вестник. – 1991. – № 19. – С. 231.
205. Зевелев, И.А. Границы Русского мира / И.А. Зевелев // Россия в глобальной политике. – Т. 12. – № 2. – С. 34–45.
206. Земляков, Л.Е. Государственно-конфессиональная политика в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков, Н.С. Щекин // Социологический альманах. – 2013. – № 4. С. – 221–232.
207. Земляков, Л.Е. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь : автореф. дисс. докт. полит. наук / Л.Е. Земляков; БГУ. – Минск, 2000. – 39 с.
208. Земляков, Л.Е. Государственно-конфессиональные отношения в современной Беларуси / Л.Е. Земляков, Н.Н. Коликова // Новая экономика. – 2006. – № 3. – С. 76.
209. Земляков, Л.Е. Государственно-правовое регулирование религиозных процессов в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков // Проблемы конституционализма: Сб. науч. тр. – Минск. – 2002. – Вып. 10. – С. 5–19.
210. Земляков, Л.Е. Политико-правовое обеспечение свободы совести в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков, И.В. Котляров. – Минск: ИСПИ, 2004. – 64 с.
211. Земляков, Л.Е. Трансформация государственно-конфессиональных отношений и пути их оптимизации в современной Беларуси / Л.Е. Земляков // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». Доклады и тезисы. В трех частях. – Ч. 1. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской православной церкви, 2006. – С. 138–146.
212. Землякоў, Л.Я. Рэспубліка Беларусь як свецкая дзяржава: палітыка-правыя аспекты / Л.Я. Землякоў, І.А. Карпукіна // Проблемы управления. – 2006. – № 3 (20). – С. 17–24.
213. Зміни у зовнішній політиці Польщі: виклики і можливості для України». Аналітична записка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua/articles/1912/>. – Дата доступа: 03.05.2016.
214. Зубова, О.Г. Фальсификация исторического прошлого как манипулятивная технология разрушения будущего / О.Г. Зубова, И.В. Лебедева // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44). – С. 237–244.

215. Зуев, Ю.П. Российские католики и протестанты на «канонической территории» Русской православной церкви: поиск *modus vivendi*/ Ю.П. Зуев // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2007. – № 3. – С. 6–18.
216. Иванов, В.Н. «Русский мир» и социальные реалии / В.Н. Иванов, В.К. Сергеев // Научное издание. – М.: Серебряные нити, 2008. – 330 с.
217. Иванов, В.Н. Россия и «Русский мир» (экспертные суждения и оценки) / В.Н. Иванов М.: Академика, 2010. – 12 с.
218. Иванов, В.Н. Русский мир (экспертные суждения и оценки) / В.Н. Иванов // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Социология. – 2010. – № 1. – С. 5–16.
219. Иванов, П.М. Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие? / П.М. Иванов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 162–172.
220. Идеологическая работа в молодежной среде: пособие / А.В. Ивановский [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2015. – 79 с.
221. Идеология белорусского государства в вопросах и ответах / [С.Г. Голубев и др.]. – Минск: ИАЦ, 2008. – 123 с.
222. Идеология белорусского государства: проблемы межпредметного исследования: пособие / авт.-сост. В.В. Шинкарев. – Минск: БГПУ, 2006. – 89 с.
223. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ivan_ilin/. – Дата доступа: 11.04.2016.
224. Иноземцев, В.Л. Русский мир против Руссаго міра / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 150–155.
225. Интервью митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=338/>. – Дата доступа: 22.03.2016.
226. Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла украинским тележурналистам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1223635.html>. – Дата доступа: 29.12.2015.
227. Интерпретирова «русский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua/main/analitica/28250-interpretiroua-russkij-mir.html/>. – Дата доступа: 24.04.2016.
228. Исаев, С.А. Россия – наследница имперских традиций / С.А. Исаев // Русский мир-2012. – М.: Магистр: Инфра-М, 2015. – С. 76–82.
229. Ігнатів, В.О. Національна держава: національний і наднаціональний виміри : автореф. дисс. ... докт. політ. наук: 23.00.02 / В.О. Ігнатів; НАН України. – Київ, 1996. – 45 с.

230. Ілларіонов, А. Четверта світова війна / А. Ілларіонов // Економіст. – 2014. – № 6. – 75–78.
231. Інтерпретації історії у політиці Російської Федерації як загроза національній безпеці України. Аналітична записка [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.niss.gov.ua/articles/1796/>. – Дата доступу: 03.05.2016.
232. Інформаційні виклики гібридної війни: контент, канали, механізми протидії : аналіт. доп. / за заг. ред. А. Баровської – Київ : НІСД, 2016. – 109 с.
233. Казин, А.Л. Великая Россия / А.Л. Казин – Санкт-Петербург: Петрополис, 2007. – 609 с.
234. Калмыков, А.А. Информационные войны: современные реалии / А.А. Калмыков // Вестник электронных и печатных СМИ. – 2015. – № 1 (23). – С. 81–100.
235. Канашевич, Н.М. Политика. Идеология. Менталитет: Курс лекций / Н.М. Канашевич. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 28 с.
236. Каневский, К.Г. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.Г. Каневский; Российский новый ун-т. – М., 2004. – 180 с.
237. Кантор, В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2008. – 542 с.
238. Каплин, А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / А.Д. Каплин / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
239. Кара-Мурза, А. Как возможен Русский мир / А. Кара-Мурза // Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов; организованных фондом «Русский мир»; под ред. В. Никонова. – М.: Фонд «Русский мир». – С. 15–19.
240. Кара-Мурза, А.А. Примирение Русского мира. Возможен ли внутрицивилизационный диалог? / А.А. Кара-Мурза // Русский мир как цивилизационное пространство / Рос. акад. наук; ин-т философии РАН ; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 148–195.
241. Карпиленя, Н.В. О мире славянском и романо-германском: историко-философские и политические аспекты / Н.В. Карпиленя // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2015. – № 9-1. – С. 63–71.
242. Киреевский, И.В. Критика и эстетика / И.В. Киреевский. – М.: «Искусство», 1979. – 439 с.
243. Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Опыт рассмотрения проблем прав человека и их нравственных основ в европейских

- религиозных сообществах / Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский // Проблемы управления. – 2008. – № 1 (26). – С. 39–42.
244. Князев, С.Н. Основы идеологии белорусского государства: Учебно-методическое пособие для лиц, впервые поступающих на государственную службу / С.Н. Князев, С.Г. Паречина. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 37 с.
245. Коваленко, В.Д. «Русский мир» как перспектива для России / В.Д. Коваленко // Наука. Образование. Личность. – 2015. – № 3. – С. 122–126.
246. Ковальський, Г.Є. Соціально-філософські аспекти націократичної теорії / Г.Є. Ковальський // Наука. Релігія. Суспільство. – 2009. – № 2. – С. 152–156.
247. Когатько, Д.Г. Российская идентичность / Д.Г. Когатько, В.Х. Тхакахов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 134 с.
248. Кожемяченко, Н.Р. Идея справедливости в русской религиозной философии как основа русской ментальности / Н.Р. Кожемяченко // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 166–172.
249. Кожина, Л.А. Психологические подходы к определению понятия «духовность» / Л.А. Кожина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – Т. 23. – № 4. – С. 44–46.
250. Козляков, В.Е. Основы идеологии белорусского государства: курс лекций для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения / В.Е. Козляков. – Минск: БГТУ, 2010. – 121 с.
251. Козырев, А.П. Трудные вопросы и парадоксы Русского мира / А.П. Козырев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/>. – Дата доступа: 08.05.2015.
252. Колин, К.К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии / К.К. Колин // Школьная библиотека. – 2007. – № 8. – С. 17–29.
253. Кольев, А. Политическая мифология (ремифологизация социального опыта) / А. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 334 с.
254. Кольев, А.В. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
255. Комментарий Конституции Российской Федерации // под общ. ред. Л.В. Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Новая правовая культура, Проспект, 2009. – 520 с.
256. Колах, В.К. Зовнішні загрози розвитку національних медіапросторів: наукове осмислення проблеми / В.К. Колах // Стратегічні пріоритети. – 2015. – № 3 (36). – С. 143–150.
257. Колах, В.К. Негативні інформаційно-психологічні впливи Російської Федерації проти України та можливі засоби протидії / В.К. Колах // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 3 (32). – С. 23–30.

258. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novorosinform.org/documents/id/2>. – Дата доступа: 04.05.2016.
259. Конституция Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Право и экономика, 2006. – 56 с.
260. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Ин-т государства и права РАН; [Т.Е.Абова и др.]; Под ред. Б.Н.Топорнина. – М.: Юристъ, 2003. – 830 с.
261. Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина / под рук. Е.И. Козловой. – М.: Агентство «Библиотечка РГ», 2009. – 382 с.
262. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: ЦИК Российской Федерации: Известия, 1993. – 59 с.
263. Конституция Российской Федерации: Проблем. коммент. / А.С. Автономов, Н.С. Бондарь, А.М. Ковалев и др.; Рук. авт. коллектива и отв. ред. В.А. Четвернин; Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. – 702 с.
264. Конституция РФ позволяет развивать разные варианты преподавания знаний о православии – патриарх Кирилл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=31975>. – Дата доступа: 01.02.2016.
265. Конституция Украины: Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 г. – Харьков: НПКФ «Консум», 1996. – 47 с.
266. Концептуальні засади розвитку системи забезпечення національної безпеки України: аналіт. доп. / О.О. Резнікова, В.Ю. Цюкало, В.О. Паливода, С.В. Дрьомов, С.В. Сьомін. – Київ: НІСД, 2015. – 58 с.
267. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/785>. – Дата доступа: 25.10.2015.
268. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию: утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. №259 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.mid.ru/>. – Дата доступа: 27.04.2016.
269. Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>. – Дата доступа: 20.05.2016.
270. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 24 января 2014 г. № 49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by> – Дата доступа: 15.11.2015.

271. Концепция Русского мира // Свободная русская энциклопедия «Традиция» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://traditio.wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D1%83%D1%81%D1 – Дата доступа: 11.06.2016.
272. Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 20.12.2014, № 2647-р.
273. Копнин, А.А. Ценностный потенциал миграционных сообществ в культурном пространстве Русского мира / А.А. Копнин // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 5. – С. 55–59.
274. Коротина, Н.Ю. Оценка привлекательности государств на основе концепции «мягкой силы» / Н.Ю. Коротина // Антро. – 2015. – № 1 (16). – С. 71–82.
275. Космарская, Н.П. Дети империи в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1991–2002). – М.: Наталис, 2006. – 597 с.
276. Костюк, К. «Русский мир»: богословский смысл и политические экспликации / К. Костюк // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – Серия 1: Богословие. Философия. – 2015. – № 3 (59). С. 137–151.
277. Котляров, И.В. Динамика взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь: социологический анализ / И.В. Котляров // Социологический альманах. – 2013. – № 4. – С. 107–119.
278. Котляров, И.В. Политико-конфессиональные процессы в современной Беларуси / И.В. Котляров. – Минск: Белинформпрогноз, 1996. – 11 с.
279. Котышев, Д.М. Из истории становления государственности в Восточной Европе: «Русская земля» в Среднем Поднепровье в IX–X веках / Д.М. Котышев // Вестник Удмурдского ун-та. – 2011. – Выпуск 3. – С. 16–25.
280. Котышев, Д.М. Киевская Русь, Древняя Русь, Русская земля (из истории становления восточнославянской государственности) // Преподавание истории в школе. – 2013. – № 3. – С. 27–29.
281. Кочеров, С.Н. Русская идея как аксиологема / С.Н. Кочеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2006. – № 1. – С. 541–547.
282. Кочеров, С.Н. Русский мир: проблема определения / С.Н. Кочеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 5-1. – С. 163–167.
283. Кочетков, В.В. Национальная идея России и конституционализм: опыт философии власти / В.В. Кочетков // Философия права. – 2010. – № 6. – С. 70–75.

284. Кравченко, В.А. «Русский мир» как бренд современной России / В.А. Кравченко // Культурная жизнь Юга России. – 2016. – № 1 (60). – С. 98–101.
285. Кравченко, В.А. «Русский мир» сегодня и русское зарубежье в годы Великой Отечественной войны / В.А. Кравченко // Великая Отечественная война: уроки истории и современность: материалы Межд. науч. конференции. – Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – С. 108–113.
286. Кривопусков, В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов / В.В. Кривопусков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – № 1 (174). – С. 111–119.
287. Кривошея, І.І. Політика Володимира Путіна в оцінці Зб. Бжезинського / І.І. Кривошея, Л.М. Якименко // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 101 (10). – С. 193–197.
288. Крижанич, Ю. Русское государство в первой половине XVII века : Рукопись времен царя Алексея Михайловича / Ю. Крижанич. – М.: Тип-я Александра Семена, 1859. – 649 с.
289. Криштапович, Л.Е. Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное единство / Л.Е. Криштапович. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 94 с.
290. Криштапович, Л.Е. Доминанты национальной ментальности / Л.Е. Криштапович, О.В. Пролесковский // Беларуская думка. – 2013. – № 8. – С. 3–8.
291. Криштапович, Л.Е. Идеология: теория и практика: Учебное пособие / Л.Е. Криштапович, И.В. Котляров. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 88 с.
292. Криштапович, Л.Е. Историософское единство белорусов и русских как основа строительства союзного государства / Л.Е. Криштапович // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – Выпуск 16. – С. 292–298.
293. Криштапович, Л.Е. Общественная история – наше все / Л.Е. Криштапович // Беларуская думка. – 2014. – № 2. – С. 62–67.
294. Крылов, К. Русский мир как российская проблема / К. Крылов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 24.08.2015.
295. Ксенофонов, В.Н. Русский мир: критерии и особенности реализации / В.Н. Ксенофонов // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2009. – № 1 (21). – С. 120–128.
296. Кузина, С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дисс. ... докт. пол. наук:

- 23.00.02 / С.И. Кузина; Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону, 2010. – 53 с.
297. Кутенёв, В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дисс. ... канд. пол. наук: 23.00.04 / В.В. Кутенев; Киргизско-Российский Славянский университет. – Бишкек, 2013. – 24 с.
298. Куций, І. Категорія «цивілізаційна ідентичність» як об'єкт історіографічного дослідження: сучасні інтерпретації / І. Куций // Український історичний журнал. – 2014. – № 6. – С. 113–122.
299. Куций, І. Між «слов'янським світом» та «дикою Азією»: Московська держава в рецепції української історичної думки Східної Галичини ХІХ ст. / І. Куций // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. – 2013. – Вип. 23. – С. 263–283.
300. Кучуков, М.М. Российская идентичность: возможная форма и феномены деструкции / М.М. Кучуков // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 3 (82). – С. 98–102.
301. Лавринова, Н.Н. Категория «месторазвитие» в концепциях русских мыслителей начала XX века / Н.Н. Лавринова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11 (57). – С. 199–202.
302. Лаврук, Т.П. Росія і «українське питання»: логіка спадкоємності / Т.П. Лаврук // Гілея: науковий вісник. – 2015. – № 97. – С. 373–378.
303. Лагуновская, Е.А. Ценности христианства в формировании духовных основ идеологии белорусского государства / Е.А. Лагуновская / Христианские ценности и вопросы государственной идеологии: материалы круглого стола, Брест, 26 мая 2010 г. / УО «БрГТУ»; ред.: Т.В. Лисовская. – Брест, 2010. – С. 10–12.
304. Лагуновская, Е.А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е.А. Лагуновская; РИВШ. – Минск, 2012. – 25 с.
305. Лазоренко, О.А. Інформаційний складник гібридної війни Російської Федерації проти України: тенденції розвитку / О.А. Лазоренко // Стратегічні пріоритети. – 2015. – № 3 (36). – С. 124–132.
306. Левшин, Н.С. «Русский мир» в зеркале современной прессы / Н.С. Левшин // Российский академический журнал. – 2011. – Т. 15. – № 1. – С. 36–37.
307. Лексин, В.Н. Русская идентичность и российское гражданство / В.Н. Лексин // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики): Научно-экспертная сессия (семинар). – М.: Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), 2016. – С. 134–144.

308. Леонова, О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке / О.Г. Леонова // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2015. – № 2 (301). – С. 80–89.
309. Леонова, О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // Обозреватель. – 2013. – № 4. – С. 27–40.
310. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/leontev_konstantin/vizantizm_i_slavyanstvo.html. – Дата доступа: 11.12.2015.
311. Летняков, Д.Э. О способности Русского мира к демократии. Попытка оптимистической интерпретации отечественной истории / Д.Э. Летняков // Русский мир как цивилизационное пространство / Рос. акад. наук; ин-т философии РАН; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 93–138.
312. Липич, Т.И. К характеристике славянофильства / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – № 8 (48). – С. 151–157.
313. Лойко, Л.В. О государственной идеологии и национальной идее / Л.В. Лойко. – Минск: Амалфея, 2004. – 80 с.
314. Локосов, В.В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? / В.В. Локосов // Социологические исследования. – 2006. – № 11. – С. 82–89.
315. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 524 с.
316. Лосева, И.Н. Судьба «русской идеи» в XXI веке / И.Н. Лосева // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 388–389.
317. Лужков, Ю.М. Выступление на Форуме «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России» / Ю.М. Лужков // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье: Информационно-аналитический бюллетень. – 2003. – № 85. – С. 22–25.
318. Лукашенко, А.Г. Интервью негосударственным средствам массовой информации / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/intervjune-gosudarstvennym-sredstvam-massovoj-informatsii-11882/. – Дата доступа: 16.02.2016.
319. Лукичев, Б.М. К истории государственно-церковных отношений в конце XX – начале XXI века, или о чем писал Патриарх Алексей II президентам России / Б.М. Лукичев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38. – С. 118–124.
320. Лукьянович, Н.В. Геополитика России: теоретико-методологические основы, генезис, особенности формирования и развития в условиях глобализации : автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.04 / Н.В. Лукьянович; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 47 с.

321. Лученкова, Е.С. Основы идеологии белорусского государства. Практикум: учеб. пособие / Е.С. Лученкова. – 3-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2010. – 160 с.
322. Лушин, А.Н. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона: юридические и нравственно-религиозные аспекты / А.Н. Лушин // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 488–489.
323. Мазур, С.А. Русский мир и Латвия / С.А. Мазур, А.Н. Романов // Слово.ру: балтийский акцент. – 2011. – № 1-2. – С. 59–66.
324. Макаров, В.М. Контрпропаганда в системе идеологической деятельности: учеб. пособие для слушателей командно-штабного факультета, курсов повышения квалификации сотрудников идеологических аппаратов органов системы обеспечения безопасности, курсантов / В.М. Макаров. – Минск: ВА РБ, 2015. – 350 с.
325. Макаров, Д.В. Пути русской духовной культуры: к проблеме «Москва – Третий Рим» / Д.В. Макаров // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. X. – № 2 (41). – С. 262–269.
326. Маклис, А. Возрождение российской «мягкой силы» / А. Маклис // Ойкумена. – 2011. – № 2. – С. 174–184.
327. Маленко, С.А. Архетипические сценарии социального взаимодействия : автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / С.А. Маленко; ВПО Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – 39 с.
328. Малиновска, О.А. Політика сусідніх країн щодо співвітчизників як інструмент поповнення людських ресурсів: виклики та уроки для України / О.А. Малиновска // Стратегічні пріоритети. – 2013. – № 3 (28). – С. 138–146.
329. Мандрик, С.В. Основы идеологии белорусского государства: учеб.-метод. комплекс / С.В. Мандрик, И.Г. Подпорин, С.Г. Смоляк. – Минск: БГАТУ, 2009. – 152 с.
330. Марзалюк, И.А. Беларусь – от этнографической общности к нации. Истоки и генезис белорусской национальной идентичности / И.А. Марзалюк // Государственность – национальная идея Беларуси. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 17–56.
331. Матвеев, В.П. Социально-политический миф и кризис буржуазного общественного сознания: автореф. канд. филос. наук. 09.00.01 В.П. Матвеев; Гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1975. – 26 с.
332. Магусевич, Е.В. Идеологическая работа в Республике Беларусь. В помощь идеологическому активу: пособие / Е.В. Магусевич, С.Г. Паречина; под общ. ред. проф. С.Н. Князева. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 175 с.
333. Медведчук, В.В. Сучасна українська національна ідея: актуальні питання державотворення: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01;

- 12.00.02 / В.В. Медведчук; Національна академія внутрішніх справ України. – Київ, 1997. – 34 с.
334. Межуев, В.М. «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира / В.М. Межуев // Русский мир как цивилизационное пространство / Рос. Акад. наук; Ин-т философии РАН ; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 9–49.
335. Межуев, В.М. Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности/ В.М. Межуев // Социология власти. – 2007. – № 1. – С. 5–34.
336. Межуев, В.М. Судьба цивилизаций: конфронтация или диалог? / В.М. Межуев // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V. – № 3-4 (17-18). – С. 44–54.
337. Мельник, В.А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В.А. Мельник; науч. ред. П.Г. Никитенко. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2007. – 280 с.
338. Мельник, В.А. Идейно-ценностная основа общества. Идеология белорусского государства в тезисном изложении // Белорусская думка. – 2015. – № 6. – С. 60–66.
339. Мельник, В.А. Основы идеологии белорусского государства: учеб. пособие / В.А. Мельник. – 3-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2014. – 343 с.
340. Мельник, В.А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология. – Минск: «Тесей», 2000. 2-е изд., испр. и доп. – 240 с.
341. Мельник, В.А. Цивилизационные основания идеологии белорусского государства / В.А. Мельник. – Минск: ООО «БИП-С Плюс», 2005. – 119 с.
342. Мельничук, І.М. Нова доктрина Путіна та можливі сценарії нового світопорядку / І.М. Мельничук // Гілея: науковий вісник. – 2015. – № 97. – С. 440–444.
343. Методическая разработка «Проблемы курса «Основы идеологии белорусского государства»: культурно-историческая или цивилизационная составляющая государственной идеологии» / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Брестский гос. техн. ун-т. – Брест: БрГТУ, 2012. – 23 с.
344. Мир и развитие. Выступление Президента Республики Беларусь при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/ – Дата доступа: 15.11.2015.
345. Мир Русский или Украинский? – два размышления на тему... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua/>. – Дата доступа: 12.03.2016.

346. Митрополит Волоколамский Иларион: В науке должно быть нравственное измерение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2929489.html>. – Дата доступа: 01.02.2016.
347. Митрополит Смоленский и Калининградский «Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата с Министерством иностранных дел России». Доклад на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27–28 апреля 2001 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/>. – Дата доступа: 12.02.2016.
348. Митрополит Филарет: Религиозный смысл жизни людей все в большей мере становится неотъемлемой частью современного образа Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1338350.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
349. Митрофанова, А.В. «Политическое православие» и проблема религиозности / А.В. Митрофанова // *Философия и общество*. – 2006. – № 1 (42). – С. 78–95.
350. Митрофанова, А.В. Православие в Европе / А.В. Митрофанова // *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. – 2010. – № 4 (243). – С. 95–105.
351. Митрофанова, А.В. Религиозный фактор в мировой политике (на примере православия): дисс. докт. полит. наук: 23.00.04 / А.В. Митрофанова; дипломатическая академия МИД России. – М., 2005. – 376 с.
352. Митрофанова, А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» / А.В. Митрофанова // *Век глобализации*. – 2008. – Т. 1. – С. 109–119.
353. Митрофанова, А.В. Россия как православное государство: иллюзии и реальность / А.В. Митрофанова // *Россия и современный мир*. – 2008. – № 4 (61). – С. 100–110.
354. Мишучков, А.А. Цивилизационный выбор России: Европа или Евразия / А.А. Мишучков // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2014. – № 2. – С. 65–71.
355. Моисеева, Н.А. Национальный характер как воля к бытию в зеркале идеологии / Н.А. Моисеева // *Вопросы культурологии*. – 2011. – № 7. – С. 75–81.
356. Молчанова, Е.Р. К вопросу о наднациональном элементе в структуре органов Евразийского экономического союза / Е.Р. Молчанова // *Новая наука: От идеи к результату*. – 2015. – № 7-2. – С. 89–92.
357. Морозова, С.А. Некоторые аспекты социологического изучения религиозного сознания населения современной Беларуси / С.А. Морозова // *Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 8-9 декабря 2006 г.*

- Гродн. гос. ун-т; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.), Н.Н. Беспамятных, С.В. Донских. – Гродно: Гр.ГУ, 2007. – С. 242–249.
358. Мощенко, И.Н. Агентно-ориентированная модель конфликтогенности студенчества КЧР / И.Н. Мощенко, А.М. Алботов // Инженерный вестник Дона. – 2015. – № 2. – Т. 36. – С. 147.
359. Мощенко, И.Н. Социографические измерения латентной конфликтогенности студенчества КЧР (часть II) / И.Н. Мощенко, А.М. Алботов // Инженерный вестник Дона. – 2015. – № 2-1. – Т. 35. – С. 13.
360. Муса кызы Алина. «Мягкая сила» как фактор воздействия / Муса кызы Алина // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 1. – С. 136–138.
361. Мухаметшин, Ф. В защиту Русского мира. О некоторых аспектах защиты прав российских соотечественников в Молдавии в свете последних событий / Ф. Мухаметшин // Свободная мысль. – 2014. – №4. – С. 5–14.
362. Мчедлова, М.М. Русский мир: как он видится гражданам России // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Изд-во Весь Мир, 2015. – С. 215–233.
363. «Мы русский мир построим!» // Литературная газета, 6–12 декабря 2006. – № 49. – С. 7.
364. Мякинченко, Д.А. Политическое насилие как механизм функционирования политической власти / Д.А. Мякинченко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 2. – С. 261–267.
365. Мяло, К. Русская православная церковь и советское наследие / К. Мяло // Россия XXI. – 2009. – №6. – С. 56–93.
366. Мясников, А.А. Российская идентичность: концептуальные аспекты / А.А. Мясников // Западно-Сибирский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – С. 16–25.
367. Назмутдинов, Б.В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX в. : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Б.В. Назмутдинов; НИУ «Высшая школа экономики». – М., 2012. – 31 с.
368. Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль–XXI. – 2004. – №10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/nai_msil.php. – Дата доступа: 18.04.2016.
369. Най, Дж. Будущее власти / Дж. Най. – М.: АСТ. – 448 с.
370. Нарочницкая, Н.А. Будущее России – это будущее Европы / Н.А. Нарочницкая // Россия и Запад: диалог культур. – 2012. – № 1. – С. 12–13.

371. Нарочницкая, Н.А. Русский мир / Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2007. – 320 с.
372. Наумов, А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура / А. Наумов // Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов; организованных фондом «Русский мир»; под ред. В. Никонова. – М.: Фонд «Русский мир». – С. 24–28.
373. Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. – Т. 1: Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: [редколлегия: С.А. Балашенко и др.]. – Минск: Издательский центр БГУ, 2008. – 292 с.
374. «Началось вымирание нашего народа». Интервью Святейшего Патриарха Алексия газете «Московские новости» // Московские новости. – № 37 от 29 сентября 2006. – С. 2–3.
375. Недяк, И.Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / И.Л. Недяк; Ин-т социологии РАН. – М., 2011. – 53 с.
376. Неймарк, М.А. Русский мир и геополитика / М.А. Неймарк // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 2 (4). – С. 78–100.
377. Неймарк, М.А. Украинский кризис и Русский мир / М.А. Неймарк // Обозреватель-observer. – 2015. – № 8 (307). – С. 40–49.
378. Неменский, О.Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности. За что сражались в Полтавской битве? / О.Б. Неменский // Информационные войны. – 2012. – № 1. – С. 66–69.
379. Нечаева-Юрійчук, Н. Міжнародний семінар «Буковина та Бессарабія: історичні уроки, стан і перспективи регіональної безпеки» у Чернівцях / Н. Нечаева-Юрійчук // Історична панорама. – 2011. – Вип. 13. – С. 152–158.
380. Нечитайло, А.А. Роль діаспори у формуванні національної пам'яті в умовах глобального інформаційного суспільства / А.А. Нечитайло // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 2 (31). – С. 79–87.
381. Николаева, Н.В. «Москва – Третий Рим» – артикуляция русской идеи / Н.В. Николаева // Вестник Московского государственного ун-та культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 78–82.
382. Николаевская, Т.Е. «Русская идея» Николая Бердяева: к вопросу о характере русской философии и мировоззрения / Т.Е. Николаевская // Наука и современность. – 2010. – № 2-3. – С. 203–207.
383. Никонов, В. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем / В. Никонов // Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов; организованных фондом «Русский мир»; под ред. В. Никонова. – М.: Фонд «Русский мир». – С. 2–14.
384. Ниязова, Г.Ю. Политическая деятельность Российской Федерации по продвижению и укреплению позиций русского языка на постсовет-

- ском пространстве / Г.Ю. Ниязова // Вестник Академии права и управления. – 2012. – № 26. – С. 136–143.
385. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
386. Новикова, Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения / Л.Г. Новикова // Социологические исследования. – 1998. – №9. – С. 93–98.
387. Нора, П. Франция-Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 333 с.
388. О государственной политике российской федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федер. Закон Рос. Федерации от 24 мая 1999, №99-ФЗ: // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. – Дата доступа: 26.04.2016.
389. О гражданстве: Закон Респ. Беларусь, 1 августа 2002 № 136-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 № 330-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
390. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 декабря 1992 года № 2054-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 октября 2002, № 137-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006.
391. О языках в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 января 1990 года №3094-ХІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 1998 г. №187-3, 1998 г., №28 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
392. Обзор внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.mid.ru/>. – Дата доступа: 18.11.2015.
393. Обращение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию в 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/>. – Дата доступа: 16.02.2016.
394. Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к участникам смотра-парада Всевеликого войска Донского в Новочеркасске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 29.12.2015.
395. Овчарова, А.И. Православная политика или политическое православие / А.И. Овчарова // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 100– 103.

396. Ожеван, М.А. Національна пам'ять та «історичні травми»: дискурси переможців і переможених / М.А. Ожеван // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 1 (30). – С. 24–31.
397. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org>. – Дата доступа: 11.03.2016.
398. Окара, А.Н. Восточнохристианская цивилизация как субъект мирового развития в XXI веке / А.Н. Окара // Ценности и смыслы. – 2010. – № 4. – С. 27–50.
399. Окара, А.Н. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии / А.Н. Окара [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://strateger.net/OkaraA-State_Inc_for_RU-UA-BY. – Дата доступа: 01.04.2016.
400. Омарова, З.М. К вопросу об определении понятия «соотечественники за рубежом»: опыт России / З.М. Омарова // Власть. – 2008. – № 3. – С. 34–41.
401. Омарова, З.М. Политика России в отношении Русского мира / З.М. Омарова // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2008. – №2. – С. 25–33.
402. Опенько, Е.В. От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы» (на примере американо-европейских отношений в 50 годы XX века): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е.В. Опенько; Национальный исследовательский Томский гос. ун-т». – Томск, 2012. – 24 с.
403. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoslavie.org.ua/>. – Дата доступа: 14.02.2016.
404. Осипов, Г.В. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2003. – 912 с.
405. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840>. – Дата доступа: 09.02.2016.
406. Основы идеологии белорусского государства: история и теория: учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования; 2-е изд., испр. / С.Н. Князев [и др.]; под общ. ред. С.Н. Князева, В.И. Чуешова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2006. – 316 с.
407. Основы идеологии белорусского государства: курс лекций / Т.Н. Буйко [и др.]; под общ. ред. Т.Н. Буйко; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГУФК, 2008. – 155 с.
408. Основы идеологии белорусского государства: учеб.-метод. пособие / В.В. Шинкарев, Г.В. Корзенко, С.П. Романова и др.; под общ. ред. В.В. Шинкарева. – 3-е изд. перераб. и доп. – Минск: ГПУ, 2009. – 275 с.

409. Основы идеологии белорусского государства: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.
410. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422/>. – Дата доступа: 14.02.2016.
411. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>. – Дата доступа: 15.04.2014.
412. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2009 году. – М.: Фонд «Русский мир». – 92 с.
413. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2010 году. – М.: Фонд «Русский мир». – 56 с.
414. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2011 году. – М.: Фонд «Русский мир». – 59 с.
415. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2015 году. – М.: Фонд «Русский мир». – 39 с.
416. Отчёт о деятельности фонда «Русский мир» в 2015 году. – М.: Фонд «Русский мир». – 32 с.
417. Оцінка аргументації Російської Федерації щодо приєднання Автономної республіки Крим» Аналітична записка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua/articles/1751/>. – Дата доступа: 03.05.2016.
418. «Ощущать свою причастность к великой стране»: выступление премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Медведева на открытии VI Ассамблеи Русского мира «Русский язык и российская история» // Русский век. – 2012. – № 12. – С. 44–45.
419. Павленко, В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / В.Б. Павленко; Российский гос. социальный ун-т. – М., 2008. – 47 с.
420. Павловский, В.В. Российский мир: экспликация понятия / В.В. Павловский // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 12. – С. 297–302.
421. Павловский, Г. К возобновлению русского / Г. Павловский, С. Чернышев // Русский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/ri/index.html/>. – Дата доступа: 01.08.2015.
422. Павлючук, В. Этногенез белорусов и белорусская идеология: социологический взгляд / В. Павлючук // Философия и социальные науки. – 2008. – № 4. – С.45–50.
423. Паин, Э.А. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2015. – № 2. – С. 54–71.

424. Паламарчук, М.О. Виклики модернізації в Україні: політичні аспекти: монографія / М. О. Паламарчук ; за ред. О. В. Литвиненка. – Київ: НІСД, 2014. – 152 с.
425. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: ЭКСМО, 2003. – 413 с.
426. Парамонова С.П. Световод «Русского мира» в понимании студентов / С.П. Парамонова // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2015. – Т. 1. – С. 195–204.
427. Паречина, С.Г. Концептуальные основы идеологии белорусского государства: Методическое пособие / С.Г. Паречина. – 2-е изд., доп. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 58 с.
428. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П.Б. Паршин // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 14–21.
429. Паталкоў, Ю.В. Эмпатычны погляд на фарміраванне беларускай нацыянальнай ідэі / Ю.В. Паталкоў // Христианские ценности и вопросы государственной идеологии: материалы круглого стола, Брест, 26 мая 2010 г. / УО «БрГТУ»; ред.: Т.В. Лисовская. – Брест, 2010. – С. 6–10.
430. «Патріарх Кирил придумав «Русский мир», щоби відновити російську імперію», – Патріарх Філарет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://risu.org.ua/>. – Дата доступа: 02.05.2016.
431. Пенькова, Е.А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: автореф. дисс... канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.А. Пенькова; ФГБОУ ВПО «Российский гос. социальный ун-т. – М., 2012. – 25 с.
432. Переписка двух славянофилов // Русская мысль, 1916. – Книга IX. – С. 1–32.
433. Переписка двух славянофилов // Русская мысль, 1916. – Книга XII. – С. 85–114.
434. Песков, Д. Песков: Россияне поддерживают Путина в действиях на Украине / Д. Песков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifenews.ru/news/128658/>. – Дата доступа: 22.02.2016.
435. Песцов, С.К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта / С.К. Песцов, А.М. Бобыло // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 108–114.
436. Петухов, В.В. Русский и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение / В.В. Петухов, Р.Э. Бараш // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 83–101.
437. Плугатаренко, П.Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / П.Н. Плугатаренко; МПГУ. – М., 2012. – 22 с.

438. Позняк, В.П. Геополитика: курс лекций / В.П. Позняк. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – 227 с.
439. Позняк, В.П. Геополитика: курс лекций / В.П. Позняк. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – 227 с.
440. Полежаев, Д.В. Русский менталитет: Опытсоциально-философского анализа: автореф. дисс. докт. филос. наук: 09.00.11 / Д.В. Полежаев; ФГОУ ВПО «Волгоградский гос. пед. ун-т». – Волгоград, 2011. – 44 с.
441. Политическая концепция Филофея «Москва – третий Рим» / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца // История политических и правовых учений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://txtb.ru/32/index.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
442. Полищук, В.В. Понятие интегрального украинского национализма / В.В. Полищук // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2006. – Т. 2. – № 2. – С. 58–76.
443. Полный церковно-славянский словарь: Сост. Г. Дьяченко. – М.: Моск. Патриархат: Посад, 1993, XXXVIII, 1120 с.
444. Положение о правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.12.1994, №1369.
445. Полтораков, А.Ю. Украинская идея»: национальная специфика геокультурных (цивилизационных) ценностей / А.Ю. Полтораков // Дневник АШПИ. – 2013. – № 29. – С. 93–99.
446. Полуценко, С.В. Историчні відмінності українського та російського менталитетів / С.В. Полуценко // Збірник наукових праць Харківського нац. пед. ун-ту імені Г.С. Сковороди. Серія: Історія та географія. – 2013. – Вип. 47. – С. 26–32.
447. Портнов, А. Між «Центральною Європою» та «Русским миром»: Сучасна Україна у просторі міжнародних інтелектуальних дискусій / А. Портнов. – Київ: НІСД, 2009. – 160 с.
448. Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архиепископам, епископам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с подписанием Акта о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/231981.html/>. – Дата доступа: 14.02.2016.
449. Потапенко, Я. Історико-політичні та соціокультурні наслідки впровадження псевдорелігійної концепції «Русского міра» в сучасній Україні / Я. Потапенко // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. – 2013. – Випуск 33. – С. 291–297.
450. Потапчук, В.И. Идея солидарности как смысловая составляющая русской социальной философии / В.И. Потапчук // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 2 (21). – С. 193–200.

451. Потёмкина, Т.В. Становление русской идеи как основы национального самосознания русского народа: история и современность: автореф. дисс. канд. филос. наук: 09.00.03 / Т.В. Потёмкина; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 20 с.
452. Поучение Владимира Мономаха. / Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – С. 146–171.
453. Права человека и нравственная ответственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/102261.html>. – Дата доступа: 15.04.2014.
454. Предстоятель Русской Православной Церкви встретился со слушателями Высших дипломатических курсов Дипломатической академии МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1322398.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
455. Преображенская, К.В. Идеал духовного единства как имманентный принцип государственной идеологии: исторические формы обоснования российской социальной практики / К.В. Преображенская, С.В. Котина // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – №1. – С. 202–212.
456. Преображенский, И. Русский мир vs. Русский миф / И. Преображенский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belprauda.org/russkij-mir-vs-russkij-mif/>. – Дата доступа: 27.01.2017.
457. Приветственное слово В.В. Путина на встрече с участниками Архиерейского собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17409>. – Дата доступа: 01.04.2016.
458. Программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом на 2015–2017 гг.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 19.11.2014, № 2321-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/>. – Дата доступа: 26.04.2016.
459. Пронякин, Д.И. Национальная идея и национальное государство. Ч. 2. «Русь Святая», «Русь Великая» / Д.И. Пронякин // ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6. – № 3. – С. 262–278.
460. Протоиерей Всеволод Чаплин предлагает запретить в России ваххабизм, нацизм и агрессивное неоязычество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=57121/> – Дата доступа: 15.07.2016.
461. Прохоренко, И.Л. Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка / И.Л. Прохоренко // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2 (49). – С. 20–28.
462. Пузанов, В.В. Отражение иерархии этнических статусов эпохи образования древнерусского государства в «Повести временных лет» /

- В.В. Пузанов // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2009. – № 1. – С. 25–28.
463. Путин, В.В. Вступительное слово на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
464. Путин, В.В. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-австрийских переговоров 24 июня 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
465. Путин, В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118/>. – Дата доступа: 18.08.2015.
466. Путин, В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года / В.В. Путин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
467. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. – Дата доступа: 18.08.2015.
468. Пушкарев, Е.А. Защита государственно-правовой идентичности русского народа как основа обеспечения национальной безопасности в России / Е.А. Пушкарев // Философия права. – 2008. – № 5. – С. 47–52.
469. Пшегорский, А.С. Концепт «мягкой силы» в современном политическом дискурсе / А.С. Пшегорский // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2014. – Т. 2. – №1(5). – С. 121–124.
470. Пыхтеева, Е.В. Политическое насилие (принуждение) как способ укрепления законности и целостности российского общества: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Е.В. Пыхтеева; НОУ ВПО Омская гуманитарная академия. – М., 2013. – 23 с.
471. Радзик, Р. Европа или Россия? Между народом и постсоветской общностью / Р. Радзик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/research/6357/>. – Дата доступа: 13.01.2016.
472. Радзик, Р. Русский контекст общности белорусов в социологических исследованиях периода независимости / Р. Радзик // Міжнародний науковий форум: соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент. – 2013. – Випуск 13. – С.101–116.
473. Расторгуев, В.Н. «Русский мир» и цивилизационная идентичность / В.Н. Расторгуев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – Серия 1: Богословие. Философия. – 2015. – № 3 (59). – С. 152–158.
474. Расторгуев, В.Н. Единодержавие: новые лики тоталитаризма / В.Н. Расторгуев // Вестник Московского ун-та. – Серия 12. Политические науки. – 2009. – № 1. – С. 43–50.

475. Расторгуев, В.Н. Культурное пространство славян и новые границы: образ прошлого, сценарии будущего, политические проекты / В.Н. Расторгуев // Пространство и Время. – 2010. – № 2. – С. 17–21.
476. Расторгуев, В.Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст / В.Н. Расторгуев // Вопросы философии. – 2012. – №2. – С. 3–13.
477. Рачин, Е.И. Русская идея и наше время / Е.И. Рачин // Русское мировоззрение и русская идея: Сборник научных статей / Отв. ред. д.филос.н., проф. Е.И. Рачин. – Выпуск V. – М.: Изд-во «Спутник+», 2001. – С. 6–31.
478. Рёдель, А.И. Духовность в структуре российского менталитета (к вопросу о социокультурной трансформации российского общества) : автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / А.И. Рёдель; Моск. гос. социальный ун-т. – М., 2003. – 19 с.
479. Решетников, С.В. Методология анализа общественной политики в Республике Беларусь: политический функционализм / С.В. Решетников // Веснік БДУ. – Серія 3. – 2011. – № 3. – С. 60–63.
480. Рогозин, Э.В. Роль традиционализма в политических процессах современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02/ Э.В. Рогозин; Институт социологии РАН. – М., 2010. – 30 с.
481. Родионов, А.И. О состоянии и ближайших перспективах русской цивилизации / А.И. Родионов // ЦИТИСЭ. – 2015. – № 1. – С. 12–29.
482. Розвиток громадянського суспільства в Україні : аналіт. доп. / В.М. Яблонський, П.Ф. Вознюк, Д.М. Горелов [та ін.]; за ред. О.А. Корнієвського, М. М. Розумного. – Київ: НІСД, 2015. – 60 с.
483. Роль Русского мира в истории // Русский век. – 2012. – № 12. – С. 46–49.
484. Романов, О.А. Восточнославянская цивилизация как субъект современных глобальных социальных трансформаций: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / О.А. Романов; ГНУ Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2015. – 45 с.
485. Романюк, О.І. Про характер сучасного політичного режиму Росії / О.І. Романюк // Вісник Національного ун-ту «Юридична академія України ім. Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2014. – № 4 (23). – С. 152–254.
486. Рубаник, В.Е. Право частной собственности в институциональной системе евразийства, или куда направлен вектор исторического выбора России, Украины и Белоруссии/ В.Е. Рубаник // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – № 1. – С. 132–139.
487. Рубаник, В.Е. Проект «Украина» и его место в государственно-политическом развитии Русского мира / В.Е. Рубаник // Вектор науки Тольяттинского гос. университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3 (18). – С. 39–43.

488. Руденко, З.Ю. Проблема власти в имперской идеологии России: традиция и современность: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / З.Ю. Руденко; Кубанский гос. университет. – Краснодар, 2008. – 25 с.
489. Рудкоўскі, П. Падмуркі і падпоркі дзяржаўнай ідэалогіі / П. Рудкоўскі // *Arche*. – 2004. – № 5. – С. 112–131.
490. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2010. – № 10. – С. 173–192.
491. Руснак, О.В. Медіа-інформаційна безпека України: правові аспекти / О.В. Руснак // *Стратегічні пріоритети*. – 2013. – № 3 (28). – С. 147–150.
492. «Русский мир» в Україні: міф чи реальність? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://firtka.if.ua/?action=show&id=20601>. – Дата доступа: 02.05.2016.
493. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: Хрестоматия. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 880 с.
494. «Русский мир», безмістовний і нещадний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/28393-russkij-mir-bezzmistovnij-i-neshhadnij.html/. – Дата доступа: 12.05.2016.
495. «Русский мир» контратакует [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskline.ru/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
496. Русский мир // Руксперт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruxpert.ru/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80 – Дата доступа: 10.06.2016.
497. Русскость – понятие сверхнациональное // *Родина*. – 2007. – № 7. – Июль. – С. 7.
498. Руткевич, Е.Д. «Социология духовности»: проблемы становления / Е.Д. Руткевич // *Вестник Института социологии*. – 2014. – № 2 (09). – С. 36–65.
499. Рыженко, Л.И. Смысловая динамика понятий в русской интеллектуальной традиции (на примере концепта «русская идея») / Л.И. Рыженко // *Вестник Омского ун-та*. – 2011. – № 3. – С. 23–30.
500. Савельева, И.Ю. Дискурс о Русском мире: мифы и реальность / И.Ю. Савельева // *Российская школа связей с общественностью*. – 2015. – № 6. – С. 175–184.
501. Савицкий, П.Н. Географические и геополитические основы евразийства / П.Н. Савицкий // *Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов* / Отв. ред. Л.В. Пономарева. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. – С. 109–121.
502. Савицкий, П.Н. Евразийство как исторический замысел / П.Н. Савицкий // *Континент Евразия* / сост. А.Г. Дугин. – М.: Изд-во Аграф, 1997. – С. 479–494.

503. Савицкий, П.Н. Россия и латинство / П.Н. Савицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_43.html/. – Дата доступа: 18.04.2016.
504. Савойская, С.В. Украинская национальная идея как понятие и сущность: теоретико-историологический аспект проблемы / С.В. Савойская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-2. – С. 429–431.
505. Саган О. Православна ідеологія: нові аспекти ХХІ століття / О. Саган // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 4. – С. 138–145.
506. Самарин, Ю.Ф. Сочинения : в 10 т. – Т. 1. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1896. – 509 с.
507. Самраилова, Е.К. Локализация и разрешение социально-политических конфликтов: методология и практические алгоритмы: автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.02 / Е.К. Самраилова; Академия труда и социальных отношений. – М., 2008. – 39 с.
508. Светское мировоззрение должно быть делом выбора и не претендовать на монополию в обществе, считает протоиерей Всеволод Чаплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/298767.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
509. Свечинская, Я.С. Имперская идеология в российской государственно-правовой мысли / Я.С. Свечинская. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 144 с.
510. Свечинская, Я.С. Современное состояние имперской идеологии в России / Я.С. Свечинская // Философия права. – 2009. – № 3. – С. 128–130.
511. Свечинская, Я.Э. Имперская идеология в российской государственно-правовой мысли: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Я.Э. Свечинская; Ростовский юрид. ин-т МВД Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2009. – 23 с.
512. Свиридов, А.В. Геополитическое пространство Республики Беларусь в условиях глобализации: информационное и политическое измерения: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / А.В. Свиридов; ГУО РИВШ. – Минск, 2015. – 25 с.
513. Святейший Патриарх Кирилл: «Нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4164499.html>. – Дата доступа: 29.12.2015.
514. Святейший Патриарх Кирилл: Введение в российских школах курса Основ духовной культуры обозначило новый этап сотрудничества государства и Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1048842.html>. – Дата доступа: 11.02.2016.
515. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь [Электронный ресурс]. – Режим до-

- ступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
516. Северинюк, В.М. «Братерство» по-московски з погляду в минуле російсько-українських відносин / В.М. Северинюк // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. – 2014. – Випуск 15. – С. 104–111.
 517. Северинюк, В.М. «Братерство» по-московськи з погляду в минуле російсько-українських відносин / В.М. Северинюк // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. – 2014. – Серія 22. – Випуск 14. – С. 104–111.
 518. Семенова, Г.П. Русский мир и Православная церковь России / Семенова Г.П. // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2013. – Т. 4. – № 2 (9). – С. 213–224.
 519. Семенова, Д.М. Русская Православная Церковь как актор конструирования политической идентичности в современной России: автореф. дисс. канд. полит. наук: 23.00.02 / Д.М. Семенова; ФГБОУ ВПО «Пермский гос. нац. исследовательский ун-т». – Пермь, 2011. – 25 с.
 520. Семченков, А.С. Циклы реорганизаций политического пространства и пути предупреждения внутригосударственных конфликтов в России / А.С. Семченков // Вестник Московского ун-та. – Серія 12: Политические науки. – 2010. – № 1. – С. 3–13.
 521. Сендеров, В.А. «Православие. Самодержавие. Народность». Европейский проект для России / В.А. Сендеров // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 116–123.
 522. Сендеров, В.А. «Проект Россия». И вокруг него/ В.А. Сендеров // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 52–59.
 523. Сендеров, В.А. От «Всеславянской федерации» к «Русскому миру» / В.А. Сендеров // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 137–145.
 524. Сергеева, А.В. Как мы изменились за 20 лет? / А.В. Сергеева. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 432 с.
 525. Симашенков, П.Д. Идеологические границы «Русского мира» в кривом зеркале геополитики (к 85-летию М. Горбачева) / П.Д. Симашенков // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов III Всероссийской науч. конференции. Самарская гуманитарная академия; Самарский нац. исследовательский ун-т им. академика С.П. Королева; Саратовский нац. исследовательский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – 2016. – С. 201–210.
 526. Синелина, Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян / Ю.Ю. Синелина; [отв. ред. В.В. Локосов]; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Наука, 2006. – 112 с.
 527. Ситников, А.В. Влияние православия на институты власти и гражданского общества в современной России: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.14 / А.В. Ситников; МГИМО. – М., 2012. – 42 с.

528. Ситникова, Е.В. Свободный ассоциативный эксперимент в лингвокультурном исследовании / Е.В. Ситникова // Научный потенциал. – 2013. – № 2 (11). – С. 40–46.
529. Скипин, С. Святая Русь – архетип русской души (откровенно о сокровенном) / С. Скипин // Духовно-нравственное воспитание. – 2015. – № 1. – С. 9–14.
530. Склярова, Е.А. Идея и формы социального порядка в западной культуре XVII–XXI вв. : автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.13 / Е.А. Склярова; ФГАО УВПО «Южный федеральный университет». – Ростов-на-Дону, 2010. – 50 с.
531. Скринник, В.М. «Русский мир» как социокультурный феномен / В.М. Скринник // Вопросы истории Кыргызстана. – 2008. – № 3. – С. 176–186.
532. Скринник, В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях: автореф. дисс. ... докт. пол. наук: 23.00.04 / В.М. Скринник; Кыргызско-Российский Славянский ун-т. – Бишкек, 2009. – 38 с.
533. Славич, О.Д. Націократичні концепції в українській політичній думці першої половини ХХ століття: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / О.Д. Славич; Київський національний ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ, 2007. – 24 с.
534. Следзевский, И.В. Образ России как смысловой конструкт / И.В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 93–104.
535. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1, 2 изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 531.
536. Слово митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия на встрече с руководством и сотрудниками Департамента образования города Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2833064.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
537. «Слово пастыря». Выпуск от 6 сентября 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
538. Слово Святейшего Патриарха Алексия на открытии XV Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/188230.html>. – Дата доступа: 11.03.2016.
539. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Никольском кафедральном соборе города Горловки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/707934.html>. – Дата доступа: 13.02.2016.
540. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на V Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4265245.html>. – Дата доступа: 12.02.2016.
541. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>. – Дата доступа: 09.04.2015.
542. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Международного фестиваля славянских народов «Славянское единство-2011» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 09.02.2016.
543. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Международного фестиваля славянских народов «Славянское единство-2012» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 12.02.2016.
544. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после возложения цветов к мемориалу жертвам массового голода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705092.html>. – Дата доступа: 14.02.2016.
545. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии Преждеосвященных Даров в 38-ю годовщину архиерейской хиротонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3606218.html>. – Дата доступа: 25.04.2015.
546. Слука, А.Г. Нацыянальная ідэя: шлях народа (генезіс праблемы) / А.Г. Слука. – Мінск: РІВШ, 2005. – 428 с.
547. Смирнов, М.А. «Святая Русь»: от метафизики к политике / М.А. Смирнов // Свободная мысль. – 2010. – №3(1610). – С. 125–134.
548. Соболев, А.А. Нова зовнішня політика Кремля на українському напрямку / А.А. Соболев // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 3 (32). – С. 14–22.
549. Совещание послов и постоянных представителей РФ за рубежом в МИД. 9 июля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902>. – Дата доступа: 18.04.2016.
550. Соловьев, В.С. Воскресные письма. 1897–1898 / В.С. Соловьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/>. – Дата доступа: 18.04.2016.
551. Соловьев, В.С. Русская идея / В.С. Соловьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html>. – Дата доступа: 18.04.2016.
552. Сорокин, П.А. Общие принципы цивилизационной теории и её критика / П.А. Сорокин // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 47–54.

553. Спиридонова, В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли: сопоставительный анализ: автореф. дисс. докт. филос. наук: 09.00.11 / В.И. Спиридонова; Ин-т философии РАН. – М., 2008. – 52 с.
554. Спорышев, П.П. Российская диаспора как объект внешней политики России : автореф. дисс. канд. полит. наук: 23.00.04 / П.П. Спорышев; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 23 с.
555. Сталин, И.В. Сочинения: в 13 т. / И.В. Сталин. М.: – Т.2. – С.
556. Станкевич, Г. Религия и современный политический процесс / Г. Станкевич // Власть. – 2009. – № 12. – С. 91–94.
557. Стенографический отчёт о встрече с участниками форума «Селигер-2014» 29 августа 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46507/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
558. Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» 26 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23986/>. – Дата доступа: 17.08.2015.
559. Столяров, А. Русский мир / А. Столяров // Русский архипелаг – сетевой проект «Русского мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 18.04.2016.
560. Стрежнева, М.В. Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории) / М.В. Стрежнева // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 26–43.
561. Стрельников, С.С. Особенности применения понятия «каноническая территория» в современном церковном дискурсе / С.С. Стрельников // Дискурс-Пи. – 2013. – Т. 10. – № 1-2. – С. 97–99.
562. Струп, К. Российские истоки так называемого «постсекулярного момента». Некоторые предварительные наблюдения / К. Струп // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 1 (32) – С. 9–40.
563. Султыгова Л.З. Самодержавие, православие и народность в российской государственно-правовой доктрине / Л.З. Султыгова // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 184–204.
564. Суляк, С. Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? / С. Суляк // Русин. – 2012. – № 3 (29). – С. 5–32.
565. Суни, Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи / Р.Г. Суни // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 36–82.

566. Сутырин, В.В. Белорусский мир: модель развития для Восточной Европы. Аналитический доклад / В.В. Сутырин. – М.: Центр изучения перспектив интеграции, 2016. – 36 с.
567. Суханова, Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России / Н.Е. Суханова // Власть. – 2015. – № 12. – С. 79–84.
568. Сухотский, Н.Н. Основы идеологии белорусского государства: учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-08 01 01 «Профессиональное обучение» / Н.Н. Сухотский, И.А. Гуша. – Минск: МГВРК, 2009. – 84 с.
569. Сціборський, М. Націократія / М. Сціборський [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrlife.org/main/evshan/natiocracy61.htm>. – Дата доступа: 05.05.2016.
570. Сытин, А. Европейский и евразийский союз: столкновение интеграций / А. Сытин // Східноукраїнський конфлікт в контексті глобальних трансформацій / Український інститут стратегій глобального розвитку і адаптації; Український культурологічний центр; ТОВ «Східний видавничий дім». – Донецьк, 2015. – С. 9–31.
571. Таранюк, Ж.П. Религия и политика: трансформация институциональных форм взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ж.П. Таранюк; Сибирский ин-т межд. отношений и регионоведения. – М., 2013. – 30 с.
572. Тарасевич, И.А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / И.А. Тарасевич; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2014. – 376 с.
573. Татищев, Б.Ю. «Русская Национальная Идея» как ключевой элемент Концепции национального развития России / Б.Ю. Татищев. – Крым: издание автора, 2001. – 62 с.
574. Тихомиров, Ю.А. Геополитические особенности России и их влияние на национальную безопасность в условиях постсоветской трансформации: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Ю.А. Тихомиров; Моск. гор. ун-т управления правительства Москвы. – М., 2005. – 48 с.
575. Тихонова, Н.Е. Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2015. – № 1. – С. 52–63.
576. Тишков, В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2013. – 649 с.
577. Тишков, В.А. Русский мир: смыслы и стратегии / В.А. Тишков // Стратегия России. – №7, Июль 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/>. – Дата доступа: 19.10.2015.

578. Тишков, В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.
579. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
580. Треушников, А.И. Антиномия «Запад – Восток» в историософии всеединства / А.И. Треушников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 607–612.
581. Трубецкой, Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н.С. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aktivnoetv.ru/writer/9646/books/36242/>. – Дата доступа: 11.12.2015.
582. Трубецкой, Н.С. Мы и другие / Н.С. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/~gumilev/TNS/tns01.htm/>. – Дата доступа: 13.04.2016.
583. Уваров, С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
584. Узлов, Ю.А. Славянский мир в контексте системной концепции глобальных проблем / Ю.А. Узлов // Общество: философия, история, культура. – 2014. – № 3. – С. 19–23.
585. Україната проект «русского мира» : аналіт. доп. / С.І. Здіорук, В.М. Яблонський, В.В. Токман [та ін.]; за ред. В. М. Яблонського та С.І. Здіорука. – К. : НІСД, 2014. – 80 с. – (Сер. «Гуманітарний розвиток», вип. 1). – 80 с.
586. Устав РПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133115.html>. – Дата доступа: 09.02.2016.
587. Устав Фонда «Русский мир»: утв. Общим собранием учредителей Фонда «Русский мир» от 06.08.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://russkiymir.ru/fund/>. – Дата доступа: 26.04.2015.
588. Устав Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом: утв. приказом МИД России и Россотрудничества, 21.07.2011, № 12970/074-пр.
589. Ухтомский, Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку.
590. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа: 11.03.2016.
591. Фатющенко, В.И. Русский мир в контексте мировых цивилизаций: Курс лекций / В.И. Фатющенко. – М.: Гнозис, 2009. – 320 с.
592. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2006–2011 гг.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 29.12.2005, № 833.

593. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011–2015 гг.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 20.11.2011, № 492.
594. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 20.05.2015, № 481.
595. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/>. – Дата доступа: 26.04.2016.
596. Федотова, В.Г. Как Русский мир стал известен миру в целом: прецедентные феномены российской культуры // Русский мир как цивилизационное пространство / Рос. акад. наук; ин-т философии РАН; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 219–246.
597. Феодосий (Иванников), Игумен. Евразийцы как представители русской интеллигенции первой половины XX века / Феодосий (Иванников) // Интеллигенция и мир. – 2010. – № 1. – С. 43–56.
598. Филипчук, С.В. Вияви «русского мира» у друкованих медіа УПЦ МП / С.В. Филипчук // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 94. – С. 214–219.
599. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П.Г. Никитенко [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621 с.
600. Фихте, И.Г. Речи к немецкой нации / И.Г. Фихте. – СПб.: Наука, 2009. – 344 с.
601. Фишман, Л.Г. О «Русском мире» и бесперспективности «недонационализма» / Л.Г. Фишман // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 99. – С. 261–268.
602. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 571 с.
603. Харин, А. Эволюционные модели государства постмодерна / А. Харин // Свободная мысль. – 2012. – № 11–12 (1635). – С. 91–102.
604. Харитонова, Е.М. /ффеektivность «мягкой силы»: проблема оценки / Е.М. Харитонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48–58.
605. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
606. Хлыщева, Е.В. Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 24.00.01 / Е.В. Хлыщева; Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2011. – 53 с.

607. Холмогоров, Е. Каноническое пространство: принципы, идеологи, конфликты / Е. Холмогоров, А. Солдатов // Отечественные записки. – 2002. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6>. – Дата доступа: 20.12.2016.
608. Хомяков, А.С. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа» (Письмо к г-же Н.) / А.С. Хомяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/khomyakov/izpisma.html>. – Дата доступа: 01.02.2016.
609. Хубулури, Е.И. Маркетинговая модель организации государственной политики и управления социальной защитой населения современной России (политологический аспект): автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.02 / Е.И. Хубулури; Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2011. – 60 с.
610. Царьков, П.Е. Концепция общественного идеала в работах П.И. Новгородцева и его последователей: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / П.Е. Царьков; Ин-т социологии РАН. – М., 2015. – 25 с.
611. Цепелев, А.Ю. Социальное моделирование региональной идентификации: социолого-управленческий аспект : автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / А.Ю. Цепелев; Ин-т социологии РАН. – М., 2014. – 25 с.
612. Циркулярное предложение г. Управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. – 1834. – № 1. – С. XLIX–L.
613. Цымбурский, В. Откуда подует ветер? / В. Цымбурский // Русский журнал. – 2003. – 10 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/20030410-tz.html/>. – Дата доступа: 01.09.2015.
614. Цымбурский, В.Л. «Европа-Россия»: «третья осень» системы цивилизаций / В.Л. Цымбурский // Полис. – 1997. – № 2. – С. 56–76.
615. Цымбурский, В.Л. Основания российского геополитического консерватизма / В.Л. Цымбурский // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 1. – С. 41–44.
616. Цымбурский, В.Л. Остров Россия перспективы российской геополитики / В.Л. Цымбурский // Полис. – 1993. – № 5. – С. 6–53.
617. Чаплин, В. Русский мир немислим без православия / В. Чаплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua/>. – Дата доступа: 12.02.2016.
618. Чаусов, Ю. Беларусь – не проект! Нечаянный успех и неоконченная история синтетического национализма / Ю. Чаусов // Проблемы современной белорусской идеологии / [под ред. А.Е. Тараса]. – Рьга: Істытут беларускай гісторыі культуры, 2012. – С. 49–62.

619. Чепурин, А.В. На пути к консолидации Русского мира / А.В. Чепурин // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2009. – № 1. – С. 53–60.
620. Черенков, М. «Православная армия» против «униатов, раскольников и сектантов»: идеология и террор «русского мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua>. – Дата доступа: 09.03.2015.
621. Черенков, М. «Православная армия» против «униатов, раскольников и сектантов»: идеология и террор «русского мира» / М. Черенков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theology.in.ua/>. – Дата доступа: 12.03.2016.
622. Черенков, М. Виклик релігійній свободі та духовно-конфесійному плюралізму України: ідеологія та екстремізм «Русского міра» / М. Черенков // Східноукраїнський конфлікт в контексті глобальних трансформацій / Український ін-т стратегій глобального розвитку і адаптації; Український культурологічний центр «Східний видавничий дім». – Донецьк, 2015. – С. 70–80.
623. Черненко, Т.В. Окупований Крим: шляхи запобігання політичному та соціокультурному відставанню від України / Т.В. Черненко // Стратегічні пріоритети. – 2014. – № 3 (32). – С. 52–60.
624. Чешеви́к, А.Б. Идеология белорусского государства / А.Б. Чешеви́к // Здоровоохранение. – 2010. – № 3. – С. 4–6.
625. Чому «Рускій мір» знищує Україну? [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/29153-chomuguskij-mir-znishhuye-ukrayinu.html/. – Дата доступа: 24.04.2016.
626. Чорний, В.С. Особливості публічної дипломатії Російської Федерації на сучасному етапі / В.С. Чорний, О.М. Тотовицька // Гілея: науковий вісник. – 2013. – № 05 (72). – С. 897–902.
627. Чорноморський регіон: виклики та загрози регіональній безпеці». Аналітична записка [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua/articles/2087/>. – Дата доступа: 03.05.2016.
628. Чуешов, В.И. Аксиология и идеология белорусского государства / В.И. Чуешов, А.В. Орлов // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир. Материалы межд. науч. конференции, г. Минск, 5–6 ноября 2008 г.; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2008. – С. 47–49.
629. Чуринов, Н. М. Русская модель мира Лад / Н.М. Чуринов // Теория и история. – №. 1 (12). – 2008. – С. 19–33.
630. Шабалов, М.П. «Мягкая сила» в современной геополитике / М.П. Шабалов // Стратегические приоритеты. – 2015. – № 1 (5). – С. 48–59.
631. Шабалова, О.А. Формирование подходов к изучению феномена «региональная идентичность» в российском дискурсе / О.А. Шабалова //

- Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. – 2014. – № 2. – С. 139–145.
632. Шайгородский, Ю.Ж. Політика: взаємодія реальності і міфу: автореф. дис. ...докт. пол. наук: 23.00.01 / Ю.Ж. Шайгородский; Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень імені І.Ф. Кураса НАН України. – Київ, 2009. – 37 с.
633. Шайгородский, Ю.Ж. Ціннісна невизначеність як передумова розвитку політичної міфотворчості / Ю.Ж. Шайгородский // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. – 2008. – Т. 13. – № 5. – С. 760–767.
634. Шахновская, И.В. Подходы к понятию «социальная общность» в праведении и иных социальных науках / И.В. Шахновская // Вестник полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2015. – № 5. – С. 148–152.
635. Шевкун, П.В. Империя и церковь: российская политика в отношении православия на территории Беларуси (1796–1855 гг.): монография / П.В. Шевкун. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 202 с.
636. Шевченко, М. Русский мир – контуры «общей судьбы» / М. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 24.08.2015.
637. Шерис, А.В. Проблема обеспечения религиозной безопасности в Республике Беларусь / А.В. Шерис // Проблемы управления. – 2014. – № 3 (52). – С. 159–162.
638. Шерис, А.В. Религиозный фактор обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь: автореф. дис. ...канд. пол. наук: 23.00.02 / А.В. Шерис; Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск, 2013. – 24 с.
639. Шидловский, С.О. Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской Империи / С.О. Шидловский // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 78–85.
640. Шимов, В.В. Белорусская идентичность в контексте белорусско-российской интеграции / В.В. Шимов // Социология. – 2015. – № 4. – С. 67–74.
641. Шинкарев, В.В. Идеология государственности и общественного развития Республики Беларусь: Монография / Шинкарев В.В., Варганова Л.В. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2002. – 235 с.
642. Широкалова, Г.С. Российские тренды понимания свободы совести / Г.С. Широкалова // Вестник Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 150–164.
643. Широкалова, Г.С. РПЦ плюс государство: цели и результаты / Г.С. Широкалова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 38. – С. 51–55.

644. Широкова, М.А. Специфика взглядов ранних славянофилов на соотношение интересов общества и государства / М.А. Широкова // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 80–83.
645. Широченко, Т.В. Іміджева політика Росії: інституційний та технологічний виміри / Т.В. Широченко // Грані. Politicalscience. – 2014. – № 9 (113). – С. 99–105.
646. Шитихин, П.П. Проблема «Россия – Запад – Восток» в трудах евразийцев / П.П. Шитихин // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – № 7. – С. 183–193.
647. Шкіль, С.О. Критика концепції «руського світу» в Україні / С.О. Шкіль // Схід. – 2015. – № 4. – С. 103–108.
648. Шкіль, С.О. Трансформації наративів сучасного російського православія (2011–2013) / С.О. Шкіль // Гілея: научный вестник. – 2016. – № 106. – С. 290–295.
649. Шкурова, Е.В. Развитие межконфессиональных отношений в Республике Беларусь: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Е.В. Шкурова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 22 с.
650. Шнирельман, В.А. Глобализация и конфликты / В.А. Шнирельман // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 4–22.
651. Шнирельман, В.А. Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого — ответ моим критикам / В.А. Шнирельман // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 100–113.
652. Шнирельман, В.А. Лев Николаевич Гумилёв: основатель этнологии? / В.А. Шнирельман, С.А. Панарин // Вестник Евразии. – 2000. – № 3. – С. 5–37.
653. Шнирельман, В.А. Неоевразийство в постсоветском интерьере: имперская идеология в неимперском контексте / В.А. Шнирельман // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 4 (25). – С. 37–45.
654. Шнирельман, В.А. Прошлое – светлое или темное? Христианский и языческий подходы / В.А. Шнирельман // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. – М.: Инслав РАН, 2016. – С. 135–151.
655. Шнирельман, В.А. Расизм, этничность и демократия: национальные модели / В.А. Шнирельман // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 66–85.
656. Шнирельман, В.А. Слово о «голом (или не вполне голым) короле» / В.А. Шнирельман // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 2. – С. 55–76.

657. Штекль, К. Европейская интеграция и русское православие / К. Штекль // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1-30. – С. 89–124.
658. Шульга, М. Геополітичні інтенції російських цивілізаційних концепцій / М. Шульга // Політичний менеджмент. – 2008. – № 5. – С. 141–150.
659. Шульченко, М.В. До витоків «русского мира» або деякі аспекти соціокультурної пропаганди Російської Імперії на сторінках полтавської губернської преси: початок Першої світової війни / М.В. Шульченко // Культура і Сучасність. – 2014. – № 2. – С. 64–69.
660. Щедровицкий, П. Государство в эпоху гуманитарных технологий / П. Щедровицкий // Русский архипелаг – сетевой проект «Русского мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 18.04.2016.
661. Щедровицкий, П. Русский мир / П. Щедровицкий // Независимая газета. – 2000. – 11 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2000-02-11/8_russian_world.html/. – Дата доступа: 04.09.2015.
662. Щедровицкий, П. Русский мир и транснациональное русское / П. Щедровицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>. – Дата доступа: 30.08.2015.
663. Щербакова, Н.И. Русский мир как субстанция геополитического родства / сближения / Н.И. Щербакова // Aspectus. – 2014. – № 1. – С. 56–62.
664. Щербинин, А.И. Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации / А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3 (31). – С. 5–14.
665. Щербинин, А.И. Славянский мир как политический конструкт / А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина // Русин. – 2015. – № 4 (42). – С. 37–52.
666. Щодо питання забезпечення мовно-культурних прав етнічних росіян в Україні». Аналітична записка [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua/articles/1483/>. – Дата доступа: 03.05.2016.
667. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.
668. Яковлева, А.Ф. Трансграничность как цивилизационная особенность Русского мира / А.Ф. Яковлева / Рос. акад. наук; ин-т философии РАН; Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 270–290.
669. Якунин, В. Государственная идеология и национальная идея: конституционноценностный подход / В. Якунин // Власть. – 2007. – № 3. – С. 3–12.

670. Ямилов, Р.М. Русский мир vs Англосаксонский мир: вопросы, возможности, стратегия / Р.М. Ямилов // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 3. – С. 77–85.
671. Янковская, Л.В. Основы идеологии белорусского государства: учеб.-метод. комплекс для студентов техн. и гум. спец. и слушателей ИПК УО «ПГУ» / Л.В. Янковская. – Новополоцк: ПГУ, 2009. – 104 с.
672. Януш, О.Б. Русский язык: вызовы и внешняя политика России / О.Б. Януш // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: Материалы Межд. научн. конференции; (Екатеринбург, 26 – 28.08.2014) / гл. ред. И.В. Култышева; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; ФГБОУ ВПО «Нижегород. гос. соц.-пед. акад.». – Екатеринбург, 2014. – С. 157–163.
673. Яркова, Н.А. Определенность русского мира / Н.А. Яркова // Познание стран мира: история, культура, достижения. – 2013. – № 2. – С. 127–130.
674. Яркова, Н.А. Понятие русского мира / Н.А. Яркова, И.А. Пфаненштиль // Наука вчера, сегодня, завтра: материалы I Межд. заочной науч.-практ. конф. (26 июня 2013 г.). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 74–78.
675. Яркова, Н.А. Социально-философский анализ концепта «Русский мир»: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Н.А. Яркова. – Красноярск, 2014. – 158 с.
676. Яркова, Н.А. Социально-философский анализ концепта «Русский мир»: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Н.А. Яркова; Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2014. – 24 с.
677. Ярмоленко, М.І. Політичне русинство в конструюванні штучної ідентичності закарпаття // Гілея: научный вестник. – 2015. – № 93. – С. 358–363.
678. Ярошенко, Л.А. «Разрыв ценностей» в политическом диалоге Россия – Европейский союз (1994–2010): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Л.А. Ярошенко; НИУ Высшая школа экономики. – М., 2001. – 36 с.
679. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты: Учеб.-метод. пособие для преподавателей, студентов, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – 360 с.
680. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: практикум / Я.С. Яскевич, Д.В. Белявцева. – Минск: БГЭУ, 2006. – 178 с.
681. Яценко, М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / М.П. Яценко; ГОУ ВПО «Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена». – Санкт-Петербург, 2010. – 37 с.

682. Яшина, А.В. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной и международной безопасности / А.В. Яшина // Научные труды СЗИУ РАНХиГ. – Том 4. – Выпуск 5(12). – С. 200–206.
683. Яшкова, Т.А. Воздействие глобальных трансформационных вызовов на процесс политической модернизации России: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.04 / Т.А. Яшкова; РАНХиГС. – М., 2007. – 52 с.
684. Яшкова, Т.А. Основные геополитические вызовы XXI века / Т.А. Яшкова // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2015. – № 7 (20). – С. 121–123.

Ассоциативный эксперимент

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1. Атеизм	
2. Беларусь	
3. Вера	
4. Демократия	
5. Духовность	
6. Европа	
7. Евросоюз	
8. Запад	
9. Идеология	
10. Индивидуализм	
11. Ислам	
12. Католицизм	
13. Коллективизм	
14. Либерализм	
15. НАТО	
16. Политика	
17. Права человека	
18. Православие	
19. Религия	
20. Россия	
21. Русская православная церковь	
22. Русский мир	
23. Свобода совести	
24. Свободомыслие	
25. Священник	
26. Толерантность	
27. Украина	
28. Униатство	
29. Христианство	
30. Язычество	

АНКЕТА

Уважаемый респондент!

Просим принять участие в исследовании, посвященном изучению особенностей и основных направлений политического и культурного развития Республики Беларусь.

Пожалуйста, внимательно прочтите вопросы и варианты ответов к ним. Выберите и отметьте любым знаком тот вариант ответа, который наиболее полно отражает Ваше личное мнение, либо напишите в свободной строке свой вариант ответа. По каждому из вопросов возможно несколько вариантов ответа. Если нужный вариант ответа отсутствует, напишите его в свободной строке.

Опрос анонимный. Все материалы будут использованы только в обобщенном виде.

1. Назовите основные отличительные черты белорусского менталитета (можно выбрать до 4 вариантов ответа):

1. Законопослушность, высокий уровень правовой культуры
2. Терпимость
3. Чувство принадлежности к единому славянскому миру
4. Чувство принадлежности к европейским ценностям
5. Религиозность, вера в бога
6. Приверженность христианским ценностям
7. Религиозная индифферентность (безразличие)
8. Толерантность
9. Трудолюбие
10. Духовность
11. Коллективизм
12. Индивидуализм
13. Другое (свой вариант) _____

2. Какой исторический период, на Ваш взгляд, в наибольшей степени оказал влияние на менталитет белорусского народа? (можно выбрать до 4 вариантов ответа):

1. Пребывание в составе Речи Посполитой
2. Пребывание в составе ВКЛ
3. Пребывание в составе Киевской Руси и Российской Империи
4. Советское прошлое
5. Перестройка, обретение независимости
6. Равное влияние всех этапов развития
7. Другое (свой вариант) _____

3. Что Вы считаете основным условием политического развития Республики Беларусь:

1. Демократия, выборность органов государственной власти
2. Социальный характер государства
3. Принцип разделения властей
4. Соблюдение прав человека
5. Отсутствие обязательной идеологии политических партий, религиозных или общественных объединений
6. Приоритет международного права
7. Другое (свой вариант) _____

4. Как Вы относитесь к концепции прав человека?

1. Усредненный стандарт поведения, необходимый в поликультурном мире
2. Универсальная ценность
3. Угроза традиционным ценностям
4. Необходимое условие признания страны мировым сообществом, основа международной деятельности
5. Инструмент «двойных стандартов»
6. Реальный инструмент защиты прав и интересов гражданина
7. Другое (свой вариант) _____

5. Как Вы оцениваете уровень политической культуры белорусского общества?

1. Высокий
2. Средний
3. Низкий
4. Затрудняюсь ответить

6. Как Вы оцениваете уровень национального самосознания белорусского общества?

1. Высокий
2. Средний
3. Низкий
4. Затрудняюсь ответить

7. Какими, на Ваш взгляд, должны быть главные направления внешней политики Республики Беларусь (можно выбрать до 4 вариантов ответа):

1. Развитие связей с Евросоюзом
2. Развитие связей с США
3. Сотрудничество с НАТО
4. Развитие связей с Россией
5. Развитие связей с другими странами СНГ
6. Развитие связей с Азией (Китай, Индия и др.)
7. Развитие связей с Ближним Востоком (Иран, Пакистан, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.)
8. «Русский мир» – объединение России, Украины и Беларуси.
9. Равное партнерство со всеми странами и регионами
10. Другое (свой вариант) _____

8. Что, на Ваш взгляд, является главным фактором развития связей Республики Беларусь с Россией? (можно выбрать до 4 вариантов ответа)

1. Общая история
2. Общая культура, традиции
3. Единое торгово-экономическое пространство
4. Зависимость от энергоресурсов
5. Общий государственный язык (русский язык)
6. Возможность совместного противостояния Западу и НАТО
7. Более мощные, по сравнению с другими непосредственными соседями (Прибалтикой, Украиной и Польшей), экономика и рынок сбыта
8. Православная вера, общие христианские ценности
9. Личные отношения лидеров двух стран
10. Межгосударственные договоры и соглашения, предполагающие взаимные обязательства
11. Другое (свой вариант) _____

9. Что, на Ваш взгляд, препятствует расширению связей Республики Беларусь с США, ЕС и НАТО?

1. Экономическая и финансовая нецелесообразность
2. Осознание своей независимости, самобытности, особой ментальности белорусского народа
3. Осознание единства с восточнославянским миром
4. Внешнеполитическая и экономическая зависимость от России
5. Ничего не препятствует, Беларусь – часть Европы
6. Личные предпочтения руководства страны
7. Искусственная внешнеполитическая изоляция Республики Беларусь
8. Другое (свой вариант) _____

10. Какие социально-политические институты (структуры, организации) Вы считаете наиболее эффективными в налаживании интегративных процессов?

1. Различные межгосударственные советы, комитеты, комиссии
2. Политические партии
3. Общественные движения
4. Русская православная церковь, другие традиционные конфессии
5. В интеграционных процессах решающая роль принадлежит индивидуальностям (лидерам), а не институтам
6. Другое (свой вариант) _____

11. Как Вы относитесь к возможной реализации идеи «Русского мира» (объединения России, Украины и Беларуси):

1. Это перспективное направление внешнеполитического и внешнеэкономического развития страны
2. Считаю утопией
3. Как к возможной альтернативе другим направлениям (Евросоюз, США, НАТО)
4. Считаю это утратой независимости и суверенитета Республики Беларусь.
5. Это возвращение к историческим и культурным истокам, общему прошлому славянских народов
6. Беларусь – самобытное государство со своей уникальной культурой, языком, традициями и ценностями, ей не нужно ни с кем объединяться
7. Это достойный ответ на попытки посягательства на суверенитет и независимость Республики Беларусь со стороны Запада
8. Другое (свой вариант) _____

12. Как Вы относитесь к участию Церкви в политических процессах? (можно выбрать до 4 вариантов ответа)

1. Церковь призвана решать другие, неполитические задачи
2. Церковь – такой же субъект политических процессов, как и любая другая организация
3. Отрицательно, поскольку церковь отделена от государства
4. Церковь – неполитический институт и поэтому способна предложить новый, более эффективный вариант решения существующих проблем
5. Это дискредитирует церковь и священнослужителей
6. Церковь и власть объединяет забота о будущем страны
7. Церковь и власть объединяют получение материальной выгоды
8. Это модно, необходимая часть имиджа
9. Мне все равно
10. Другое (свой вариант) _____

13. Какая религия, по Вашему мнению, оказала наибольшее влияние на формирование белорусской культуры и менталитета:

1. Язычество
2. Старообрядчество
3. Православие
4. Католицизм
5. Униатство
6. Никакая
7. Другое(свойвариант) _____

14. В какой степени традиционные конфессии оказывают реальное влияние на политические процессы:

Конфессия	Оказывает значительное влияние	Оказывает незначительное влияние	Не оказывает влияния
Православие	1	2	3
Католицизм	1	2	3
Ислам	1	2	3
Иудаизм	1	2	3
Другое	1	2	3

15. В какой степени политические процессы оказывают влияние на деятельность и официальную позицию традиционных конфессий:

Конфессия	Оказывает значительное влияние	Оказывает незначительное влияние	Не оказывает влияния
Православие	1	2	3
Католицизм	1	2	3
Ислам	1	2	3
Иудаизм	1	2	3
Другое	1	2	3

16. Чем Вы руководствуетесь в своей повседневной деятельности (выберите три варианта):

1. Целесообразностью
2. Своим личным пониманием добра и зла
3. Законодательством
4. Христианскими заповедями, религиозными нормами
5. Необходимостью соблюдать общепринятые нормы
6. Примером значимых для меня людей
7. Другое (свой вариант)

Ваш пол:

1. Мужской
2. Женский

Благодарим Вас за участие в исследовании!

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТНОГО ОПРОСА

1. Назовите основные отличительные черты белорусского менталитета

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Терпимость	64,5	71,8
Толерантность	50,8	61,4
Трудолюбие	54,8	54,0
Чувство принадлежности к единому славянскому миру	19,7	31,7
Приверженность христианским ценностям	13,7	24,3
Религиозность, вера в бога	23,4	14,9
Коллективизм	23,0	14,9
Законопослушность, высокий уровень правовой культуры	14,5	13,9
Чувство принадлежности к европейским ценностям	3,5	8,9
Духовность	5,4	6,9
Религиозная индифферентность (безразличие)	8,7	4,5
Индивидуализм	5,4	0,5

2. Какой исторический период, на Ваш взгляд, в наибольшей степени оказал влияние на менталитет белорусского народа?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Советское прошлое	59,6	56,9
Перестройка, обретение независимости	37,3	30,2
Равное влияние всех этапов развития	20,4	16,3
Пребывание в составе ВКЛ	25,4	34,7
Пребывание в составе Киевской Руси и Российской Империи	15,9	17,8
Пребывание в составе Речи Посполитой	12,4	14,4

3. Что Вы считаете основным условием политического развития Республики Беларусь?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Демократия, выборность органов государственной власти	56,1	59,1
Соблюдение прав человека	51,2	51,7
Социальный характер государства	40,3	39,3
Принцип разделения властей	25,5	26
Приоритет международного права	13,8	10,7
Отсутствие обязательной идеологии политических партий, религиозных или общественных объединений	9,9	9,1

4. Как Вы относитесь к концепции прав человека?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Реальный инструмент защиты прав и интересов гражданина	37,2	40,4
Универсальная ценность	24,2	25,6
Усредненный стандарт поведения, необходимый в поликультурном мире	20,4	19,2
Инструмент «двойных стандартов»	19,4	19,2
Необходимое условие признания страны мировым сообществом, основа международной деятельности	23,0	20,8
Угроза традиционным ценностям	3,2	2

5. Как Вы оцениваете уровень политической культуры белорусского общества?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
1. Средний	46,1	41,6
2. Низкий	40,3	40,6
3. Затрудняюсь ответить	9,5	12,4
4. Высокий	4,1	5,4

6. Как Вы оцениваете уровень национального самосознания белорусского общества?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
1. Средний	50,2	52,0
2. Низкий	37,0	29,3
3. Затрудняюсь ответить	10,4	15,7
4. Высокий	2,4	3,0

7. Какими, на Ваш взгляд, должны быть главные направления внешней политики Республики Беларусь?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Развитие связей с Россией	68,5	71
Развитие связей с другими странами СНГ	40,1	41,3
Развитие связей с Евросоюзом	40,7	39,3
Развитие связей с Азией (Китай, Индия и др.)	40,9	38,5
Равное партнерство со всеми странами и регионами	29,5	32,1
Развитие связей с Ближним Востоком (Иран, Пакистан, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.)	23,0	22,6
«Русский мир» – объединение России, Украины и Беларуси.	15,1	13,9
Развитие связей с США	6,4	4,8
Сотрудничество с НАТО	4,1	2,8

8. Что, на Ваш взгляд, является главным фактором развития связей Республики Беларусь с Россией?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Общая культура, традиции	54,3	67,6
Единое торгово-экономическое пространство	53,3	57,6
Общая история	49,0	52,5
Зависимость от энергоресурсов	49,0	42,4
Межгосударственные договоры и соглашения, предполагающие взаимные обязательства	20,7	14,3
Православная вера, общие христианские ценности	18,8	17,6
Более мощные, по сравнению с другими непосредственными соседями (Прибалтикой, Украиной и Польшей), экономика и рынок сбыта	18,2	15,1
Возможность совместного противостояния Западу и НАТО	14,5	15,5
Общий государственный язык (русский язык)	17,1	29,5
Личные отношения лидеров двух стран	7,9	3,5

9. Что, на Ваш взгляд, препятствует расширению связей Республики Беларусь с США, ЕС и НАТО?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Искусственная внешнеполитическая изоляция Республики Беларусь	31,6	30,5
Осознание своей независимости, самобытности, особой ментальности белорусского народа	17,8	13,7
Внешиполитическая и экономическая зависимость от России	40,0	48,9
Ничего не препятствует, Беларусь – часть Европы	12,6	5,3
Личные предпочтения руководства страны	15,4	22,6
Экономическая и финансовая нецелесообразность	15,6	13,7
Осознание единства с восточнославянским миром	8,0	7,9
Другое	3,8	3,7

10. Какие социально-политические институты (структуры, организации) Вы считаете наиболее эффективными в налаживании интегративных процессов?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Различные межгосударственные советы, комитеты, комиссии	48,8	42,0
В интеграционных процессах решающая роль принадлежит индивидуальностям (лидерам), а не институтам	36,4	34,1
Общественные движения	25,5	21,6
Политические партии	6,4	14,8
Русская православная церковь, другие традиционные конфессии	6,4	9,7

11. Как Вы относитесь к возможной реализации идеи «Русского мира» (объединения России, Украины и Беларуси)?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Считаю утопией	27,6	24,1
Беларусь – самобытное государство со своей уникальной культурой, языком, традициями и ценностями, ей не нужно ни с кем объединяться	21,1	19,9
Как к возможной альтернативе другим направлениям (Евросоюз, США, НАТО)	18,5	15,7
Считаю это утратой независимости и суверенитета Республики Беларусь.	20,5	20,4
Это перспективное направление внешнеполитического и внешнеэкономического развития страны	13,5	11,5
Это достойный ответ на попытки посягательства на суверенитет и независимость Республики Беларусь со стороны Запада	11,7	17,3
Это возвращение к историческим и культурным истокам, общему прошлому славянских народов	14,3	13,6

12. Как Вы относитесь к участию Церкви в политических процессах?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Церковь призвана решать другие, неполитические задачи	50,8	54,6
Отрицательно, поскольку церковь отделена от государства	23,6	23,5
Церковь и власть объединяет забота о будущем страны	22,3	18,4
Церковь – неполитический институт и поэтому способна предложить новый, более эффективный вариант решения существующих проблем	16,4	16,8
Церковь и власть объединяют получение материальной выгоды	4,3	2,0
Церковь – такой же субъект политических процессов, как и любая другая организация	7,8	10,2
Это дискредитирует церковь и священнослужителей	9,4	11,2
Это модно, необходимая часть имиджа	2,7	2,0
Мне все равно	2,7	3,6

13. Какая религия, по Вашему мнению, оказала наибольшее влияние на формирование белорусской культуры и менталитета?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Православие	78,4	74,7
Католицизм	26,8	17,2
Язычество	13,7	8,6
Никакая	5,2	8,1
Старообрядчество	5,7	5,1
Униатство	3,6	4,5

14. В какой степени традиционные конфессии оказывают реальное влияние на политические процессы:

Конфессия	Оказывает значительное влияние		Оказывает незначительное влияние		Не оказывает влияния	
	Студенты	Идеологи	Студенты	Идеологи	Студенты	Идеологи
Православие	47,8	56,8	39,2	29,5	13,1	13,6
Католицизм	35,2	33,1	46,0	56,2	18,7	10,7
Ислам	28,4	26,5	23,2	8,0	48,4	65,4
Иудаизм	8,7	6,9	29,5	27,0	61,8	66,0

15. В какой степени политические процессы оказывают влияние на деятельность и официальную позицию традиционных конфессий?

Конфессия	Оказывает значительное влияние		Оказывает незначительное влияние		Не оказывает влияния	
	Студенты	Идеологи	Студенты	Идеологи	Студенты	Идеологи
Православие	47,8	56,8	39,2	29,5	13,1	13,6
Католицизм	35,2	33,1	46,0	56,2	18,7	10,7
Ислам	28,4	26,5	23,2	8,0	48,4	65,4
Иудаизм	8,7	6,9	29,5	27,0	61,8	66,0

16. Чем Вы руководствуетесь в своей повседневной деятельности?

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
Целесообразностью	65,3	62,2
Своим личным пониманием добра и зла	41,6	55,9
Законодательством	35,8	47,3
Необходимостью соблюдать общепринятые нормы	35,8	42,6
Христианскими заповедями, религиозными нормами	17,8	18,6
Примером значимых для меня людей	16,7	17,0

Ваш пол:

Вариант ответа	Студенты	Идеологи
1. Мужской	44	59
2. Женский	56	41

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
1 «РУССКИЙ МИР» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	6
1.1 «Русский мир» как культурно- цивилизационный концепт	9
1.2 Специфика и основные проблемы религиозного измерения «Русского мира».....	25
1.3 Геополитический подход: проблемы диаспорального измерения «Русского мира».....	35
2 «РУССКИЙ МИР» КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	58
2.1 Генезис «Русского мира» в контексте формирования и развития «русской идеи»	59
2.2 «Русский мир» как проект Русской православной церкви ...	79
2.3 «Русский мир» как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации	94
3 «РУССКИЙ МИР» КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	107
3.1 Критическое осмысление концепта «Русский мир» в украинских научных исследованиях	108
3.2 Место и роль «Русского мира» в структуре идеологии белорусского государства.....	124
3.3 «Русский мир» в общественном сознании Беларуси	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
Список использованных источников	171
Приложение А	225
Приложение Б.....	226
Приложение В	232

Научное издание

АЛЕЙНИКОВА Светлана Михайловна

***«Русский мир»:
белорусский взгляд***

Монография

Компьютерная верстка **Н. Игнатьева**

Подписано в печать .02. 2017. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать ризография.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. .
Тираж экз. Заказ № .